

ISSN 2713-0681

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Институт социально-политических исследований
ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО Science. Culture. Society

№ 4 / 2023

Том 29

DOI: 10.19181/nko.2023.29.4

Сетевой рецензируемый научный журнал
Издаётся с 1995 г.

(Ранее назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

Включён в перечень ВАК. Включён в Российский индекс научного цитирования
(РИНЦ).

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Москва
2023

Главный редактор научного журнала

Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Заместители главного редактора

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, зам. директора по научной работе, руководитель центра политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Иванов Вилен Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Рогачев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Ответственный секретарь

Гребняк Оксана Валерьевна, научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Члены редколлегии

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, Ереванский государственный университет (Армения).

Большаков Владимир Ильич, доктор философских наук, профессор РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина.

Вакарелу Мариус, доктор философии, Национальный университет политических наук и госуправления (Румыния).

Вдовиченко Лариса Николаевна, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет.

Гуселтов Борис Павлович, доктор политических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН; Институт Европы РАН.

Евтич Миролуб, доктор политических наук, профессор, Белградский университет (Сербия).

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН; Московский Гуманитарный Университет.

Забирова Айгуль Тлеубаевна, доктор социологических наук, Университет ОАЭ (ОАЭ).

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН; ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Иванов Дмитрий Владиславович, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет; Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС.

Ильичева Людмила Ефимовна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН; РАНХиГС.

Мартыненко Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Назарова Елена Александровна, доктор социологических наук, профессор, МГИМО; РАНХиГС.

Овчарова Ольга Геннадиевна, доктор политических наук, профессор РГГУ; профессор РГСАИ.

Орлова Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор РАНХиГС.

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН; Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова.

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; Финансовый университет при Правительстве РФ.

Романович Нелли Александровна, доктор социологических наук, профессор, Воронежский филиал РАНХиГС.

Рубан Лариса Семеновна, доктор социологических наук, профессор, ИВ РАН.

Сакка Фламиния, доктор политических наук, профессор, Университет Тушии (Италия).

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Сингх Вирендра, доктор философии, профессор, Аллахабадский университет (Индия).

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, ИДИ ФНИСЦ РАН.

Тощенко Жан Терентьевич, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, Институт Социологии ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Шереги Франц Эдмундович, кандидат философских наук, директор Центра социального прогнозирования и маркетинга.

Editor in Chief

Victor K. Levashov, Doctor of Sociology, Director, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (ISPR FCTAS RAS).

Deputy Chief Editors

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Science, Deputy Director of Science and Research, Head of the Center for Political Science ISPR FCTAS RAS.

Vilen N. Ivanov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Main Researcher, ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Sergey V. Rogachev, Doctor of Economics, Professor, Main Researcher, ISPR FCTAS RAS.

Executive Secretary

Oksana V. Grebnyak, Researcher, ISPR FCTAS RAS.

Members of the editorial Board

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Science, Professor, Yerevan State University (Armenia).

Vladimir I. Bolshakov, Doctor of Philosophy, National University of Oil and Gas "Gubkin University".

Marius Vacarelu, Ph.D. in administrative sciences, National University of Political Studies and Public Administration (Romania).

Larissa N. Vdovichenko, Doctor of Sociology, Professor, Russian State University for the Humanities.

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Science, ISPR FCTAS RAS; Institute of Europe RAS.

Mirosljub Jevtic, Ph.D. in Political Science, Full Professor, University of Belgrade (Serbia).

Anatoly L. Zhuravlev, Academician, Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology RAS; Moscow University for the Humanities.

Aigul T. Zabirova, Doctor of Sociology, United Arab Emirates University (UAE).

Yuliya A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor, ISPR FCTAS RAS; FCTAS RAS.

Dmitrii V. Ivanov, Doctor of Sociology, St Petersburg University; North-Western Institute of Management – Branch of RANEPA.

Ludmila E. Ilyicheva, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS; RANEPA.

Vladimir V. Martynenko, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Elena A. Nazarova, Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University; RANEPA.

Olga G. Ovcharova, Doctor of Political Science, Professor, RSUH; RSSAA.

Irina V. Orlova, Doctor of Philosophy, Professor, RANEPA.

Gennadii V. Osipov, Academician, Doctor of Philosophy, Professor, IS FCTAS RAS; Higher School of Contemporary Social Sciences, MSU.

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociology, Professor, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS; Financial University under the Government of the Russian Federation.

Nelly A. Romanovich, Doctor of Sociology, Professor, RANEPA Voronezh branch.

Larissa S. Ruban, Doctor of Sociology, Professor, IOS RAS.

Lamania Saccà, Full Professor of Political Sociology, Tuscia University (Italy).

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, ISPR FCTAS RAS.

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociology, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Virendra P. Singh, Ph.D. in Sociology, Professor, University of Allahabad (India).

Anatoly V. Topilin, Doctor of Economics, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS.

Zhan T. Toshchenko, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; RSUH.

Franz E. Sheregi, Candidate of Philosophy, Director of the Center for Social Forecast and Marketing.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

- Хохлов А. А.*
Представления о будущем в коллективном сознании россиян. 6
- Анищенко А. В.*
Феномен цифрового политического участия: формы, модели и сущностные аспекты 18

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

- Пинчук А. Ю.*
О социально-политических резервах и императивах специальной военной операции 28
- Кудрявцев С. А.*
Основные интерпретации процессов демократизации в современной политической науке 40

ДЕМОГРАФИЯ И МИГРАЦИЯ

- Гаджимурадова Г. И., Вукчевич Н.*
Миграционная политика ЕС: политика гуманизма vs угроза национальной безопасности 54
- Микрюков Н. Ю.*
Межрегиональная и международная миграции как факторы гендерных диспропорций в регионах России. 65

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Гуселетов Б. П.*
Итоги парламентских выборов в Финляндии и их возможное влияние на российско-финские отношения 85
- Чернева Т. С.*
Эволюция геополитической экспансии западных держав в АТР: противостояние КНР и стран блока AUKUS 97

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Большаков С. Н., Большакова Ю. М., Минченков Е. Н.*
Роль и воздействие лоббизма на общество (в восприятии жителей ФРГ) . . . 110

ПОЗДРАВЛЕНИЯ И ЮБИЛЕИ

- От редакции*
Поздравляем с юбилеем главного редактора журнала «Наука. Культура. Общество» Левашова Виктора Константиновича! 127

MODERN PROBLEMS IN A TRANSFORMING SOCIETY

- Khokhlov, A. A.*
Ideas about the future in the collective consciousness of Russians 6
- Anishchenko, A. V.*
The phenomenon of digital political participation: forms, models and essential aspects 18

MODERN POLITICAL PROCESSES IN RUSSIA AND ABROAD

- Pinchuk, A. Yu.*
On the socio-political reserves and imperatives of special military operation . . . 28
- Kudryavtsev, S. A.*
The main interpretations of the process of democratization in modern political science 40

DEMOGRAPHICS AND MIGRATION

- Gadzhimuradova, G. I., Vukcevic, N.*
EU migration policy: policy of humanism vs threat to national security 54
- Mikryukov, N. Yu.*
Interregional and international migration as factors of gender disparities in the regions of Russia 65

INTERNATIONAL RELATIONS

- Guseletov, B. P.*
Results of the Finnish parliamentary elections and their possible impact on Russian-Finnish relations 85
- Cherneva, T. S.*
Evolution of geopolitical expansion of Western powers in the Asia-Pacific region: confrontation between China and the AUKUS bloc countries. 97

POLITICAL SCIENCE

- Bolshakov, S. N., Bolshakova, Yu. M., Minchenkov, E. N.*
The role and impact of lobbying on society (as perceived by the people of the FRG) 110

GREETINGS AND ANNIVERSARIES

- Editorial note*
Congratulations on the jubilee of the chief editor of the journal "Science. Culture. Society" Victor K. Levashov! 127

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМся ОБЩЕСТВЕ

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.4.1](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.1)
EDN [CUONIL](https://edn.cuonil.ru)
УДК 323.2

А. А. Хохлов¹

¹ Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ В КОЛЛЕКТИВНОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН

Аннотация. В статье рассматриваются интерпретации образа будущего в представлениях россиян. Особое внимание уделено особенностям формирования образа будущего в условиях политической нестабильности. Показано, что на представления граждан о будущем своих близких и государства оказывают влияние текущие социальные проблемы и противоречия. Однако речь не идёт о механическом переносе актуальных переживаний респондентов на идеализированное будущее. Выявлены факторы, определяющие сложный и многоступенчатый процесс конструирования образа будущего в общественном сознании. Показано, что доверие к политическим институтам и государственной власти является одним из основных факторов в процессе формирования относительно непротиворечивого и позитивного образа будущего. Проанализированы причины слабой реакции общества на различные типы угроз, включая коррупцию и социальное неравенство. Рассмотрены идеологические концепты и стереотипы, которые проявились в последние годы в сознании российских граждан. Отмечена роль СМИ в конструировании коллективных представлений об угрозах существованию государства в среднесрочной перспективе. Прослежена эволюция консервативных политических установок в массовом сознании под воздействием официального политического нарратива. Отмечен факт роста тревожности и алармистских представлений о ближайшем будущем в различных социальных группах, как психологическая реакция индивидов на неполную информацию о происходящих политических переменах в обществе. При этом, очевиден тренд на сохранение демократических институтов и ценностей, от которых современное российское общество не собирается отказываться. Статья носит аналитический характер. Применён метод вторичного анализа. Выводы сделаны на основе публикаций Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН в 1992–2022 гг., по данным всероссийского мониторинга «Как живёшь, Россия?» (1992–2022 гг.), а также комплексного социологического исследования «Прогнозы и альтернативы развития России глазами россиян» (2021 г.), в котором автор статьи принимал участие. На основе проведённых исследований выделены критерии, обеспечивающие воспроизводство стереотипных представлений о будущем в анализируемых социальных группах. Изучение особенностей формирования образа будущего может быть полезным для выработки политических решений, направленных на развитие государственно-политической системы, совершенствование гражданского общества и консолидацию современного российского социума на основе принятия общенациональных ценностей и идеалов. Рассмотрены факторы, препятствующие конструированию целостного образа будущего в нынешней России. Актуальность исследованной темы объясняется тем, что анализ структурных особенностей формирования и функционирования коллективных представлений о завтрашнем дне государства способствует пониманию сложных социально-психологических процессов, происходящих в общественных группах.

Ключевые слова: образ будущего, социальные стереотипы, социальная идентичность, медиа-воздействие, политические нарративы, консервативные ценности, глобальные вызовы

Для цитирования: Хохлов А. А. Представления о будущем в коллективном сознании россиян // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 4. С. 6–17. DOI [10.19181/nko.2023.29.4.1](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.1). EDN [CUONIL](https://edn.cuonil.ru)

© Хохлов А. А., 2023

Введение. Сегодня в научном сообществе идут дискуссии о перспективах той общественно-политической системы, которая формировалась весь послесоветский период. Какие перспективы есть у нынешней социально-политической модели развития России? Насколько устойчива политическая конструкция? Как общество видит своё будущее? Частичные ответы на эти вопросы получены в ходе комплексного социологического исследования: «Прогнозы и альтернативы развития России глазами россиян», проведённого на базе Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН в 2021 году. В статье использованы и другие материалы ИСПИ РАН 1992–2022 гг. [1].

Несомненно, что современное российское общество претерпело довольно существенную идеологическую трансформацию в последнее десятилетие. Кроме того, глобальные проблемы и вызовы не обошли стороной Россию. Проявления и последствия мирового экономического кризиса и глобальной коронавирусной инфекции были осложнены усугублением политических противоречий со странами Запада, введением политических и экономических санкций, что имело следствием изменение уровня и качества жизни российских граждан. В то же время произошла и консолидация граждан вокруг политической власти, как защитная реакция на давление со стороны западных демократий.

Нет сомнения, что мы вступили в полосу затяжного политического кризиса, в котором локальные проблемы обусловлены глобальными противоречиями. В кризисные времена возрастает интерес в научных кругах к исследованию социальных и психологических факторов, которые оказывают влияние на коллективное социальное самочувствие и на то, как граждане представляют себе будущее [2].

Методологические подходы к исследованию будущего. Проблемы проектирования будущего волновали многих известных теоретиков, философов и социологов: от Карла Маркса и Макса Вебера до Фреда Полака. В 50-е годы прошлого столетия этими вопросами занимались футурологи Герман Кан и Бакминстер Фулер. Позднее, Элвин Тоффлер отметил возможность травматичного переживания будущего. А его коллега Фред Полак подчёркивал подвижность и переменчивость образа будущего в общественном сознании [3].

В отечественной традиции стоит выделить социологические труды Питирима Сорокина, разработавшего теорию социальных и культурных изменений, в которой подчёркивалась роль идей и ценностей в формировании будущего [4].

К настоящему времени сложились три основных методологических подхода к изучению будущего. Помимо уже названного «шока от будущего», предложенного Тоффлером, следует назвать «сценарное планирование» и «ориентацию на будущее», как предиктор ряда моделей поведения, включая академические успехи, финансовое планирование и результаты в отношении здоровья [5; 6].

На образ будущего оказывают влияние такие факторы, как личный опыт, стереотипы, социальная среда и, конечно, средства массовой информации. Эффекты медиавоздействия на коллективное сознание изучены недостаточно. Однако можно предполагать, что «содержание» концепта будущего в аудиториях официальных медиа определяется степенью вовлеченности человека в конструируемую медиа реальность. Мы не знаем, что случится, если интенсивность медиа-давления на целевые аудитории резко снизится. Возможно, потребители контента поменяют свои представления о завтрашнем дне своей страны. Но нет причин исключать и тот факт, что сформированные ценностные и политические

установки окажутся более устойчивыми к переменам в окружающей действительности, чем мы предполагаем в настоящий момент.

Одним из ключевых источников образа будущего в России является личный опыт. Личный опыт определяется семейным положением, образованием и опытом работы. Например, граждане, пережившие финансовые трудности будут менее оптимистичны в оценках перспектив страны, чем те, у кого не было подобных проблем. А люди, заставшие времена политической нестабильности, будут критично настроены в отношении способности власти справиться с угрозами и вызовами новой эпохи.

Стереотипы также могут формировать представление человека о будущем. Стереотипы часто основаны на ограниченной или неполной информации и могут поддерживаться средствами массовой информации, образованием и другими общественными институтами.

Будущее как желаемое настоящее. Образ будущего включает в себя не только воображаемые перспективы, но, прежде всего, современные проблемы, которые волнуют граждан. Можно сказать, что алармистские представления о будущем, – это отражение тревоги и неуверенности в настоящем. Несомненно, недавняя пандемия «скорректировала» ожидания от будущего в сторону большей тревожности в российском общественном сознании.

Во-первых, политика властей, как на федеральном, так и на региональном уровнях, была направлена на ограничения прав и свобод граждан. Такие вынужденные решения властей ожидаемо вызвали сильный психологический стресс в различных социальных группах.

Во-вторых, дефицит достоверной информации о природе коронавируса, причинах его распространения и способах избежать заражения способствовал появлению конспирологических объяснений действий государственной власти.

В этих условиях эмоциональный кредит доверия граждан правительству должен неизбежно снижаться. Однако, как показывают социологические опросы, наивысший уровень доверия респонденты демонстрируют в отношении президента и правительства (75% и 62%), а наименьший участники опросов высказали в ноябре 2022 г. некоторым руководителям ведущих парламентских партий России: Г. Зюганову – 33,5%, С. Миронову – 33,2%, Л. Слуцкому (возглавившему партию ЛДПР) – 15%, А. Нечаеву (партия «Новые люди») – 7%. Что касается доверия партиям, то тут ситуация ещё хуже: КПРФ – 10,3%, ЛДПР – 8,1%, «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» – 5,4%, «Новые люди» – 4,7%¹.

Такой разрыв в уровне поддержки президента и политических партий означает, что респонденты не связывают своё будущее и будущее страны с партийной системой, а возлагают надежды на конкретных людей, обладающих полной политической власти. Подобная институциональная избирательность среди граждан может служить косвенным признаком неуверенности в воображаемом будущем, поскольку только с опорой на прочную институциональную основу будущее становится более ясным и предсказуемым.

Нестабильная политическая обстановка в мире и внутри России влияет на способность граждан строить долгосрочные планы. По данным Левада-Центра^{2*} доля респондентов, не готовых планировать своё будущее, изменилось с 67% до 84% всего за один год: с 2019 по 2020.

¹ Рейтинги доверия политикам, оценки работы президента и правительства, поддержка политических партий // ВЦИОМ. 11.11.2022. URL: <https://u.to/8H4nIA> (дата обращения: 18.10.2023).

² Планы на будущее. 25.03.2020. URL: <https://u.to/NH8nIA> (дата обращения: 18.10.2023).

* АНО «Левада-Центр» включена Минюстом РФ в реестр НКО – иностранных агентов.

Военный конфликт с Украиной также не способствует укреплению позитивного образа будущего. Демонстрируемая обществом лояльность государственной политике, – это известный способ справиться со стрессом путём «сплочения вокруг флага». Люди не без основания полагают, что только государственная власть способна защитить обычного гражданина от превратностей судьбы и большой политики.

Идеологические элементы образа будущего. Представления индивидов о будущем страны и себя в нём имеют идеологический окрас. Необходимо определиться с понятием «идеология», которое часто трактуется очень широко, что затрудняет процесс выстраивания методологии исследований будущего. Во избежание конфликта интерпретаций мы рассматриваем идеологию как нейтральное дескриптивное понятие, характеризующее различные аспекты социальных отношений.

Применительно к теме образа будущего идеология отражает «полифонию стереотипов» в сознании индивида независимо от его интеллектуального уровня и социального статуса. В качестве примера полагаю уместным процитировать А. Грамши: «по своему мировоззрению человек всегда принадлежит к определённой группировке, и именно к той, в которую входят все социальные элементы, разделяющие тот же, что и он, образ мысли и действий... Когда мировоззрение... случайно и бессвязно, человек принадлежит одновременно ко множеству людей-масс, его собственная индивидуальность причудливо пестра...» [7, с. 25].

Представляется очевидной связь идеологии с коллективными идентичностями, которые, используя метафору Грамши, можно охарактеризовать как «причудливо пёстрые» и неопределённые. Поэтому неудивительно, что у современного россиянина возникают сложности в формулировании своей личной концепции завтрашнего дня. Есть смысл согласиться с П. Бергером и Т. Лукманом в том, что идентичность представляет собой подвижную и множественную конфигурацию самоидентификаций, обусловленных определённым контекстом [8].

Сравнение актуальных идейных поисков в период объявленной «перестройки» (1985–1989 гг.), в бурные 90-е, в эпоху «вставания с колен» (2007–2014 гг.) и в настоящее время позволяет предположить, что главной идеологической силой в России является государственная власть. Какие вопросы власть считает важными для обсуждения и одобрения гражданами, такие темы становятся основными и в общественном сознании. Так, курс на демократизацию советской системы при Михаиле Горбачёве был центральной темой всех тогдашних общественных дискуссий. Соответственно и образ будущего был европоцентричным, что характерно для обществ переходного периода: от закрытости к политическому плюрализму. Интеграция в структуры западных демократий и экономические перспективы в контексте глобализации – типичные темы в 90-е годы. Требования равноправного партнёрства и справедливых экономических отношений стали лозунгом эпохи всесторонней суверенизации страны в нулевые годы. Политический конфликт с Западом является идеологическим фактором, определяющим образ будущего сегодня.

Таким образом, мы наблюдаем высокую динамику содержания образа будущего в разные периоды. После 2020 г. более отчётливо проявились три направления в процессе конструирования образа будущего: патриотизм как консолидирующая нацию идея; собирание русских земель в контексте идеи «разделённого политикой Ленина народа», и цивилизационное противостояние с Западом. Все эти смысловые, идеологические концепты сформулированы высшим руковод-

ством Российской Федерации и доведены до целевых массовых аудиторий с помощью экспертных сообществ и СМИ. Разумеется, этими конструктами идеологическая палитра современной России не исчерпывается. Например, за последнее десятилетие выросла медийная известность философа Александра Дугина, которого на Западе считают популярным русским мыслителем, оказавшим влияние на президента России, Владимира Путина³ Невозможно сказать точно, насколько его идеи оказали влияние на высшее руководство государства. Однако, мобилизационная риторика и концепция метафизической победы русского духа над деградирующим Западом, созвучна настроениям достаточно большого числа представителей политического класса Российской Федерации [9].

После нескольких волн общественных протестов «сердитых горожан», недовольных результатами федеральных выборов 2011 г. значительный сегмент отечественного политического класса начал сдвигаться в сторону консервативной политической повестки. Именно в этот период ключевыми ценностями политической системы были объявлены защита традиционной семьи и государственный суверенитет. Примерно в это время активизировались общественные споры о роли Сталина в новейшей истории России. В публичном пространстве появились алармистские заявления о ресталинизации государственной политики, которые, однако, не получили подтверждения в дальнейшей политической практике власти. Тем не менее, очевиден тренд на консерватизм. Невозможно игнорировать то влияние на общественные настроения, которое оказывают консервативные меседжи, отправляемые элитой в массы с помощью средств массовой пропаганды. В числе популярных в обществе меседжей следует выделить идею об особом пути России в современной истории. Эта идея возвращает нас не столько к спорам XIX века между «западниками» и «славянофилами» о предназначении Российской Империи, сколько к академическим дискуссиям о модерности. Оригинальная идея Ш. Н. Эйзенштадта о множественных модерностях [10] позволяет рассматривать изменения в политическом сознании российской элиты, как «другую модерность», отличную от западной. В рамках этой концепции можно легко объяснить все утверждения экспертов и, – шире, – многих представителей самых разных социальных групп, как отражение тенденции к разрыву «цивилизационных» связей с западными демократиями. Кроме того, в данной логике размышляют и представители правящей группы в РФ, подчёркивая непрерывность исторического развития России, включая и все советские периоды. Подобные рассуждения отечественных представителей политического класса согласуются и с взглядами советологов прежних времён, которые стремились доказать прямую связь между политическими практиками царской России и СССР.

В экспертном сообществе не пользуются популярностью «конспирологические» идеи о якобы стремлении Владимира Путина реставрировать СССР. Темы «ресоветизации» современной России, – это не более чем журналистский штамп, не отражающий реальной политической ситуации. Мы наблюдаем определённую идеологическую открытость, которая выражена в «коллажной» технике конструирования официального политического нарратива. В центре актуальной идеологической конструкции находится концепт «государство», как универсальный формат исторического существования российских народов. Это государство может иметь разный идеологический и политический «дизайн», но оно неизменно в каком-то метафизическом смысле и должно существовать

³ Burbank J. The Grand Theory Driving Putin to War // The New York Times. 22.03.2022. Available at: <https://u.to/d3snIA> (accessed: 17.10.2023).

вечно. Парадоксальным образом в официальном политическом нарративе сосуществуют как советские ценности, так и государственные идеалы Российской Империи. Подобная эклектика совсем не смущает современных россиян, что подтверждается и в ответах экспертов о будущем России.

Представления респондентов о политическом величии России будущего отражают комплекс идеологических нарративов, сформировавшихся ещё в 90-е и «нулевые» годы. Тема сильного государства, призванного осуществить великую «имперскую» миссию, легко обнаружить даже у тех политиков, которых принято именовать «либералами». Например, Анатолий Чубайс в нулевые выступил с идеей «либеральной империи»⁴.

А в недавней статье Владислава Суркова⁵, экс-куратора внутренней политики в Администрации Президента, ориентация – Север, где автор пишет о воображаемом геополитическом союзе США, РФ и ЕС в противовес концепции лидерства Москвы в глобальном Юге, слышатся отзвуки мыслей Владимира Жириновского о противостоянии Севера и Юга [11].

Следует особо подчеркнуть роль СМИ в усилении консервативных установок в общественном сознании россиян. Правящая элита использует медийные ресурсы федерального масштаба, добываясь максимального охвата среди потребителей медиаконтента. Особая роль в продвижении официальной позиции по актуальным политическим вопросам принадлежит телевидению. Тот факт, что значительное число пожилых россиян поддерживают власть и консервативные ценности, во многом обусловлен воздействием на массовую аудиторию телевидения. Старшее поколение (67%) предпочитает телевидение остальным источникам информации, в то время как молодые граждане (73%) выбирают интернет-ресурсы⁶. Постоянное присутствие в СМИ темы идеологической борьбы с либералами, западниками и «национал-предателями», так или иначе, оказывает влияние и на профессиональные сообщества, члены которых обладают достаточно высокой медиаграмотностью. Если анализировать проблему консервативного выбора в хронологическом порядке, то мы увидим, как эта тема распространялась в массовых аудиториях. Сначала были громкие скандалы вокруг художественных акций, например, вокруг панк-молебна группы «Пусси Райот» в Храме Христа Спасителя в Москве. Затем много шуму наделали общественные дискуссии по поводу оскорбления религиозных чувств граждан.

Наконец, совсем недавно был издан Указ президента «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», которые основывался на положениях Стратегии национальной безопасности, утверждённой Указом Президента от 2 июля 2021 г. В этом документе сформулированы основные цели государственной политики в сфере защиты традиционных ценностей. Среди них – противодействие распространению деструктивной идеологии, обеспечение морального лидерства России в международных отношениях как хранителя традиционных общечеловеческих ценностей и защита от внешнего информационно-психологического воздействия. «Идеологическое и психологическое воздействие на граждан России ведёт к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей (далее – деструктивной

⁴ Анатолий Чубайс: «Либеральная империя – это ориентир, далеко уходящий за пределы 2008 года»: интервью // Профиль. 24.11.2023. URL: <https://u.to/Pnwn1A> (дата обращения: 17.10.2023).

⁵ Сурков В. Ю. Рождение Севера // Актуальные комментарии. 27.09.2023. URL: <https://u.to/inwn1A> (дата обращения: 17.10.2023).

⁶ Медиапотребление и активность в интернете // ВЦИОМ. 23.09.2021. URL: <https://u.to/mH8n1A> (дата обращения: 18.10.2023).

идеологии), включающей в себя культ эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, продолжения рода, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру. Активность проводников деструктивной идеологии объективно противоречит национальным интересам Российской Федерации»⁷. Особую поддержку предлагается оказывать религиозным организациям традиционных конфессий.

Медиатизация социальных и политических аспектов общественного сознания способствует формированию довольно эклектичной реальности. С одной стороны, наблюдается рост патриотизма и традиционалистских установок в обществе. С другой, происходит девальвация идеологических символов, как в случае подростков, решивших жарить сосиски на Вечном огне в Кемерово и заснять это действие на видео⁸.

Будущее как идеальное настоящее. Эксперты, как и другие респонденты, что принимали участие в исследовании образа будущего, склонны видеть в отдалённой перспективе успешное решение текущих проблем политического и социально-экономического характера. Такой подход позволяет отрефлексировать актуальные проблемы и способы их решения в среднесрочной перспективе. Конечно, образ будущего должен строиться на неких идеальных основаниях и включать в себя коллективные представления о желаемом развитии государства и общества. Примечательно, что такого чёткого образа в ответах экспертов нет. Этот факт может означать, что респонденты находятся под давлением сегодняшних проблем, их настораживает политика властей или, по крайней мере, этот политический курс для них не совсем понятен.

Примечательно, что российские эксперты не видят в будущем таких угроз для России, которые способны вызвать распад политической системы и даже разрушение самой государственности.

Одной из главных угроз поступательному и устойчивому развитию России большинство респондентов считают рост социального неравенства. Но даже в случае углубления социальных противоречий в обществе они не видят причин для катастрофических общественных потрясений [12]. Для подобных мнений есть определённые социально-политические основания. Во-первых, урбанизованное и образованное население, составляющее большинство в крупных городах, довольно разобщено и мобилизуется с большой неохотой. Во всяком случае, даже резонансные события, например, сомнения в честности выборов в Государственную Думу в 2011 г., или поправки в Конституцию 2020 г., не стали триггером массового протеста. Далее, пожилые граждане, одобряющие консервативные тренды в политике правительства РФ, составляют большинство населения. Молодёжные аудитории создают некоторые проблемы для властей и готовы участвовать в протестных акциях, однако отсутствие лидеров и общей политической платформы существенно ограничивают их протестный потенциал. Объявленная в сентябре 2022 г. частичная мобилизация стала причиной массового выезда из Российской Федерации граждан призывного возраста. Это было, скорее, спонтанным решением, принимаемым молодыми людьми в ситу-

⁷ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. URL: <https://u.to/fH0nIA> (дата обращения: 17.10.2023).

⁸ Кемеровская полиция нашла жаривших сосиски на Вечном огне подростков // Lenta.ru. 04.06.2016. URL: <https://u.to/Z34nIA> (дата обращения: 17.10.2023).

ации психологического стресса. Поэтому нет оснований делать вывод о том, что релоканты не связывают свою судьбу с Россией. Известно, что позитивные представления о будущем родины не обязательно трансформируются в негативные оценки после отъезда из страны. Если такие выводы верны в отношении волн пореволюционной русской эмиграции, то нынешние релоканты, не испытавшие трагедии беженцев 1918–1922 гг., тем более могут сохранять тот же образ будущего, что и соотечественники, остающиеся в стране [13, с. 6; 14].

Наконец, десятилетие относительного экономического благополучия способствовало значительному сокращению маргинального и люмпенизированного населения, которое могло бы стать топливом для социального взрыва. Да и сами элиты заинтересованы в нынешнем политическом статус-кво и не желают рисковать собственной стабильностью ради неочевидных выгод от революционных перемен. Эти факторы делают сценарий социальной катастрофы практически невероятным.

Наконец, есть ещё один существенный фактор сдерживания социального недовольства. Респонденты уверены в том, что экономический кризис и многолетнее, продолжающееся снижение доходов населения вынуждают граждан сосредоточиться на решении собственных бытовых вопросов и не отвлекаться на участие в политической деятельности, что позволяет властям поддерживать административно-политический статус-кво, не опасаясь перерастания протестных настроений в социальный бунт.

В социальных сетях и на экспертных площадках обсуждается тема коррупции в качестве дестабилизирующего социально-политическую систему государства фактора. Однако, в понятие «коррупция» включают и неформальные экономические отношения, которые обеспечивают низкий уровень официальной безработицы и позволяют гражданам с невысоким доходом сохранять относительно приемлемый уровень жизни. В обмен на эти неформальные возможности граждане спокойно реагируют на различные факты злоупотребления властью среди высокостатусных чиновников. В результате, образуется некий неформальный «общественный договор» между обществом и властью, в котором коррупция является институциональной «скрепой». Однако, на более продолжительном отрезке истории коррупция может стать триггером политического кризиса и деградации всей государственной конструкции.

Глобальные вызовы, такие как миграция, также беспокоят россиян, когда они размышляют о будущем. Скорее всего, эти страхи обусловлены потенциальной угрозой дестабилизации социально-политического порядка в результате неконтролируемой мобильности населения. Кроме того, даже внутренняя миграция способна нанести вред обществу; отток трудоспособного населения из малых городов в мегаполисы и разрыв социальных связей являются факторами, усиливающими социальную дезинтеграцию. Сосредоточение рабочей силы и интеллектуальных ресурсов в крупных городских агломерациях в ущерб дотационным регионам ведёт неизбежно к серьёзным диспропорциям в демографическом распределении населения и к заброшенности значительных территорий страны. Сохранение подобных тенденций делает наше общее будущее весьма проблемным и нестабильным. Примечательно, что обострение межнациональных отношений, как следствие роста миграционных потоков в Российскую Федерацию, не воспринимается в качестве угрозы общественной безопасности [15].

Заключение: Будущее как политический проект. Проведённое исследование не подтверждает распространённый в медийном пространстве тезис о противо-

поставлении в общественном сознании либеральной экономики и традиционалистских политических практик. Участники исследования не видят альтернативы социально-экономической модернизации, не желают реставрации СССР и не демонстрируют милитаристские установки. Напротив, они озабочены несформированностью демократических традиций и слабым развитием гражданского общества. Будущее им представляется как жизнь в сильной, богатой демократической стране, в которой соблюдается баланс интересов всех социальных групп. Чрезмерно централизованную власть они воспринимают как симптом политического кризиса.

Наблюдаемое противоречие между ростом консервативных установок в российском обществе и потребностью в сохранении демократических порядков можно интерпретировать как ещё один способ психологической адаптации населения к социально-политическим вызовам последних 10 лет. Аналогичным образом россияне совмещают ностальгию по советским временам и собственные потребительские привычки, сформированные современным капитализмом.

Респонденты возлагают на политические элиты большую часть ответственности за будущее страны. В этом можно усмотреть патерналистские установки граждан. Однако, совершенно очевидно, что представители правящей группы обладают несопоставимо большим ресурсом для «корректировки» будущего, чем обычные россияне. Кроме того, именно последствием принимаемых управленческих и внешнеполитических решений непосредственным образом меняют социальные и экономические перспективы государства. Следовательно, тот факт, что граждане возлагают ответственность на власти и политический класс в целом, является признаком не только патернализма, но и подтверждением тезиса о том, что россияне оценивают роль и ответственность элит в конструировании политической системы достаточно адекватно. Чем больше власти сконцентрировано в руках правящей группы, тем больше ответственности у элиты за принимаемые политические решения. В этом смысле россияне не готовы разделять проблемы, вызванные действиями руководства государства и одобренные политическим классом, с российским истеблишментом.

Вместе с тем, граждане солидарны во мнении, что Россия останется влиятельной мировой державой и будет притягивать к себе другие государства. По результатам исследования можно констатировать, что граждане России уверены в позитивном будущем для государства и не сомневаются в сохранении Российской Федерацией политического суверенитета.

Что касается противоречия между страхом перед неопределённостью отдалённого будущего и позитивным оцениванием перспектив своей страны, то этот феномен можно объяснить возросшей потребностью граждан в психологической защите своей личностной идентичности. Будущее должно оставаться открытым; только в этом случае, индивид способен «жить надеждой» на перемены к лучшему. Данный тезис находит подтверждение и в исследованиях других отечественных авторов [16, с. 7], которые обнаружили эффект снижения положительного восприятия личных и коллективных перспектив, по мере роста предсказуемости завтрашнего дня. И, наоборот, чем менее предсказуемым кажется будущее, тем позитивнее становится его восприятие россиянами.

Библиографический список

1. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 52 этап социологического мониторинга, май 2022 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. 91 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-400-0.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-400-0.2022). EDN [BNJMJLL](https://www.edn.ru/BJMJLL).

2. *Левашов В. К., Новоженина О. П.* Гибридная социально-политическая реальность: сущность, мнения граждан и тенденции // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 139–149. DOI [10.31857/S013216250022369-8](https://doi.org/10.31857/S013216250022369-8). EDN [CJXXAJ](https://www.edn.ru/EDN_CJXXAJ).
3. *Polak F.* The Image of the Future. Amsterdam, New York : Elsevier Scientific Pub. Co., 1973. 321 p.
4. *Сорокин П. А.* Социальная и культурная динамика. М. : Астрель, 2006. 1176 с. ISBN 5-271-13359-1. EDN [YRRQTI](https://www.edn.ru/EDN_YRRQTI).
5. *Двойнин А. М., Троцкая Е. С.* Когнитивные предикторы академической успешности: как общие закономерности «работают» на ранних этапах образования? // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27, № 2. С. 42–52. DOI [10.17759/pse.2022270204](https://doi.org/10.17759/pse.2022270204). EDN [BCHNZF](https://www.edn.ru/EDN_BCHNZF).
6. *Кулагина И. Ю., Шумакова Н. Б.* Ориентация на будущее одаренных младших школьников: ближние и дальние цели // Психолого-педагогические исследования. 2021. Т. 13, № 1. С. 3–19. DOI [10.17759/psyedu.2021130101](https://doi.org/10.17759/psyedu.2021130101). EDN [GJVIRA](https://www.edn.ru/EDN_GJVIRA).
7. *Грамини А.* Искусство и политика : пер. с итал. М. : Искусство, 1991. 1052 с. ISBN 5-210-00277-2.
8. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности : Трактат по социологии знания / Пер. Е. Д. Руткевич. М. : Медиум, 1995. 322 с. ISBN 5-85691-036-2.
9. *Умланд А.* Патологические тенденции в русском «неоевразийстве». О значении взлета Александра Дугина для интерпретации общественной жизни современной России // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 74–82. EDN [IPITOP](https://www.edn.ru/EDN_IPITOP).
10. *Eisenstadt S. N.* Multiple Modernities // Daedalus. 2000. Vol. 129, No. 1. P. 1–29.
11. *Жириновский В. В.* Последний бросок на юг. М. : ЛДПР, 2016. 80 с. ISBN 978-5-4272-0032-5. EDN [YOHMRZ](https://www.edn.ru/EDN_YOHMRZ).
12. *Горшков М. К.* О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 3–17. DOI [10.31857/S013216250007445](https://doi.org/10.31857/S013216250007445). EDN [NLCYDR](https://www.edn.ru/EDN_NLCYDR).
13. *Кудряшова С. К.* Российская эмиграция «первой волны»: социокультурные, педагогические и социально-психологические факторы национального воспитания детей и подростков // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2012. № 82. С. 1173–1186. EDN [PGKZOT](https://www.edn.ru/EDN_PGKZOT).
14. *Голосеева А. А.* Социально-политическая позиция эсеров в годы Второй мировой войны (по материалам эмигрантской прессы в США) // Клио. 2015. № 10(106). С. 33–40. EDN [UMTBQV](https://www.edn.ru/EDN_UMTBQV).
15. *Великая Н. М.* Миграция и мигранты в публичном дискурсе современной России // II Всерос. демогр. форум с междунар. уч.: матер. форума (Москва, 04–05 декабря 2020 г.). М. : Объединенная редакция, 2020. С. 166–168. EDN [NJIJJO](https://www.edn.ru/EDN_NJIJJO).
16. *Нестик Т. А.* Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ // Социодиггер. 2021. Т. 2, № 9(14). С. 6–48. EDN [SIJJJS](https://www.edn.ru/EDN_SIJJJS).

Поступила: 19.10.2023. Принята: 11.11.2023.

Сведения об авторе:

Хохлов Андрей Анатольевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры политической социологии и социальных технологий Российского государственного гуманитарного университета. Москва, Россия. hohlov@rggu.ru
Author ID РИНЦ: [201741](https://elibrary.ru/author_id/201741)

A. A. Khokhlov¹

¹Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia

IDEAS ABOUT THE FUTURE IN THE COLLECTIVE CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS

Abstract. The article discusses the interpretation of the image of the future in the views of Russians. Special attention is paid to the peculiarities of the formation of the image of the future in conditions of political instability. It is shown that citizens' ideas about the future of their loved ones and the state are influenced by current social problems and contradictions. However, we are not talking about the mechanical transfer of actual experiences of respondents to an idealized future. The factors determining the complex and multi-stage process of constructing the image of the future in the public consciousness are revealed. It is shown that trust in political institutions and state power is one of the main factors in the process of forming a relatively consistent and positive image of the future. The reasons for the weak reaction of society to various types of threats, including corruption and social inequality, are analyzed. Ideological concepts and the stereotypes that have manifested themselves in recent years in the minds of Russian citizens. The role of mass media in the construction of collective ideas about threats to the existence of the state in the medium term is noted. The evolution of conservative political attitudes in the mass consciousness under the influence of the official political narrative is traced. The fact of the growth of anxiety and alarmist ideas about the near future in various social groups is noted, as a psychological reaction of individuals to incomplete information about the ongoing political changes in society. At the same time, there is an obvious trend towards preserving democratic institutions and values that modern Russian society is not going to abandon. The article is descriptive and abstract in nature. The method of secondary analysis is applied. The conclusions are based on the publications of the Institute of Socio-Political Studies of the Russian Academy of Sciences in 1992-2022, and according to the data of the All-Russian monitoring "How are you living, Russia?" (1992-2022), a comprehensive sociological study "Forecasts and alternatives for the development of Russia through the eyes of Russians" (2021). On the basis of the conducted research, criteria are identified that ensure the reproduction of stereotypical ideas about the future in the analyzed social groups. The study of the features of the formation of the image of the future can be useful for making political decisions aimed at the development of the state-political system, the improvement of civil society and the consolidation of modern Russian society based on the adoption of national values and ideals. The factors hindering the construction of a holistic image of the future in present-day Russia are considered. The relevance of the studied topic is explained by the fact that the analysis of the structural features of the formation and functioning of collective ideas about the future of the state contributes to the understanding of complex socio-psychological processes.

Keywords: the image of the future, social stereotypes, social identity, media action, political narratives, conservative values, global challenges

For citation: Khokhlov A. A. Ideas about the future in the collective consciousness of Russians. *Science. Culture. Society*. 2023;29(4):6–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.1>

References

1. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.] How are you, Russia? Express information. 52nd stage of the sociological monitoring, May 2022. Moscow: FCTAS RAS; 2022. 91 p. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-400-0.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-400-0.2022).
2. Levashov V. K., Novozhenina O. P. Hybrid Socio-Political Reality: Essence, Citizen Opinions, and Trends. *Sociological Studies*. 2022;(12):139–149. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250022369-8](https://doi.org/10.31857/S013216250022369-8).
3. Polak F. The Image of the Future. Amsterdam, New York: Elsevier Scientific Pub. Co.; 1973. 321 p.
4. Sorokin P. A. Social and Cultural Dynamics. Moscow: Astrel; 2006. 1176 p. (In Russ.). ISBN 5-271-13359-1.

5. Dvoinin A. M., Trotskaya E. S. Cognitive Predictors of Academic Success: How Do the General Patterns Work in the Early Stages of Education?. *Psychological Science and Education*. 2022;27(2):42–52. (In Russ.). DOI [10.17759/pse.2022270204](https://doi.org/10.17759/pse.2022270204).
6. Kulagina I. Yu., Shumakova N. B. Orientation to the Future of Gifted Primary Schoolchildren: Near and Far Goals. *Psychological-Educational Studies*. 2021;13(1):3–19. (In Russ.). DOI [10.17759/psyedu.2021130101](https://doi.org/10.17759/psyedu.2021130101).
7. Gramsci A. Art and Politics. Moscow: Iskusstvo; 1991. 1052 p. (In Russ.). ISBN 5-210-00277-2.
8. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. Moscow: Medium; 1995. 322 p. (In Russ.). ISBN 5-85691-036-2.
9. Umland A. Pathological Tendencies in Russian “Neo-Eurasianism”: The Significance of the Rise of Aleksandr Dugin for the Interpretation of Public Life in Contemporary Russia. *Voprosy filosofii*. 2008;(3):74–82. (In Russ.).
10. Eisenstadt S. N. Multiple Modernities. *Daedalus*. 2000;129(1):1–29.
11. Zhirinovskiy V. V. The last throw to the South. Moscow: LDPR; 2016. (In Russ.). ISBN 978-5-4272-0032-5.
12. Gorshkov M. K. Social Outcomes of the Post-soviet Transformations. *Sociological Studies*. 2019;(11):3–17. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250007445](https://doi.org/10.31857/S013216250007445).
13. Kudryashova S. K. Russian emigration of “the first wave”: social and cultural, pedagogical and social-psychological factors of children and adolescents national upbringing. *Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University*. 2012;(82):1173–1186. (In Russ.).
14. Goloseeva A. A. Socio-political position of the Socialist Revolutionaries (SRs) during the Second World War (based on the emigrant press in the United States of America). *Klio*. 2015;(10):33–40. (In Russ.).
15. Velikaya N. M. Migration and migrants in the public discourse of modern Russia. In: II All-Russ. Demogr. forum with intern. part.: mater. of forum. Moscow: Ob’edinennaya redakcija; 2020. P. 166–168. (In Russ.).
16. Nestik T. A. Image of the future, social optimism and long-term orientation of Russians: socio-psychological analysis. *Sociodigger*. 2021;2(9):6–48. (In Russ.).

Received: 19.10.2023. Accepted: 11.11.2023.

Information about the author:

Andrey A. Khokhlov, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Political Sociology and Social Technologies, Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia. hokhlov@rggu.ru

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.4.2](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.2)
EDN [ARPQCF](https://edn.ru/ARPQCF)
УДК 323.2

А. В. Анищенко¹

¹ Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Москва, Россия

ФЕНОМЕН ЦИФРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ: ФОРМЫ, МОДЕЛИ И СУЩНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Данная статья посвящена изучению концептуальных особенностей феномена цифрового политического участия, его ключевых форм и моделей реализации. По мнению автора, в последние два десятилетия происходит трансформация традиционных форм и моделей политического участия под влиянием цифровых информационно-коммуникационных технологий. В частности, социальные сети и мессенджеры используются как инструменты для организации, мобилизации, реализации тех или иных форм политического участия и гражданско-политического активизма. При этом, под влиянием развития цифровых информационно-коммуникационных технологий, появляются совершенно новые формы и модели гражданско-политического участия. В этой связи правомерно говорить о существовании сегодня феномена политического онлайн-участия (online political participation, OPP), или цифрового сетевого участия (digital networked participation, DNP). Одним из ключевых вопросов остаётся вопрос о соотношении «традиционных» и цифровых форм политического участия: являются ли они взаимоисключающими или, напротив, дополняют друг друга? По результатам проведённого анализа автор приходит к заключению, что «традиционное» и цифровое политическое участие являются комплементарными по отношению друг к другу, так как цифровые технологии коммуникации позволяют сегодня вовлекать большое число потенциально политически активных граждан, распространять политическую информацию и тем самым – формировать благоприятные условия для реализации прямого политического действия.

Ключевые слова: политическое участие, цифровое политическое участие, интернет, блокчейн, краудсорсинг, электронное правительство

Для цитирования: Анищенко А. В. Феномен цифрового политического участия: формы, модели и сущностные аспекты // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 4. С. 18–27. DOI [10.19181/nko.2023.29.4.2](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.2). EDN [ARPQCF](https://edn.ru/ARPQCF)

Меняющиеся трактовки политического участия. Политическое участие является тем феноменом, интерпретации которого за последние десятилетия претерпели существенные изменения. До середины прошлого столетия социологи трактовали политическое участие преимущественно в узком смысле, понимая под ним прежде всего электоральное участие и деятельность граждан в рамках системы государственного управления. Более широкая трактовка данного понятия получила распространение благодаря исследованиям Г. Алмонда и С. Верба, в их понимании политическое участие — это любая деятельность граждан, осуществляемая в рамках сложившейся политической системы и институциональной структуры [1; 2].

Постепенно теория политического участия перестала ограничиваться исключительно электоральным участием, а также конвенциональной деятельностью политического характера. Так, например, исследователи стали чаще обращать внимание на протестное поведение как важную форму политического участия.

На наш взгляд, к политическому участию также необходимо причислить и иные формы политического поведения, которые так или иначе способствуют — если руководствоваться веберовским пониманием политики — распределению или перераспределению политической власти: сюда относится волонтерство, различные виды политического акционизма, сюда же, полагаем, стоит отнести и политический абсентеизм, ставший за последние десятилетия важным фактором политического процесса [3].

Уровень политического участия является сегодня одним из ключевых индикаторов демократического развития общественных институтов и политической системы, он отражает степень зрелости гражданского общества, определяет специфику взаимодействия между гражданами и государством. С исследовательской точки зрения различные методы нормативного измерения уровня политического участия позволяют оценить диспозиции социальных ролей граждан, что, в свою очередь, даёт прикладные инструменты для обеспечения коллективных общественных действий.

Сегодня учёные предлагают оценивать уровень гражданского включения и политического участия посредством своеобразного континуума [4]. На самой «низшей» точке данного континуума расположены базовые формы политического участия граждан, такие как добровольное голосование на выборах. Чем «выше» мы поднимаемся по вектору предполагаемого континуума, тем чаще мы встречаем более сложные формы и модели политического участия граждан: это и участие в волонтерской деятельности, и членство в политических партиях и движениях, политический активизм, и даже — непосредственное участие в политической жизни общества, к примеру, в качестве кандидата на выборах. Известный политолог Ч. Патти в этой связи предлагает выделять «хороших граждан, которые осознают свои права, но также и обязательства по отношению к другим людям и более широкому обществу» [5, р. 12]. Помимо прочего, «хорошие граждане участвуют в добровольной деятельности разнообразного характера, а также в политике в более широком плане» [5, р. 12].

Дефиниции политического участия различаются уже в рамках научных подходов второй половины XX в. Ранние исследователи этого явления касались лишь сферы, связанной с выборами и электоральным участием [6]. Согласно С. Верба и Н. Наю, политическое участие включает всю деятельность граждан, «которая более или менее направлена на выбор государственных служащих или принятие политических решений» [2, р. 2]. Л. Милбрет и М. Гоэль определяют политическое участие как «действия частных лиц, посредством которых они поддерживают или влияют на правительственные решения» [7, р. 2].

Отметим, что представленные «классические» трактовки политического участия существенно отличаются друг от друга. Так, Милбрет и Гоэль предлагают в число практик политического участия включать разного рода церемониальные действия и действия граждан, направленные на поддержку правительства (к примеру, участие в демонстрациях), что исключено в случае с подходом, который предлагают Алмонд и Най. При этом все «классические» трактовки политического участия делают акцент только на активных моделях политического поведения граждан, которые направлены на поддержку или опротестование действий и решений правительства, и исключают пассивные формы политического участия либо такие аспекты политического поведения, как, к примеру, потребление политических новостей [8].

В свою очередь наступление эпохи цифровых технологий и интернета, который существенно «расширил репертуар коллективных действий» [9, р. 710], качествен-

но и количественно увеличило масштабы политического участия граждан. Использование цифровых технологий коммуникаций в реализации «традиционных» практик политического участия и появление совершенно новых форм и моделей политического поведения требуют, на наш взгляд, комплексной концептуализации.

Цифровая трансформация политического участия. Современные цифровые технологии коммуникации оказывают существенное влияние на расширение спектра практик политического участия по нескольким направлениям.

Во-первых, происходит трансформация традиционных форм и моделей политического участия под влиянием цифровых информационно-коммуникационных технологий. В частности, социальные сети и мессенджеры используются как инструменты для организации, мобилизации, реализации тех или иных форм политического участия и гражданско-политического активизма.

Во-вторых, под влиянием развития цифровых информационно-коммуникационных технологий появляются совершенно новые формы и модели гражданско-политического участия. В этой связи исследователи предлагают говорить о существовании сегодня феномена политического онлайн-участия (online political participation, OPP), или цифрового сетевого участия (digital networked participation, DNP) [10].

Политическое онлайн-участие включает широкий спектр политических действий граждан, которые могут варьироваться от относительно «статичной» публикации политического контента на официальных (государственных) порталах или подписания петиции по общественно важным вопросам на интернет-ресурсах, подобных Change.org, до интерактивных действий, таких как переписка с представителем органов власти в Twitter или публикация в Facebook¹ контента политического содержания, содержащего призывы к коллективным действиям [11].

Своего рода гибридизация онлайн- и офлайн-форм политического участия и наблюдаемое размывание границ между данными сферами привели к тому, что цифровые и «реальные» политические практики участия оказываются сегодня сильно переплетены. В связи с этим некоторые учёные полагают, что цифровое политическое участие представляет продолжение офлайн-действий в онлайн-среде [12].

И всё же мы полагаем, что интернет и цифровые технологии коммуникации в целом значительно расширили масштабы политического участия граждан и способствовали формированию новых форм опосредованного политического действия [13]. Социальные сети, в частности, предоставляют новые формы политического участия, многие из которых, как правило, требуют меньше времени, усилий и финансовых ресурсов по сравнению с устоявшимися актами формального участия. На фоне наблюдаемого снижения формального политического участия в некоторых западных демократиях, а также в России, такие новые — цифровые — формы политического участия позволяют вовлечь в политическую деятельность такие недостаточно представленные в официальном политическом поле демографические группы, как женщины, молодёжь, этнические меньшинства, малообеспеченные, малообразованные граждане.

На сегодняшний день дискуссия о том, как концептуализировать политическое участие в цифровой сфере, во многом определяется эмпирическими данными о политическом онлайн-поведении.

Один из таких выводов связан с тем фактом, что группы населения, участвующие в политическом поведении в онлайн- и офлайн-средах, различа-

¹ Холдинг Мета, куда входит Facebook, 21 марта 2022 года признан экстремистской организацией, чья деятельность запрещена на территории РФ.

ются. Многочисленные эмпирические исследования подтверждают тезис о том, что молодые граждане предпочитают интернет в качестве основного источника информации и отдают приоритет онлайн-формам участия. Так, молодые граждане, живущие в крупнейших российских городах, проводят в онлайн значительное количество времени: от 4-х до 8 часов — 42,7%, более 8 часов — 25,7%, от 2-х до 4-х часов — 24,5% [14, с. 35]. И лишь 5,0% российской молодёжи, проживающей в мегаполисах, тратят на пребывании в интернете менее 2-х часов ежедневно. Как отмечает О. В. Попова, «безусловными лидерами с точки зрения широты охвата молодой аудитории и регулярности использования молодёжью российских мегаполисов различных онлайн-площадок выступают ВКонтакте (91,4%), YouTube (74,9%), Instagram² (70,6%), WhatsApp (66,4%) и Telegram (59,2%). Постепенно набирают популярность TikTok (38,8%) и Яндекс-Дзен (14,0%), но теряет её у молодёжи Viber (25,0%)» [14, с. 35].

Следующий отличительный аспект цифрового политического участия связан с функциональными возможностями онлайн-платформ, которые позволяют реализовывать отличительное (от участия в офлайне) политическое поведение. В сети появляются формы и модели поведения, не имеющие аналогов в офлайне: к примеру, отметка друзей в политическом сообщении или размещение в профиле политически маркированных фотографий. Подобную политическую акцию можно было наблюдать, например, в 2019 году, когда ряд интернет-пользователей разместили на своих страницах социальных сетей логотипы «Я Иван Голунов» в поддержку арестованного журналиста Ивана Голунова. Политически маркированными можно также назвать публикации пользователями на своих страницах «черных квадратов» вместо привычных фотографий в феврале 2022 года, что недвусмысленно означало несогласие и/или осуждение этими пользователями специальной военной операции на Украине.

Ряд исследователей, например, Е. Морозов [15], полагают, что онлайн-деятельность политической направленности не может считаться полноценным политическим участием граждан, поскольку в ней отсутствует элемент активного гражданского действия.

Открытым остаётся вопрос о том, являются ли онлайн- и офлайн-формы политического участия взаимозаменяемыми. Положительный ответ на данный вопрос мы можем дать лишь в том случае, если придерживаемся концепции политического участия, разработанной во второй половине XX столетия, и отрицаем качественные изменения самой сущности политического участия в контексте развития цифровых технологий. Тем не менее, на наш взгляд, участие в политической жизни общества онлайн и офлайн очевидно различается. Многие офлайн-практики политического участия не имеют полноценных альтернатив в цифровом пространстве. Речь в данном случае идёт, прежде всего, о большинстве форм так называемого неконвенционального политического участия: митинги, уличные протесты и подобные политические акции, предполагающие физическое участие вовлечённых в них граждан.

И, напротив, некоторые формы онлайн-политических действий невозможно реализовать в автономном режиме: к ним относится, к примеру, «хэштег-активизм». Таким образом, политическое онлайн- и офлайн-участие следует концептуально различать.

² Холдинг Meta, куда входит Instagram, 21 марта 2022 года признан экстремистской организацией, чья деятельность запрещена на территории РФ.

Формы и модели цифрового политического участия. Цифровые технологии коммуникации обладают рядом преимуществ, способствующих расширению и масштабированию практик политического участия граждан в онлайн-среде:

- 1) Цифровые технологии являются на сегодняшний день доступным и относительно дешёвым инструментом привлечения большого числа граждан к процессу принятия политических решений. Это выражается, главным образом, в открытом обсуждении законодательных инициатив и проектов, которое ещё до недавнего времени было исключительной прерогативой государственных органов и властных структур.
- 2) За счёт привлечения большого числа граждан цифровые технологии коммуникации способствуют формированию приоритетов государственной политики в ключевых сферах.
- 3) Цифровое политическое участие способствует повышению эффективности деятельности органов местного самоуправления, поскольку онлайн-технологии дают гражданам возможности оперативно реагировать и вовлекаться в решение проблем на территориях. Как справедливо отмечает О. В. Ерохина, «Интернет-пространство создаёт принципиально новые возможности для развития “культуры участия” и формирования высокотехнологичной и при этом комфортной для граждан среды, которая в большей степени отвечает разнообразным потребностям современного общества» [16, с. 190].
- 4) Распространение сервисов «электронного правительства» и практик предоставления государственных услуг населению посредством цифровых технологий способствует повышению уровня лояльности и доверия власти и, как следствие, — формированию конструктивного диалога между государством, внедряющим инновационные технологии, и гражданами уже в политической плоскости. В целом же цифровые технологии, как показывают современные исследования [17], предоставляют новые инструменты для обратной политической связи.

На сегодняшний день цифровое политическое участие включает в себя большой репертуар разнообразных форм и моделей политической онлайн-активности граждан. В качестве одной из наиболее распространённых практик цифрового политического участия граждан можно назвать подачу онлайн-петиций, представляющей собой петицию, «размещённую как текст в каком-либо сегменте интернета, как правило, на специализированном портале, и собирающая голоса в поддержку также с использованием интернет-технологий» [18, с. 114]. Согласно результатам отечественных исследований цифрового политического участия, подача электронных петиций может считаться действенным инструментом, оказывающим определённое влияние на процесс принятия политических решений [18, с. 114]. В России наиболее популярными онлайн-площадками, которые граждане используют для подачи электронных петиций, являются www.roi.ru (Российская общественная инициатива), www.change.org, www.onlinepetition.ru, www.democrator.ru и ряд других.

На сегодняшний день в цифровом пространстве большим спросом пользуются онлайн-платформы с возможностью распространения рекомендательного контента, который включает как, собственно, новостной контент, производимый крупными СМИ и информационными агентствами, так и авторский пользовательский контент, в том числе политической направленности. Все большее распространение в последние 2-3 года получают авторские тематические каналы политического содержания в различных социальных сетях, в частности, в Telegram, TikTok и т.д.

Трендом электронных медиа последних лет становится нетекстовый контент, который очень популярен среди молодых пользователей и содержит преимуще-

ственно фотоиллюстрации, видео, картинки, звуковые записи, а также — сторис (stories). Согласно исследованию цифровых технологий, проведённому агентством L2, Россия является одним из лидеров по распространению и просмотру сторис и занимает по этому показателю пятое место в мире³.

Среди тенденций последнего времени эксперты отмечают сокращение публичности в социальных сетях и появление у людей стремления извлечь из своей «социальности» практическую пользу [19]. Общение становится всё более деловым, а сообщества объединяются по интересам.

В качестве отдельной формы цифрового политического участия можно назвать использование разнообразных приложений, в основе функционирования которых лежат технологии распределения данных (блокчейн-технологии). Пожалуй, наиболее известной отечественной блокчейн-платформой является приложение «Активный гражданин», которым с 2014 г. пользуются жители г. Москвы и которое позволяет фиксировать общественное мнение относительно тех или иных актуальных вопросов развития города. Успешный опыт применения «Активного гражданина» и других блокчейн-платформ в рамках взаимодействия органов власти и граждан позволяет сделать вывод о том, что подобные технологии политического участия могут быть масштабированы и на общегосударственном уровне в том случае, если государственная и политическая системы страны окажутся готовы к данным инновациям.

Л. В. Сморгунюв характеризует блокчейн как институт сотрудничества, так как он «снижает затраты на интерактивность и обеспечивает полное согласие» [20, с. 96]. В публичной политике данная технология «создаёт пространство справедливости для честных решений и взаимной ответственности за их реализацию» [20, с. 96].

На сегодняшний день блокчейн-технологии активно используются в таких важных социально-политических сферах, как электоральный процесс, антикоррупционная деятельность, бюджетный контроль, государственное и муниципальное управление. Ключевой особенностью блокчейн-технологий, позволяющей использовать их в процессе гражданского участия в политической жизни, является децентрализация системы, благодаря которой возможно обеспечивать безопасность персональных данных пользователей и принимаемых ими решений. Блокчейн-технологии получают своё распространение, главным образом, в политических системах, основанных на принципах открытости и подотчётности гражданам.

Среди важных и набирающих все большую популярность у граждан форм политического участия посредством цифровых технологий стоит выделить краудсорсинг, который на сегодняшний день выступает как качественно новая модель взаимодействия общества и власти. В качестве наиболее распространённых краудсорсинговых практик можно назвать формирование и предоставление онлайн-петиций, разнообразные проекты совместного участия граждан в разработке программ социально-экономического развития, онлайн-обсуждения законодательных инициатив.

Одни из первых проектов такого рода «цифровых общественных парламентов» появились в начале 2010-х годов в Великобритании и США. Так, например, с 2011 года работает британская социальная сеть Jolitics, благодаря которой и отдельные граждане, и сформированные вокруг того или иного вопроса группы интересов могут посредством онлайн-процедуры предлагать свои законодательные инициативы. После того, как инициатива внесена на рассмотрение, следует этап обсуждения и голосования за выдвинутое предложение. Если оно набирает

³ Stories в инстаграм: что это и как это использовать в бизнесе? // Aggo. URL: <https://u.to/HDUmIA> (дата обращения: 19.06.2023). Социальная сеть Instagram в России признана экстремистской и запрещена.

поддержку более чем 50% проголосовавших, то данные законодательный проект направляется в органы государственной власти.

Схожим образом практикуется политический краудсорсинг и в США, где данная форма политического участия также развивалась благодаря активной поддержке правительства. На сегодняшний день крупнейшей краудсорсинговой политической онлайн-платформой в США является портал [challenge.gov](https://www.challenge.gov), функционирующий с 2010 года и призванный привлечь наиболее креативные и инновационные идеи в процесс разработки и обсуждения различных направлений государственной политики. В данном случае краудсорсинг выступает не просто как одна из форм вовлечения граждан в политическую деятельность с помощью цифровых технологий, а как инструмент продвижения инновационных решений в политико-административный процесс. Платформа Challenge.gov, таким образом, является попыткой реализации идеи кооперации власти и граждан, сотрудничества государства и общества с целью поиска и внедрения инноваций.

К пассивным формам цифрового политического участия относят слактивизм (slacktivism) — практику поддержки политической или социальной цели с помощью средств цифровой активности и характеризующуюся тем, что она требует очень мало усилий или обязательств. К слактивизму отношение двоякое: с одной стороны, его рассматривают как «выгорание протеста», «желаемую форму протеста для государства» [21, с. 108]. Политолог К. Мартынов полагает, что слактивизм «просто имитирует участие и приносит моральное удовлетворение» [22, с. 24].

При этом слактивизм, или «пассивизм», может быть рассмотрен в качестве нового онлайн-инструмента, который расширяет спектр политического участия современных граждан и может выступать в качестве мотивационного аспекта их политической активности. Об этом свидетельствует тот факт, что распространение социальных сетей, по сути, создало новую культуру публичности, оказывающую влияние на политический процесс: достаточно вспомнить многочисленные скандалы, связанные с некорректными высказываниями политиков и госслужащих в интернете. К примеру, А. М. К. Эрнандес предлагает рассматривать слактивизм как онлайн-ресурс для политической мобилизации, как «как явление, которое влияет на логику политического участия за счёт снижения стоимости участия» [23, р. 298].

В этой связи стоит согласиться с финским исследователем Х. С. Кристенсеном, полагающим, что «традиционное» и цифровое участие не всегда являются взаимоисключающими: наоборот, они все чаще дополняют друг друга. Цифровые технологии коммуникации позволяют вовлекать большое число потенциально политически активных граждан, распространять политическую информацию и тем самым — формировать благоприятные условия для реализации прямого политического действия [24].

Заключение. Таким образом, под влиянием цифровых технологий происходит трансформация практик политического участия. Сами инструментальные практики участия граждан в политической жизни в контексте развития интернет-технологий по своей сути практически не меняются, тогда как благодаря цифровизации появляются новые форматы и каналы коммуникации, значительно обогащается «интерфейс» для реализации политического участия.

В то же время цифровое политическое участие включает в себя спектр форм и моделей политической деятельности граждан, не имеющих аналога и нереализуемых в автономном режиме (в офлайн-среде). В этой связи видится необходимым концептуальное различение онлайн- и офлайн-практик политического участия.

Библиографический список

1. Алмонд Г. А., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. Политические исследования. 1992. № 4. С. 122–134. EDN [EQVPND](#).
2. Almond G., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton : Princeton Univ. Press, 1963. 562 p. ISBN 9780803935587.
3. Theocharis Y., van Deth J. Political Participation in a Changing World: Conceptual and Empirical Challenges in the Study of Citizen Engagement. New York : Routledge, 2018. 144 p. ISBN 9781138305984.
4. Vromen A., Gelber K. Powerscape: Contemporary Australian Political Practice. Sydney : Alien & Unwin, 2005. ISBN 978-1865089218.
5. Pattie C. J., Seyd P., Whiteley P. Citizenship in Britain: Values, Participation and Democracy. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. 346 p. ISBN 0521827329.
6. Berelson B., Lazarsfeld P. F., McPhee W. N. Voting: A study of opinion formation in presidential campaign. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1954. 395 p.
7. Milbrath L. W., Goel M. L. Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics? Chicago : Rand McNally College Pub. Co., 1977. 223 p. ISBN 9780528650956.
8. Newton K., van Deth J. W. Foundations of comparative politics. Democracies of the modern world. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2010. 374 p. DOI [10.1017/CBO9780511806810](#).
9. Gibson R., Cantijoch M. Conceptualizing and measuring participation in the age of the Internet: Is online political engagement really different to offline? // The Journal of Politics. 2013. Vol. 75, № 3. P. 701–716. DOI [10.1017/S0022381613000431](#).
10. Theocharis Y., de Moor J., van Deth J. Digitally Networked Participation and Lifestyle Politics as New Modes of Political Participation // Policy & Internet. 2021. Vol. 13, № 1. P. 30–53. DOI [10.1002/poi3.231](#).
11. Dennis J. Beyond Slacktivism: Political Participation on Social Media. London : Palgrave MacMillan, 2019. 275 p. DOI [10.1007/978-3-030-00844-4](#).
12. Oser J. Assessing how participators combine acts in their 'political tool kits': A person-centered measurement approach for analyzing citizen participation // Social Indicators Research. 2017. Vol. 133, № 1. P. 235–258. DOI [10.1007/s11205-016-1364-8](#). EDN [YDYZPZ](#).
13. Kim B., Howe J. Developing contemporary factors of political participation // The Social Science Journal. 2020. Vol. 60, № 4. P. 1–15. DOI [10.1080/03623319.2020.1782641](#).
14. Попова О. В. Политическая онлайн-коммуникация молодежи российских мегаполисов // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. Т. 3, № 2. С. 28–54. DOI [10.46539/gmd.v3i2.157](#). EDN [QVFFJS](#).
15. Morozov E. From Slacktivism to Activism // Foreign Policy. 05.09.2009. URL: <https://foreignpolicy.com/2009/05/19/the-brave-new-world-of-slacktivism> (accessed: 19.06.2023).
16. Ерохина О. В. Цифровые технологии принятия решений: краудсорсинг как форма политического участия // Вестник университета. 2020. № 11. С. 189–194. DOI [10.26425/1816-4277-2020-11-189-194](#). EDN [VQHABN](#).
17. Гаджиев Х. А. Политическая обратная связь в условиях цифровизации общества // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 1. С. 8–20. DOI [10.19181/nko.2021.27.1.1](#). EDN [ZQHIIYZ](#).
18. Радина Н. К., Крупная Д. А. Цифровое политическое участие: эффективность электронных петиций негосударственных онлайн-платформ (на материале Change.org) // Полис. Политические исследования. 2019. № 6. С. 113–127. DOI [10.17976/jpps/2019.06.09](#). EDN [VSGKUY](#).
19. Баранов Н. А. Цифровое политическое участие как форма политической мобилизации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 3(64). С. 66–72. DOI [10.21672/1818-510X-2020-64-3-066-072](#). EDN [CTZZVT](#).
20. Моргунов Л. В. Блокчейн как институт процедурной справедливости // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 88–99. DOI [10.17976/jpps/2018.05.08](#). EDN [YAENZB](#).
21. Никиторец-Такигава Г. Ю. Интернетизация политического пространства на примере России : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / Никиторец-Такигава Галина Юрьевна. СПб, 2020. 735 с. EDN [MQSONR](#).
22. Мартынов К. От slackтивизма к республике: почему интернет-революции становятся реальностью // Логос. 2012. № 2(86). С. 19–27. EDN [RVRFSL](#).

23. *Hernández A.-M. C. Slacktivism as a Mobilization Resource in Social Networks: The #BringBackOurGirls Case // Comunicacion y Sociedad. 2017. № 30. Septiembre-diciembre. P. 239–263.*
24. *Christensen H. S. Political Activities on the Internet: Slacktivism or Political Participation by Other Means? // First Monday. 2011. Vol. 16, № 2. DOI 10.5210/fm.v16i2.3336.*

Поступила: 17.07.2023. Принята: 22.08.2023.

Сведения об авторе:

Анищенко Александр Викторович, аспирант Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Москва, Россия.
aav030585@mail.ru

A. V. Anishchenko¹

¹ Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS
Moscow, Russia.

THE PHENOMENON OF DIGITAL POLITICAL PARTICIPATION: FORMS, MODELS AND ESSENTIAL ASPECTS

Abstract. This article is devoted to the study of the conceptual features of the phenomenon of digital political participation, as well as its key forms and models of implementation. According to the author, in the last two decades there has been a transformation of traditional forms and models of political participation under the influence of digital information and communication technologies. In particular, social networks and messengers are used as tools for organizing, mobilizing, implementing various forms of political participation and civil-political activism. At the same time, under the influence of the development of digital information and communication technologies, completely new forms and models of civil and political participation are emerging. In this regard, it is legitimate to talk about the existence today of the phenomenon of online political participation (OPP), or digital network participation (DNP). One of the key questions remains the question of the relationship between “traditional” and digital forms of political participation. Based on the results of the analysis, the author comes to the conclusion that “traditional” and digital political participation are complementary to each other, since digital communication technologies allow today to involve a large number of potentially politically active citizens, disseminate political information and thereby create favorable conditions for the implementation of direct political action.

Keywords: political participation, digital political participation, Internet, blockchain, crowdsourcing, e-government

For citation: Anishchenko A. V. The phenomenon of digital political participation: forms, models and essential aspects. *Science. Culture. Society.* 2023;29(4):18–27. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.2>

References

1. Almond G., Verba S. Civil Culture and Stability of Democracy. *Polis. Political Studies.* 1992;(4):122–134. (In Russ.).
2. Almond G., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton: Princeton Univ. Press; 1963. 562 p. ISBN 9780803935587.
3. Theocharis Y., van Deth J. Political Participation in a Changing World: Conceptual and Empirical Challenges in the Study of Citizen Engagement. New York: Routledge; 2018. 144 p. ISBN 9781138305984.

4. Vromen A., Gelber K. Powerscape: Contemporary Australian Political Practice. Sydney : Alien & Unwin; 2005. ISBN 978-1865089218.
5. Pattie C. J., Seyd P., Whiteley P. Citizenship in Britain: Values, Participation and Democracy. Cambridge: Cambridge Univ. Press; 2004. 346 p. ISBN 0521827329.
6. Berelson B., Lazarsfeld P. F., McPhee W. N. Voting: A study of opinion formation in presidential campaign. Chicago: Univ. of Chicago Press; 1954. 395 p.
7. Milbrath L. W., Goel M. L. Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics? Chicago: Rand McNally College Pub. Co.; 1977. 223 p. ISBN 9780528650956.
8. Newton K., van Deth J. W. Foundations of comparative politics. Democracies of the modern world. Cambridge: Cambridge Univ. Press; 2010. 374 p. DOI [10.1017/CBO9780511806810](https://doi.org/10.1017/CBO9780511806810).
9. Gibson R., Cantijoch M. Conceptualizing and measuring participation in the age of the Internet: Is online political engagement really different to offline?. *The Journal of Politics*. 2013;75(3):701–716. DOI [10.1017/S0022381613000431](https://doi.org/10.1017/S0022381613000431).
10. Theocharis Y., de Moor J., van Deth J. Digitally Networked Participation and Lifestyle Politics as New Modes of Political Participation. *Policy & Internet*. 2021;13(1):30–53. DOI [10.1002/poi3.231](https://doi.org/10.1002/poi3.231).
11. Dennis J. Beyond Slacktivism: Political Participation on Social Media. London: Palgrave MacMillan; 2019. 275 p. DOI [10.1007/978-3-030-00844-4](https://doi.org/10.1007/978-3-030-00844-4).
12. Oser J. Assessing how participators combine acts in their 'political tool kits': A person-centered measurement approach for analyzing citizen participation. *Social Indicators Research*. 2017;133(1):235–258. DOI [10.1007/s11205-016-1364-8](https://doi.org/10.1007/s11205-016-1364-8).
13. Kim B., Howe J. Developing contemporary factors of political participation. *The Social Science Journal*. 2020;60(4):1–15. DOI [10.1080/03623319.2020.1782641](https://doi.org/10.1080/03623319.2020.1782641).
14. Popova O. V. Online Political Communication of Youth from Russian Megapolises. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021;3(2):28–54. (In Russ.). DOI [10.46539/gmd.v3i2.157](https://doi.org/10.46539/gmd.v3i2.157).
15. Morozov E. From Slacktivism to Activism. In: Foreign Policy. 05.09.2009. URL: <https://foreignpolicy.com/2009/05/19/the-brave-new-world-of-slacktivism> (accessed: 19.06.2023).
16. Erokhina O. V. Digital decision-making technologies: crowdsourcing as a form of political participation. *Vestnik Universiteta*. 2020;(11):189–194. (In Russ.). DOI [10.26425/1816-4277-2020-11-189-194](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-11-189-194).
17. Gadzhiev Kh. A. Political feedback in conditions of social digitalization. *Science. Culture. Society*. 2021;27(1):8–20. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2021.27.1.1](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.1.1).
18. Radina N. K., Krupnaya D. A. Digital Policy Participation: Efficiency of E-Petitions Of Non-State Digital Platforms (Based on the Material of Change.org). *Polis. Political Studies*. 2019;(6):113–127. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2019.06.09](https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.09).
19. Baranov N. A. Digital political participation as a form political mobilization. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2020;(3):66–72. (In Russ.). DOI [10.21672/1818-510X-2020-64-3-066-072](https://doi.org/10.21672/1818-510X-2020-64-3-066-072).
20. Smorgunov L. V. Blockchain as Institution of Procedural Justice. *Polis. Political Studies*. 2018;(5):88–99. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2018.05.08](https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.08).
21. Nikiporets-Takigawa G. Yu. Internetization of political space using the example of Russia. Doctor Degree Thesis. St. Petersburg; 2020. 735 p. (In Russ.).
22. Martynov K. From slacktivism to republic. Why internet-revolution really matters. *Logos*. 2012;(2):19–27. (In Russ.).
23. Hernández A.-M. C. Slacktivism as a Mobilization Resource in Social Networks: The #BringBackOurGirls Case. *Comunicacion y Cociedad*. 2017;(30):239–263.
24. Christensen H. S. Political Activities on the Internet: Slacktivism or Political Participation by Other Means?. *First Monday*. 2011;16(2). DOI [10.5210/fm.v16i2.3336](https://doi.org/10.5210/fm.v16i2.3336).

Received: 17.07.2023. Accepted: 22.08.2023.

Information about the author:

Alexander V. Anishchenko, Postgraduate Student of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

aav030585@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.4.3](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.3)
EDN [HSRZIC](https://edn.ras.ru/HSRZIC)
УДК 327

А. Ю. Пинчук¹

¹ МОО «Союз добровольцев Донбасса»
Москва, Россия

О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЗЕРВАХ И ИМПЕРАТИВАХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ¹

Аннотация. Прошло два года с начала специальной военной операции России на Украине. Данные опросов показывают тенденции социального и политического осмысления гражданами происходящих событий: рост консолидации, активизацию волонтерской деятельности, адаптивность к западным санкциям. Автор статьи привлекает внимание к ключевым позициям доктринального фундамента и концептуального содержания специальной военной операции и практическим аспектам управленческих взаимодействий граждан, акторов и институтов гражданского общества и государства в процессах проведения СВО, рассматривает серьёзную проблему мотивационно-психологических аспектов и общественно-властных процессов вокруг СВО. В статье предпринята попытка аналитического осмысления социально-политических тенденций и перспектив развития специальной военной операции, её возможного развития и завершения. Трансформация и перестройка промышленно-финансовой системы, подходов к государственному и корпоративному управлению и прочие меры в процессах управления в зоне проведения СВО, в гражданском обществе и государстве, по мнению автора, требуют достижения необходимой степени достоверности информации. Рассуждение о возможных сценариях завершения специальной военной операции сквозь призму геополитических и политико-экономических реалий ведёт к заключению о необходимости оптимизации взаимодействия военно-технических и социально-политических механизмов реализации имеющихся резервов достижения целей СВО.

Ключевые слова: специальная военная операция, доктрина Герасимова, Украина, мотивация, сценарии победы, стратегическое планирование

Для цитирования: Пинчук А. Ю. О социально-политических резервах и императивах специальной военной операции // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 4. С. 28–39. DOI [10.19181/nko.2023.29.4.3](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.3). EDN [HSRZIC](https://edn.ras.ru/HSRZIC)

Об особенностях специальной военной операции. Традиционные войны имеют своей целью победу в силовом противоборстве с помощью массового уничтожения вооружённых сил противника до состояния, когда они оказываются неспособными оказывать сопротивление. Войны предполагают захват территорий, прекращение возможности их использования для продолжения войны. Судя по официальным документам и заявлениям начального периода СВО, российское руководство таких целей не ставило. Более того, в ситуации призыва Президента РФ В. В. Путина к украинским военным взять власть и вступить

¹ При подготовке статьи использованы материалы авторской книги «СВО. Клаузевиц и пустота», опубликованной под псевдонимом Михаил Головлев.

в диалог² после начала операции в феврале 2022 года, демонстрировалась уважительная готовность к переговорам и достижению мирных соглашений.

Выбор формата специальной военной операции изначально планировался как комбинация военных и «специальных», то есть политических, информационных, агентурных форм воздействия на противника, в отличие от войны или военного конфликта, как преимущественно военно-силового противоборства. Это отличие предполагало не столкновение на линии фронта, а достижение поставленных целей специальными военными средствами и способами. Западные оппоненты России осознали такой подход, и именно по этой причине изначально заявляли, что «исход войны будет решён на поле боя» (руководство НАТО, Евросоюза и т.п.)³. Такими заявлениями и последующими действиями создавались условия к невозможности проведения боевых действий в их изначально планируемом «специальном» формате.

Стратегическим базисом, на который опирается Генштаб Вооружённых сил России в управлении осуществлением СВО, является «доктрина Герасимова» [1], которая предполагает, что «среди основных отличий войны нового типа: начало военных действий группировкой войск мирного времени, высокоманёвренный характер наступления, поражение критически важных объектов противника в короткие сроки, массированное применение высокоточного оружия и сил специальных операций, а также удары по врагу по всей глубине его территории»⁴. Действующая доктрина РФ разработана на основе концепции «сетцентрической войны» [2; 3], принципиальные положения которой были сформулированы в Генштабе ВС СССР в бытность его руководства маршалом Н. В. Огарковым. По мнению отечественных разработчиков, стратегическое превосходство в современных войнах достигается за счёт объединения всех каналов управления в единую информационную сеть, позволяющую оперативно управлять войсками и боевыми подразделениями в режиме реального времени.

Выделим некоторые проявившиеся в ходе СВО актуальные социально-политические и социально-технологические аспекты практической реализации этой доктрины:

1. В современных военных столкновениях **широко используется работа с гражданским населением**. Военный успех спецоперации зависит от эффективного ведения информационного противоборства.
2. Ключевая роль – за силами **специальных операций**.
3. Важнейший опыт, необходимый для использования в современных военных действиях – **партизанское движение**.
4. **Мобильность и манёвренность** войск – приоритет.
5. В боевых действиях **не должно быть пауз**, которыми мог бы воспользоваться противник.
6. В современных боевых действиях **неактуальны фронтальные столкновения крупных группировок войск**.
7. Приоритет современных боевых действий – **высокоточное оружие и роботизированные системы на основе искусственного интеллекта**, боестолкновения широких масс людей не актуальны.

² Путин призвал украинских военных брать власть в свои руки // Интерфакс. 25.02.2022. URL: <https://u.to/YUUpIA>; «Берите власть в свои руки»: Путин обратился к украинским военным // RuTube. URL: <https://u.to/VUUpIA> (дата обращения: 02.10.2023).

³ Напр.: НАТО заявила Зеленскому, что конфликт должен быть решен только на поле боя – Де Кроо // ИГ. 29.06.2022. URL: <https://u.to/S0kpIA>; Анисимова Н. Боррель пожелал разрешения конфликта на Украине «на поле боя» // РБК. 09.04.2022. URL: <https://u.to/Z0kpIA> (дата обращения: 02.10.2023).

⁴ Герасимов В. В. Ценность науки в предвидении // Военно-промышленный курьер. 2013. № 8(476). С. 2-3. URL: http://vfes.ru/vpk_08_476.pdf (дата обращения: 02.10.2023).

8. Акцент должен быть сделан на воздушных, наземных и морских **роботах**.
9. Есть **проблемы** выработки модели **использования российских вооружённых сил за пределами страны**.
10. Законодательством не определены формы и способы использования вооружённых сил за пределами России, **необходимо срочное нормативное регулирование**.
11. Необходима **организация территориальной обороны** от сил спецопераций и диверсионных групп противника.
12. Необходимы адекватные **прогнозы военных конфликтов**.
13. Срочно необходимо создание **информационно-телекоммуникационной системы разведки, управления войсками и оружием**.
14. **Беспилотные аппараты** и роботизированные комплексы – приоритет. Как и противодействие им.
15. **Информационное противоборство и инициатива** в нём являются условиями успеха.
16. Необходимо ясное, сформированное на научном знании стратегическое понимание **взаимосвязи военной стратегии, экономики, политики, социальной и духовно-нравственной сфер жизнедеятельности российского общества**.

Очевидно, однако, что реальные процессы СВО в ряде случаев расходились с данными установками. Следует учитывать, что базой военного планирования в РФ является Военная доктрина, принятая в 2014 году. Именно в ней «на основе анализа военных опасностей и военных угроз Российской Федерации и интересам её союзников сформулированы основные положения военной политики и военно-экономического обеспечения обороны государства»⁵. Здесь важно обратить внимание на фразу о союзниках – именно в связи с угрозами союзникам – ДНР и ЛНР, после их официального признания и была начата специальная военная операция.

В Доктрине определяется военная терминология: дифференцируются виды войн, раскрываются понятия военных и вооружённых конфликтов, определяется разница между ними. Вот только термин и содержание «СВО» там до сих пор не предусмотрены. Доктрина принята 25 декабря 2014 года, то есть уже после украинского Майдана и создания ЛДНР. Это значит, что условия, приведшие в итоге к СВО, уже возникли. Собственно СВО в Доктрине прямо не упоминается, но косвенных отсылок более чем достаточно. Так, «Неурегулированными остаются многие региональные конфликты. Сохраняются тенденции к их силовому разрешению, в том числе в регионах, граничащих с Российской Федерацией»⁶; к угрозам отнесены «наличие (возникновение) очагов и эскалация вооружённых конфликтов на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и её союзниками»⁷, «установление в государствах, сопредельных с Российской Федерацией, режимов, в том числе в результате свержения легитимных органов государственной власти, политика которых угрожает интересам Российской Федерации»⁸.

Военная доктрина РФ, п. 15 определяет алгоритм планирования формата СВО следующим образом:

⁵ Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 N Пр-2976). Пункт 2 // Российская газета. 30.12.2014. URL: <https://u.to/HUwplA> (дата обращения 02.10. 2023).

⁶ Там же. Пункт 10.

⁷ Там же. Пункт 12 и).

⁸ Там же. Пункт 12 н).

- «а) комплексное применение военной силы, политических, экономических, информационных и иных мер невоенного характера, реализуемых с широким использованием протестного потенциала населения и сил специальных операций;
- б) массированное применение систем вооружения и военной техники, высокоточного, гиперзвукового оружия, средств радиоэлектронной борьбы, оружия на новых физических принципах, сопоставимого по эффективности с ядерным оружием, информационно-управляющих систем, а также беспилотных летательных и автономных морских аппаратов, управляемых роботизированных образцов вооружения и военной техники;
- в) воздействие на противника на всю глубину его территории одновременно в глобальном информационном пространстве, в воздушно-космическом пространстве, на суше и море;
- г) избирательность и высокая степень поражения объектов, быстрота манёвра войсками (силами) и огнём, применение различных мобильных группировок войск (сил);
- д) сокращение временных параметров подготовки к ведению военных действий;
- е) усиление централизации и автоматизации управления войсками и оружием в результате перехода от строго вертикальной системы управления к глобальным сетевым автоматизированным системам управления войсками (силами) и оружием;
- ж) создание на территориях противоборствующих сторон постоянно действующей зоны военных действий;
- з) участие в военных действиях иррегулярных вооружённых формирований и частных военных компаний;
- и) применение непрямых и асимметричных способов действий;
- к) использование финансируемых и управляемых извне политических сил, общественных движений»⁹.

Таким образом, чётко просматриваются императивные алгоритмы действий: мобильное маневрирование, точечное воздействие и современные технологии. Казалось бы, такие представления не требуют строительства вооружённых сил в масштабах Великой Отечественной войны и Советской Армии. Практика показала недостаточность такого подхода.

По существу, на начальном этапе СВО фактически произошла попытка повторения американской концепции «быстрого достижения и преобладания», реализованной в Ираке в виде операции «Шок и трепет». Напомним базовые положения концепции:

- Целью являются не только вооружённые силы противника, но и «общество в широком понимании».
- Война – «спектакль, разыгрываемый на телевидении для трёх разных аудиторий: американской, аудитории противника и остального мира».
- Ведение как боевых действий, так и информационной войны.

Приведём четыре принципа проведения операции «Шок и трепет»:

1. Почти полное или абсолютное знание и понимание себя, противника и оперативной среды;
2. Быстрота и своевременность действий;
3. Оперативный блеск в исполнении;
4. Почти полный контроль и управление всей оперативной средой [4].

⁹ Там же. Пункт 15.

Этот подход явно коррелирует с российской практикой проведения украинской кампании СВО. Однако недостаточный эффект первоначального военного и психологического воздействия, отсутствие адекватной подготовленной социально-политической почвы в украинском обществе, непроработанные механизмы функционирования военно-гражданских администраций, необходимых к перехватам местной власти сразу же при заходах на территории, а также растянутая военная логистика без надлежащего боевого охранения привели к непредусмотренным результатам начала операции. Следует также учесть, что российская армия вступила в СВО с неотработанной до совершенства системой военной складской логистики. Советский принцип непрерывной адресной доставки материальной базы «сверху вниз» для фронта непосредственно на передовую был заменён на старый натовский подход полнокровного наполнения «логистических центров» с выдачей потребностей по заявкам. Старым мы его называем именно потому, что в настоящее время НАТО перестраивается на фактическую советскую систему, модернизированную под современные западные потребности и получившую название «Joint Vision-2020».

О мотивации. Рассмотрим СВО через призму её субъектов и их мотивации. Очевидно, что стратегические решения по СВО принимает Президент России. Далее наличествуют три компонента: Армия, спецслужбы и мотивированное общество и бизнес как с российской, так и с украинской, и в целом западной стороны. Выделять отдельный политический блок нет никакой необходимости, так как он разделён между второй и третьей позициями, либо является рабочим механизмом реализации решений главы государства. Исходя из пирамиды Маслоу, потребности социального, творческого характера, потребности в патриотическом самовыражении реализуются в обществе и бизнесе, а также становятся сферой деятельности спецслужб. Армия также затрагивает вопросы самовыражения и безопасности, но в момент главной её сферы – войны, главенствующая её доминанта действий – жизнь.

Следует в этой связи признать, что опыт СВО довольно ярко продемонстрировал недостатки концепта «контрактной армии» в ходе широкомасштабных боевых действий, где изначальные проблемы мотивации привели к определённой рассинхронизации и потере эффективности, что проявилось в сбоях первых этапов СВО. Действительно, в чем суть контракта как формы коммерческого найма? В том, что гражданин, выбирая определённую сферу деятельности, остаётся на военной службе. Что же движет им в этой связи?

В комплексном социально-психологическом исследовании М. В. Киселева и А. В. Голова «Мотивация граждан, поступающих на военную службу по контракту в армию Российской Федерации», ещё в 2016 году прямо констатируется, что «анализ представленной мотивации поступления на контрактную службу позволяет выявить их некоторую ограниченность материальными рамками и недостаточность других стимулов, побуждающих к службе по контракту. Это можно объяснить тем, что большая часть военнослужащих-контрактников пришла в Вооружённые Силы из сельской местности в связи с ростом безработицы, кризис привёл к нестабильности в гражданской сфере деятельности. Именно это определяет их мотивацию, которая имеет хоть и несущественную, но устойчивую тенденцию к повышению её материальной составляющей» [5].

То есть, ещё с 2016 года вышеуказанные (и не только [6]) исследователи российской контрактной армии достаточно чётко сигнализировали о материальной ориентации и вынужденном, обусловленном бедностью выборе. Авторы показа-

ли, что к основным мотивам и ожиданиям службы солдат по контракту относятся: возможность денежного вознаграждения, новый опыт, знания, сотрудничество, дух товарищества, интересные задачи, приключения, разнообразие; новые контакты, страны, знакомство с новыми людьми, принадлежность к определённой группе военнослужащих. Как видим, все ожидания находятся в парадигме обычной работы и не слишком отличаются от среднестатистического госслужащего, работника предприятия или фирмы. В мирное время такая ситуация не слишком заметна. Армия выполняет необходимые уставные и ритуальные действия, совершает учения, демонстрирует слаженность группового поведения. Однако так же, как хороший или даже отличный спортсмен не способен одновременно стать хорошим солдатом, также и подобный коллектив не предполагает автоматической боеготовности без нужной мотивации и последующей боевой взаимоувязанной подготовки.

Думается, проблема шире, чем чисто армейская плоскость, и охватывает широкий пласт общественных ориентиров, макросоциальной системы социально-политической культуры, ценностей и убеждений, религиозных традиций и веры, социально-психологических установок, прагматичных и метафизических императивов элиты, которые она вольно и невольно экстраполирует в общество. Срабатывает максима, приписываемая Наполеону: «я знаю многих кто готов убивать ради денег, но не знаю никого, кто ради них готов был бы умереть». Действительно, при целеполагании материального благополучия обладание деньгами должно позволять их тратить. Если же ты добываешь деньги для чего-то ещё – например, ради близких, то реальным мотивом становятся близкие, а не деньги. Именно по этой причине даже на терминологическом уровне понятие «зарплаты» гражданского служащего и «денежного довольствия» военнослужащего разведены. Здесь предполагается глубинная мотивационная разница, которая на практике оказалась в полной мере нереализованной. Война требует массовой добровольческой патриотической убеждённости и готовности к действиям, опасным для жизни, во имя Родины и идеалов социальной справедливости. По этой причине люди, находящиеся на разных горизонтах мотивации, ведут себя по-разному. Именно поэтому в 2014 году немногочисленные, но патриотически мотивированные отряды ополченцев захватывали на Донбассе намного более многочисленные и вооружённые объекты полиции и местных спецслужб.

О проблемах целеполагания. Можно выделить три формы ошибок оценки себя и противника при стратегическом планировании формата СВО.

Первая – недооценка противника. Такое зачастую происходит при переоценке собственного потенциала, ошибках в самопознании на общественном и государственном уровнях. Греческая формула «познай себя, и ты познаешь мир» здесь актуальна как никогда. Недостаток самопознания может произойти при манипулятивном использовании социологической информации для принятия управленческих решений, либо искажений от лжи в докладах подчинённых, от желания угодить начальнику, либо от сокрытия прорех, совершенных товарищами и авторитетами. Иногда такая ошибка становится следствием использования манипуляций и искажений в качестве внутренней политической технологии управления и внешнего инструмента введения в заблуждение врагов о своём потенциале, дабы отпугнуть их и сделать более договороспособными. Часто такая недооценка связана с механическим подсчётом ресурсов противника без учёта потенциальной динамики их быстрого наращивания, особенно при триггере внешней агрессии, без учёта потенциала союзников. Такой подход

чреват тяжёлыми последствиями, ибо приводит к переоценке своей готовности, недостаточной подготовке ресурсов, проблемам выбора инструментов и обстоятельств воздействия.

Вторая – переоценка противника. Такая ошибка часто связана с проводимой стратегией врага по внешнему введению в заблуждение с помощью имитации большего, чем есть, потенциала, с переоценкой готовности его союзников оказать поддержку. Следствием такой ошибки чаще всего становится неготовность к своевременному вмешательству, нерешительность. Часто в её основе лежит некомпетентность или предательство соответствующих дипломатических, разведывательных и аналитических акторов. Однако после преодоления таких преград операция приносит необходимый, и даже иногда больший, чем при первоначальном расчёте результат.

Третья – сбой идентификации. Такое заблуждение не является чем-то целостным, но имеет комплексную природу. Эти ошибки специфичны потерей адекватности как самооценки, так и оценки противника, когда врага начинаешь полагать чем-то иным, чем он является. В оценке украинского направления характеристика «братства или общей изначальной сущности» народов нередко приводит к попыткам экстраполяции российских инструментов и подходов к управлению и воздействию. Нередко публично заявлялось об украинцах: «язык у нас общий, история тоже, гены у большинства с едиными корнями. У каждой пятой-шестой российской семьи на Украине есть родственники. Вывод: украинцы ничем не отличаются от русских. А вероятно, если уж русские с такой готовностью приняли подчинение центральной власти Москвы, то и украинцы в готовности к аналогичному подчинению». В этих размышлениях полностью исключалось огромное количество противоречащих им фактов, в числе которых:

- после образования новой России у неё самой был длительный период проявлений регионального сепаратизма. Т.н. «Уральская», «Дальневосточная», «Сибирская» республики начала 1990-х, рассуждения о независимости Кубани, фактические конфедеративные отношения с Татарстаном и Якутией, Кавказские сепаратистские войны и многое, многое другое, что даже правительством Путина преодолевалось не путём разового переламывания об колено, но сложными, где-то дипломатическими, где-то силовыми, где-то кулуарными и прочими мерами. В этом смысле Россия 90-х годов была похожа на постмайданную Украину и, конечно, не была готова к одномоментной трансформации. Период «путинских» изменений занял немалое время;
- русскость украинцев, также как и русскость сибиряков, уральцев, казаков имеет свои региональные особенности, связанные с географией, историей, европейским приграничьем. Отрывание из общего пространства и последующее воссоединение по затратности и сложности весьма отличаются. Несомненно, что если бы планы, к примеру, сибирских или башкирских сепаратистов удалось, то институциональных обоснований отличия от «материковой России» было бы изобретено не меньше, чем в современной Украине;
- предположение о том, что наличие у российской элиты партнёров среди украинского бомонда по общему бизнесу и прочим делам влечёт за собой такую же готовность населения, а сами эти партнёры могут вступить в зону нерационального, выходящего за представления бизнеса, риска, вряд ли следует принимать в расчёт. В этом смысле общие корни привели к довольно спорной уверенности в общих подходах к управлению.

Тенденции СВО. Есть процессы, попадание в колею которых ограничивает или ликвидирует альтернативные варианты. Текущий формат СВО теперь оставляет мало шансов для компромиссов и невоенных процессов. Если формируется гибрид войны, кулуарных бизнес-процессов и пространства спецслужб, то все решает баланс. Если в моменте войны больше, чем спецслужб или бизнеса – доминирует война. Если поля спецслужб больше, чем войны и бизнеса – решают спецслужбы и заинтересованный бизнес. Если бизнеса больше, чем войны и спецслужб, при том, что военная фаза присутствует также – все равно в итоге решает военный аргумент.

Каждый из участников всегда будет считать, что его направление – важнейшее. Военные будут знать, что решает поле боя. И лишь при проигрыше свои огрехи будут списывать на тыл и политическое руководство. Спецслужбы всегда искренне будут уверены, что именно они тайная и главная власть. Бизнес всегда будет уверен, что решают деньги. В итоге важнейшим для определения баланса будет зафиксировать базовые сущности этих трех составляющих. Если спецслужбы, а равно и армия, будут руководствоваться бизнес-интересами, либо бизнес начнёт руководствоваться логикой войны – баланс будет разрушен.

В практическом плане принципиально сохранение границ трёх сущностей, недопущение превращения воинов в торговцев. Если субъект управления пытается удерживать в своей власти процесс, и при этом не создаёт системный механизм мониторинга, а в условиях боевых действий – своевременного влияния на обстановку в рамках этого мониторинга, – значит он переоценил себя, обстановку и не в полной мере владеет процессом. Особенно в этой связи следует подчеркнуть, что ключевым показателем эффективности последующих решений, событий и процессов является скорость.

Отдельно при оценке динамики и перспектив происходящего следует упомянуть состояние общества. Иллюзия, что вхождение в боевые действия для общества меняет лишь эстетику управления, стимулирования и поведения, является ложной. В мирное и военное время задействуются совершенно разные мотивационные уровни. В обычной жизни – это успех, тщеславие, стабильность, самореализация. Война же или военные процессы активируют совершенно иную базу – жизнь и смерть как таковую, заставляя социум переоценивать собственный потенциал [7] и представления о правителях, их праве и легитимности, пределах управленческого воздействия. По этой причине управление обществом в условиях СВО по принципу «главное ничего не менять, держать строй, потому что если поползёт где-то, то поползёт везде», хоть и имеет своё законное право на существование с точки зрения тактического периода условной стабильности, но в долгосрочной перспективе грозит болезненными последствиями. Что самое простое может сделать элита? То, что ей так не нравится. Чуть меньше имитации, чуть ближе к обществу. Это не сакральный, а вполне прагматичный подход самовывживания в новых условиях. Потому что ещё одной угрозой является рассинхронизация элементов государственной машины. Все элементы государственной машины работают в принципе хорошо, довольно ритмично, или уж точно не хуже, чем раньше, однако при этом нарастает трение между элементами и узлами этой машины, накапливаются рассогласования в логике деятельности институтов. На фоне призывов к сплочённости, заявлений о единстве в условиях неопределённости, каждый из элементов корпоративных институтов начинает жить своей жизнью в режиме государственной целесообразности так, как он её понимает с учётом корпоративных стереотипов. Такой процесс находится в постоянной активности и в

обычное время, но военные обстоятельства могут усугубить и вскрыть политический кризис.

И ещё один важный и часто упоминаемый деструктивный фактор СВО – это ложь или так называемое «враньё». Депутат Государственной думы России, бывший командующий 58-й армией генерал-лейтенант Гурулев заявлял в интернет-ресурсах об отступлении под Красным Лиманом: «С точки зрения военного я не могу объяснить сдачу Лимана. Это не скоротечный бой был. Мне непонятно, почему за всё время не оценили правильно обстановку, не усилили группировку. Проблема в повальном вранье, докладе «хорошей обстановки». Эта система идёт сверху вниз»¹⁰.

Таким образом, у «вранья», очевидно, есть вектор, который указывает направленность. Если система вертикально интегрированная, то и вектор вертикальный. Самое простое, если бы он шёл снизу вверх. Или был бы горизонтальным. Но мы зачастую имеем даже не процесс «сверху вниз». Мы наблюдаем циклические встречные потоки, замыкающиеся в самостоятельную квазисистему. Без идентификации этой системы, определения субъектов, объектов, институциональных правил функционирования, детерминант и ключевых точек, её разрушение сомнительно. А подобные призывы к «прекращению вранья» – лишь абстракция. Чтобы сделать настоящие выводы и что-то изменить, нужно определить, в чем же неправда. И тогда возникает важный и ключевой вопрос – а почему, собственно, столь массово врут? И ещё важнее, – что будет, если не будут врать? Есть ли в этом процессе ложь во благо? Как себя оправдывают? Ответы на именно такие вопросы должны привести к формированию адекватных упреждительных и рефлексивных мер. Иначе неадекватные реальному пониманию ситуации действия будут лишь усугублять проблемы.

Императивы СВО. Несомненно, ключевым вопросом успешного развития и завершения СВО остаётся проблема желаемого образа победы в операции. При этом определённую популярность приобрела риторика, которую можно с полным основанием признать неософистической, когда с помощью игры терминами происходит противопоставление логемы «война – победа» логеме «операция – процесс»¹¹. Однако отсутствие внятного образа победы резко понижает мотивацию собственных бойцов и общества, а у врагов добавляет решимости. И наоборот, ясные и понятные цели зачастую действуют в отношении врага не хуже оружия. Падает мотивация противника, появляются сочувствующие.

Рассмотрим модели образа победы в СВО, начиная с укрупнённых вариантов, без привязки к ресурсам, политическим и военным факторам. Постепенно, двигаясь от благих пожеланий к перспективной реальности, постараемся детализировать ключевой вопрос. Если попытаться сформулировать общественные российские ожидания, то сценариев несколько.

Первый. Полное поражение Украины. Та самая безоговорочная капитуляция противника по модели 1945-го года. Правда, и здесь возникает несколько развилок. Так, Украина может стать неотъемлемой частью России. Здесь есть ряд более частных, но не менее важных вопросов с технологией реализации этой цели, но начинать нужно именно с неё. Однако на разных политических уровнях были вполне публично озвучены контраргументы: прагматичные расчёты, связанные с финансовой невозможностью полноценного выполнения социальных обяза-

¹⁰ Гладков В. «Повальное враньё»: Два генерала выступили с резкой критикой ситуации в армии // Политнавигатор. 01.10.2022. URL: <https://u.to/xVEpIA> (дата обращения: 02.10.2023).

¹¹ См., например: Мошков А. Почему у СВО не может быть победы» // Ваши новости. 17.05.2023. URL: <https://u.to/DVIpIA> (дата обращения: 02.10.2023).

тельств перед населением Украины ввиду экономической несамодостаточности этой территории, неподъёмные затраты на её восстановление, недостаточные административные ресурсы для управления огромными территориями, дефицит чего видим уже сейчас, потенциальное протестное сопротивление, вливание большой массы не вполне лояльного электората.

Второй сценарий: интеграция в Россию только той части Украины, которую принято называть Новороссией, с территорией, включающей в том числе, Николаевскую, Днепропетровскую, Харьковскую, оставшиеся части Херсонской и Запорожской областей, Одесскую область и вероятно, Приднестровье (пока, напоминая, мы рассматриваем теоретическую модель). В таком случае Украина перестаёт иметь выходы к морям, и по законам геополитики теряет тот стратегический интерес, которым обладает сейчас. Вероятно, это более прагматичный и содержательный сценарий, если не учитывать тот факт, что оставшаяся часть Украины неизбежно продолжит сохранять жёсткую конфронтацию с Россией, и, обладая поддержкой Запада, накапливать ресурсы для дальнейших боевых действий, истощения России. Хотя лишение значительной части территории, а значит и мобилизационных ресурсов, доли промышленности, возможностей логистики значительно снизит потенциал борьбы. В таком случае очевиден интерес России контролировать как можно большую часть Украины.

Третий вариант: алгоритм «38-й параллели», когда фиксируется статус-кво по сегодняшней линии боевого соприкосновения. Тогда ситуация замораживания по образцу Донбасса после 2015-го года и двух «минских соглашений», с сохранением тлеющего уровня силового конфликта, что поддерживает тонус внутриобщественной мобилизации и консенсуса, снимает напряжение потенциальных протестов. Элита, вероятно, может искать здесь пути некоего сосуществования в режиме тлеющего перемирия с западным сообществом, ожидая, что новые потенциальные конфликты Запада, в первую очередь, с Китаем понизят градус противостояния.

Заключение. Несомненно, в России есть огромный потенциал для роста в целом и прироста новых территорий в частности, – вопрос в том, что для этого роста нужно изменить структуру даже не просто промышленности, а всей связанной с ней финансовой системы, транзакционных процессов, подходов к государственному и корпоративному управлению, нормативной базе, и, конечно, кадрам. Что, естественно, ставит вопрос о дальнейшем развитии крупной российской государственной, корпоративной, муниципальной собственности, влечёт трансформацию сложившихся финансовых, промышленных, и прочих акторов общественной жизни, провоцирует потенциально значительные общественные турбулентности.

Вряд ли теперь уже приемлемы возможные в начале СВО варианты отдельных «народных республик» из новых частей Украины, альтернативные проекту киевской власти «Южной Украины», что в начале СВО, при её краткосрочном режиме давало бы несомненные преимущества, но теперь уже не несёт реального содержания. Существуют и другие, намного менее позитивные для России сценарии, но все они сводятся к фактическому поражению в специальной военной операции, либо через некие компромиссы по оставлению освобождённых после 24-го февраля 2022 года территорий, либо с оставлением за Россией только Крыма, либо Крыма и Донбасса. Не хотелось бы увидеть подобные варианты на практике, ибо уже сейчас заплаченная цена огромна, и ещё более огромны в таких случаях негативные последствия для будущего страны.

Гипотетически существуют более мягкие варианты версии заморозки и пролонгирования СВО на Украине, не с фиксацией ситуации, а с её сохранением под более удачные долгосрочные обстоятельства. К примеру, в следующем, 2024-м году случится новый виток газового кризиса, но в этот раз у Европы не будет столь больших запасов, как в прошлом. Ожидается, что Германия и Франция перестанут поставлять с нового 2024-го года оружие Украине под предлогом, что у них нет больше запасов, а новое вооружение нужно для оснащения их собственных армий. Либо ставший, уже традиционным расчёт на смену власти в США или столкновение США с Китаем, когда США и НАТО уже не смогут поставлять в достаточном объёме оружие Украине. И тогда Россия сформирует и обучит за два-три года новые соединения и оснастит их собственным, корейским и китайским вооружением, начнёт новое большое наступление, заручившись новой геополитической конфигурацией партнёров. Здесь важно, чтобы такие сложные расчёты с большим полем изменчивых факторов и конфигураций не дали результат сродни расчётам по скоротечности спецоперации.

Библиографический список

1. *Манойло А. В., Гончаренко А. Р.* «Доктрина Герасимова»: российский ответ на западные концепции гибридной войны // Вестник Академии военных наук. 2023. № 2(83). С. 66–72. EDN [TCDYCH](#)
2. *Ярмак О. В., Бакулин А. В., Бакулин Д. В.* Феномен сетецентризма в условиях современного когнитивного противостояния: на примере анализа Херсонского кейса // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14, № 2. С. 114–135. DOI [10.19181/vis.2023.14.2.7](#). EDN [NICCCN](#).
3. «Сетецентрическое управление»: современная парадигма развития систем управления в вооруженных силах ведущих держав мира / И. В. Сурма, В. И. Анненков, В. В. Карпов, А. В. Моисеев // Национальная безопасность / nota bene. 2014. № 2(31). С. 317–327. EDN [RZWDFH](#).
4. *Ullman H. K., Wade J. P.* Shock and Awe Achieving Rapid Dominance. Washington, DC : Center for Advanced Concepts and Technology, 1996. 199 p. ISBN 9781579060305.
5. *Киселев М. В., Голов А. В.* Мотивация граждан, поступающих на военную службу по контракту в армию Российской Федерации // Молодой ученый. 2016. № 6(110). С. 695–698. EDN [VPQPTD](#).
6. *Ковалева А. В., Дорохина А. В.* Дефицит трудовой мотивации военнослужащих контрактников не офицерского состава // Ученые заметки ТОГУ. 2017. Т. 8, № 2. С. 525–529. EDN [ZQNTLZ](#).
7. *Шестопал Е. Б., Рогач Н. Н.* Этапы трансформации психологического состояния российского общества: политико-психологический анализ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19, № 2. С. 150–165. DOI [10.21638/spbu23.2023.201](#). EDN [VRWLDD](#).

Поступила: 03.10.2023. Принята: 16.11.2023.

Сведения об авторе:

Пинчук Андрей Юрьевич, доктор политических наук, исполнительный директор
МОО «Союз добровольцев Донбасса». Москва, Россия. dobro27@gmail.com
Author ID РИНЦ: [979417](#)

A. Yu. Pinchuk¹

¹ Union of Donbass Volunteers
Moscow, Russia

ON THE SOCIO-POLITICAL RESERVES AND IMPERATIVES OF SPECIAL MILITARY OPERATION

Abstract. Two years have passed since the beginning of Russia's special military operation in Ukraine. Survey data show trends in the social and political understanding of the events by citizens: the growth of consolidation, the activation of volunteer activities, adaptability to Western sanctions. The author of the article draws attention to the key positions of the doctrinal foundation and conceptual content of the special military operation and practical aspects of managerial interactions of citizens, actors and institutions of civil society and the state in the processes of conducting the SWO, considers the serious problem of motivational and psychological aspects and social and power processes around the SWO. The article attempts to analytically comprehend the socio-political trends and prospects of the special military operation, its possible development and completion. According to the author, the transformation and restructuring of the industrial and financial system, approaches to state and corporate governance and other measures in the processes of governance in the zone of the special military operation, in civil society and the state, require the achievement of the necessary degree of information reliability. The discussion of possible scenarios for the completion of a special military operation through the prism of geopolitical and political-economic realities leads to the conclusion that it is necessary to optimize the interaction of military-technical and socio-political mechanisms for the implementation of the available reserves for achieving the goals of a special military operation.

Keywords: special military operation, Gerasimov doctrine, Ukraine, motivation, victory scenarios, strategic planning

For citation: Pinchuk A. Yu. On the socio-political reserves and imperatives of special military operation. *Science. Culture. Society*. 2023;29(4):28–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.3>

References

1. Manoilo A. V., Goncharenko A. R. The Gerasimov doctrine: Russia's response to western concepts of hybrid warfare. *Vestnik Akademii voennykh nauk*. 2023;2:66–72. (In Russ.).
2. Yarmak O. V., Bakulin A. V., Bakulin D. V. The phenomenon of network-centrism in conditions of modern cognitive opposition: on the example of the analysis of the Kherson case. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023;14(2):114–135. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2023.14.2.7](https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.2.7).
3. Surma I. V., Annenkov V. I., Karpov V. V., Moiseev A. V. The “network-centric management”: the modern paradigm of development of management systems in the military forces of the leading global powers. *National Security*. 2014;(2):317–327. (In Russ.).
4. Ullman H. K., Wade J. P. Shock and Awe Achieving Rapid Dominance. Washington, DC: Center for Advanced Concepts and Technology; 1996. 199 p. ISBN 9781579060305.
5. Kiselev M. V., Golov A. V. Motivation of citizens entering the military service under contract in the Army of the Russian Federation. *Young Scientist*. 2016;(6):695–698. (In Russ.).
6. Kovaleva A. V., Dorokhina M. V. Deficit of motivation contract soldiers, not officers. *Scientists notes PNU*. 2017;8(2):525–529. (In Russ.).
7. Shestopal E., Rogach N. Stages of transformation of the psychological state of Russian society: politico-psychological analysis. *Political Expertise: POLITEX*. 2023;19(2):150–165. (In Russ.). DOI [10.21638/spbu23.2023.201](https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.201).

Received: 03.10.2023. Accepted: 16.11.2023.

Information about the author:

Andrey Yu. Pinchuk, Doctor of Political Science, Executive Director, Union of Volunteers of Donbass. Moscow, Russia. dobro27@gmail.com

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.4.4](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.4)
EDN [JZITAB](https://edn.jz.itab.ru/)
УДК 321.7

С. А. Кудрявцев¹

¹ Российский государственный социальный университет
Москва, Россия

ОСНОВНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОЦЕССОВ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Аннотация. В статье анализируются взгляды российских и зарубежных исследователей на сущность и характер процессов демократизации, изложенных в современной научной политологической и социологической литературе и других источниках; применяется метод вторичного анализа результатов исследований. Автор выделяет структурный, процедурный и акторный подходы к изучению демократических транзитов. Уделено внимание глобальным характеристикам демократизации политических систем государств в XX веке и современным тенденциям демократизации на основе данных мониторинговых центров, специализирующихся на социально-политических исследованиях. Показано, что темпы демократизации на глобальном уровне в настоящее время снижаются, что может говорить о закономерно ожидаемом спаде «третьей волны» демократизации в терминологии С. Хантингтона. На основе проведённого анализа выделены основные критерии, обеспечивающие воспроизводство демократической системы: становление и функционирование партийной и избирательной систем, консолидация электората на основе принятия демократических ценностей, становление и развитие гражданского общества, на основе которых в перспективе возможно проведение компаративистского анализа после выявления соответствующих индикаторов. Рассмотрены факторы, препятствующие демократизации, а также предложения исследователей, направленные на повышение качества и устойчивости демократии. Автор делает ремарку о том, что для ряда государств целесообразность полного принятия либеральной демократии является в настоящее время дискуссионной темой в силу наличия как минимум двух концептуально отличных парадигм понимания и интерпретации демократии: западной и восточной моделей демократии, имеющих различающиеся корни. Значимость проведённого анализа в том, что разнообразие и состояние политической системы государства так или иначе отражаются на каждом гражданине; исследования процессов развития политических систем способствуют поиску оптимальных путей реформирования.

Ключевые слова: демократия, демократизация, волны демократизации, вариативность демократизации, демократические ценности

Для цитирования: Кудрявцев С. А. Основные интерпретации процессов демократизации в современной политической науке // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 4. С. 40–53. DOI [10.19181/nko.2023.29.4.4](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.4). EDN [JZITAB](https://edn.jz.itab.ru/)

Введение. Современное состояние и развитие демократии в различных государствах, динамика процессов демократизации вызывают оживлённые дискуссии в социальных науках, обусловленные их актуальностью и волатильностью, рисками и возможностями для социального благополучия и индивидуального качества жизни граждан. Политологи рассматривают политический процесс в состоянии его перманентного изменения, исследуют современное состояние политической

системы в контексте внутренних противоречий, международных отношений, экономических трансформаций и т.п. В этих условиях наличие множества качественных и количественных интерпретаций процессов демократизации становится научной проблемой. Результаты последнего отчёта шведского исследовательского института V-Dem, конструирующего индекс демократии, свидетельствуют о серьёзном снижении темпов демократизации в мире и росте авторитарных тенденций [1, с. 7]. В последние 3 года прогресс демократизации отмечается в Чехии, на Сейшелах, в Молдавии, Болгарии, Малави, Гамбии, Доминиканской Республике, Замбии, Гондурасе, Боливии [1, с. 27]. В свою очередь, снижение индекса демократии имеет место в Греции, Армении, на Маврикии, в Гватемале, Тунисе, Буркина Фасо, Мали, Сальвадоре, Мьянме, Афганистане [1, с. 23].

Дискуссии вокруг вопроса о недостатках либеральной демократии, о её применимости к национальным, традиционным государствам, о преимуществах гибридных режимов, множественность подходов к методике измерения уровня и качества демократии, темпов и направления демократического транзита актуализируют задачу выявления общих и частных факторов, способствующих и препятствующих демократизации, либо вызывающих разворот к авторитарному тренду. В настоящей статье мы поставили цель выявить точки зрения современных исследователей, описывающих процессы демократизации, интерпретации моделей демократического транзита в научных источниках, что помогло бы выработке обоснованного подхода к собственной исследовательской стратегии.

Метод. Методом исследования послужил вторичный анализ данных ведущих исследовательских центров, изучающих демократические процессы как в отдельно взятых странах, так и в сравнительной перспективе, а также анализ литературы, посвящённой исследованиям процессов демократизации в последние десятилетия, характеризующих особенности транзита в разных регионах, которые позволяют выделить различные модели демократических трансформаций, факторы, определяющие успех или неуспех демократических преобразований.

Концептуальные модели демократического транзита. В современных источниках можно выделить до 30 разновидностей демократии: прямая, представительная, плебисцитарная, либеральная, электоральная, буржуазная, военная, делегативная, социалистическая, электронная и другие [2], которые существовали в разное время в разных государствах. При этом их объединяют общие критерии демократии, проявлявшиеся в большей или меньшей степени: разделение властей, функционирование партийной и избирательной систем, свобода СМИ, развитое местное самоуправление, законодательные гарантии и соблюдение базовых прав и свобод человека, сформулированных во Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 году.

Изучение процессов демократизации подразумевает обширный анализ предпосылок и причин, акторов и контекстного пространства, этапов и форм, существенных, институциональных, процессуальных и технологических характеристик соответствующих изменений в политической системе государства. Такого рода политические трансформации изучаются специальной субдисциплиной сравнительной политологии – транзитологией. В исследования процессов демократизации особый вклад внесли зарубежные транзитологи: Л. Даймонд, Р. Даль, Г. О’Доннел, Т. Карл, Т. Карозерс, А. Лейпхардт, Х. Линц, А. Пшеворский, Д. Растоу, А. Степан, С. Хантингтон, Ф. Шмиттер и ряд других. Изучением особенностей демократического транзита в России занимались В. Я. Гель-

ман, В. В. Лапки, А. Ю. Мельвиль, В. И. Пантин, В. В. Петухов, В. М. Сергеев, А. И. Соловьёв и ряд других. Достойные внимания диссертации по процессам демократизации на национальных уровнях написали Л. В. Дьякова (2018 г.), М. В. Золотых (2012 г.), Н. А. Никонова (2014 г.).

Мы исходим из понимания, что демократизация, иначе говоря, демократический транзит – это политический процесс, развёрнутый во времени, с многообразием форм и результатов. Исследователи часто концентрируют внимание только на отдельных аспектах демократизации с ограниченным числом свойств, однако в реальности демократические процессы характеризуются комплексностью, многофакторностью и вариативностью. Экзогенные и эндогенные факторы демократического транзита в реальности взаимообусловлены; в научной литературе не содержится универсального ответа на вопрос о том, какие факторы играют центральную роль в определении самой возможности и характера демократизации в том или ином государстве [3, с. 92].

Ряд учёных соглашается, что «в ходе своего развития современные политические институты приобрели черты, которые именно в рамках современности могут характеризовать их как «универсальные», однако в рамках каждой из политических систем они приобретают определённые особенности, связанные со спецификой развития этого общества» [4, с. 119]. Действительно, предпосылки демократизации в разных странах и в разное время существенно различаются, и национальные модели демократического транзита имеют собственные особые характеристики [5, с. 42–57; 1, с. 27–31].

В исследованиях эндогенных факторов демократизации выделяют структурный (внимание к культурным, ценностным, социологическим, историческим, экономическим аспектам) и процедурный/акторный (внимание на целенаправленные действия элит и иных акторов) подходы. В частности, Й. Шумпетер, С. Хантингтон, Р. Даль и другие предлагали операциональные, политико-философские подходы к концептуализации понятия демократии в рамках разных теорий [6, с. 103]. Далее делались попытки выделить модели демократического транзита – теоретические конструкторы, служащие для изучения различающихся процессов демократизации. Последующие исследования дополняли предыдущие и конкретизировали их в отдельных аспектах. Например, Д. Растоу выделил следующие фазы демократического перехода: «подготовительную» (конфликт внутри политики), «фаза принятия решений» (выбор альтернатив, компромиссы), «фаза привыкания» (закрепление демократических процедур и институтов) [7, с. 2], а Г. О’Доннел и Ф. Шмиттер обосновали наличие стадий либерализации, демократизации и консолидации демократии [7, с. 3].

Развивая концепцию О’Доннела и Шмиттера, С. Мэйнворинг выделял «медленный» (в сотрудничестве с представителями уходящего режима) и «быстрый» (стремительная делегитимация прежней элиты) типы демократических транзитов [8, с. 88]. В концепции идеалтипических моделей Т. Л. Карла и Ф. Шмиттера выделены два главных параметра демократического перехода: 1) ведущие акторы в процессе перехода, которыми могут являться элиты или массы, 2) стратегии акторов в процессе перехода, заключающиеся в компромиссных или силовых вариантах. Сочетания этих параметров возможны в четырёх версиях, в соответствии с которыми и выделяются модели [9, с. 13–14]. С. Хантингтон подчёркивал циклический характер глобальной тенденции демократизации и предложил следующие три модели демократизации: «трансформация», «замена», «перестановка»/замещение ведущих политических субъектов с последующей консолидацией нового политического режима [5, с. 127].

Х. Линц и А. Степан утверждали, что для демократической консолидации необходимы преобразования на конституционном, ценностном, поведенческом уровнях [7, с. 4]. К трансформациям всегда неизбежно приводит возникновение противоречий. Триггером потери устойчивости значительного количества авторитарных режимов в прошлом становилась их неудовлетворительная экономическая функциональность [5, с. 62–63]. Демократизация может проходить по разным моделям, но наблюдения показывают, что практически во всех случаях демократизация начинается с победы демократического лидера на конкурентных выборах. Этому могут предшествовать публичные протесты и судебные решения не в пользу исполнительной власти, объединение оппозиции с гражданским обществом, иностранная поддержка демократических транзитов [1, с. 29–31].

В процессе развития политической науки – получения результатов новых наблюдений, применения новых аналитических методов в проведениях эмпирических исследований, – формируются переосмысленные взгляды на политические процессы. Например, уже оспаривается тезис Б. Мура (1966 г.) о невозможности демократии без буржуа; ведутся споры о связи различных видов фрагментации и демократическим развитием; оспаривается тезис Д. Растоу (1970 г.) о том, что национальное единство является условием начала демократизации [10, с. 565]. Исследуются факторы, препятствующие демократизации.

В начале XX века наметилась тенденция спада глобального темпа демократизации – «третьей волны демократизации» в терминологии С. Хантингтона – который, к слову, продолжается до сих пор [1, с. 50–55]. Вследствие этого, в 2000 году К. Крауч ввёл термин «постдемократия», выпустив в 2004 г. одноимённую книгу [11]. Этим термином Крауч условно обозначил новый тип политических систем, которые он уже в то время наблюдал в ряде государств, где происходит постепенная эрозия демократических институтов и подмена народовластия правлением немногочисленных элит, состоящих из представителей власти и крупного бизнеса. Демократические институты в таких государствах имеют лишь внешнее проявление, активизируется применение инструментов манипулирования общественным сознанием (преимущественно через СМИ), снижается уровень политического участия гражданского общества и контроль с его стороны, растёт лоббирование и коррупция.

Отдельный вопрос – это выявление барьеров демократизации. Ф. Сакка в качестве одной из реальных глобальных угроз демократии называет процессы растущего неравенства на экономическом, географическом, социальном, гендерном, политическом уровнях, а также сокращение свободы и соблюдения демократических принципов [12, с. 9–31]. Б. И. Макаренко и А. Ю. Мельвил в качестве препятствия демократизации выделяют «ресурсное проклятие», предопределяющее характерный вектор внутривнутриполитического курса: политические режимы богатых природными ресурсами стран с большей вероятностью трансформируются в недемократические; и приводят в пример посткоммунистические страны, до сих пор не добившиеся высоких успехов в демократизации [13, с. 34] и, по терминологии Т. Карозерса, находящиеся в «серой зоне» транзита. Как писал А. Пшеворский, процесс демократизации может начаться либерализацией и существенно замедлиться в стадии смягчённого варианта автократии [14, с. 102–103].

В. Ш. Фельдблюм в 1995 году писал: «Демократия – возможно не самый лучший, но единственный реальный способ экономического развития в интересах большинства народа. Молодая российская демократия <...> научится отфиль-

тровывать способность к ответственной и оптимальной политической деятельности от «сусального золота» популизма» [15, с. 175]. В той же работе Фельдблом акцентировал внимание на проведении политики устойчивого развития, что также требует сохранения и развития демократических институтов, главный из которых – это система всеобщих, прямых и частых выборов народом высшей власти. В последующих книгах и статьях (например, в 2020 г., – [16]) профессор Фельдблом подтверждает и дополняет сделанные им ранее выводы, в том числе о целесообразности обеспечения преемственности власти и наличия действенных механизмов возможного отстранения представителей власти, не оправдавших доверия избирателей.

Институционалисты при анализе процессов демократизации сосредотачиваются на особенностях становления избирательной и партийной систем. Рассматривая их способом легитимации власти, А. Пшеворский пишет, что «единство лидера и ведомых является “сущностью” демократии, в то время как конкретные институты, включая выборы, являются всего лишь “формами”, потому что ни один правитель не может признать, что правит без народного мандата. <...> Партии, в свою очередь, имеют последователей и лидеров, которые становятся представителями через выборы» [17, с. 13–14]. Деятельность политических партий призвана решать задачи артикуляции и агрегации интересов общественных групп, а избирательная система – задачи легитимации действий тех, кто признаётся представителями власти. Особую значимость вопросы легитимации политического режима приобретают в условиях переходных обществ – для обеспечения устойчивого развития и сохранения национальной безопасности [18, с. 59; 19; 20].

В рамках социокультурного подхода при изучении политических процессов обращается внимание на человеческий фактор и политическую культуру. Д. Робинсон в недавнем исследовании [21] доказал, что нормы гражданства принимаются в той мере, в какой они согласуются с глубоким самоощущением индивида, определяемым его ценностными приоритетами. Люди с большей вероятностью принимают нормы, которые, по их личному мнению, соответствуют основным аспектам их идентичности и личным ценностям. Нобелевский лауреат Р. Майерсон утверждает, что для успешной демократии требуются лидеры, пользующиеся широкой поддержкой и доверием электората, уважающие демократические нормы, соблюдающие формализованную конституцию и использующие ресурсы общества для долгосрочного служения обществу, а не только для поощрения своих лояльных сторонников. Р. Майерсон высказывается в пользу федеральной децентрализации, которая создаёт возможности для локальных политиков быть автономно избранными и заработать себе «хорошую демократическую репутацию», проявив себя вначале на уровне локальной политики (местного самоуправления, максимально приближенного к народу) перед тем, как «поборются за более высокий пост в федеральной демократии»: «чтобы избиратели действительно контролировали демократию, они должны контролировать лестницу демократического продвижения». Если же национальные лидеры избираются в стране до создания эффективных демократических местных органов власти, тогда вновь избранные национальные лидеры будут в сильном положении, чтобы противостоять любому будущему развитию автономной местной демократии, сконцентрировав всю власть в своих собственных руках. Автономно избранные местные органы власти являются существенным элементом гражданского общества, которое для демократии является ключевым важнейшим элементом: «когда национальная политическая система передаст значительную долю местных

полномочий автономно избранным местным органам власти, за ними последуют другие элементы гражданского общества» [22].

Процесс демократизации общества по определению включает в себя принятие гражданами демократических ценностей. Индивидуальная система ценностных ориентиров человека является динамической системой, то есть она способна развиваться и корректироваться. Система ценностных ориентиров общества определяет совместные действия и перспективу, служит объединяющим фактором для людей. П. Бурдье в своей социологической теории действия развил концепт габитуса, согласно которому каждый субъект с детства несёт в себе отпечаток социальной структуры, определяющей его внутреннюю конституцию, диспозиции, способности и виды реакций. Габитус при этом не отменяет свободу личности и способен трансформироваться с помощью социологической рефлексии. Соответственно, процесс демократизации требует времени не только на внедрение и становление институтов демократии, но и на принятие обществом в целом демократических ценностей, что представляется необходимым для политической социализации, формирования в обществе демократической политической культуры и воспроизводства обновлённой политической системы.

Политическая культура [23, с. 2], включающая в себя разносторонние знания граждан о политической системе, обуславливает отношение к ней и политическое поведение. Так, П. Кёниг исследует вопросы обусловленности качества демократии и доказывает, что недостаток политических знаний и компетентности граждан, так же как, очевидно, и недовольство граждан, может представлять серьёзную угрозу функционированию демократии, как политической системы, основанной на народовластии [24]. Д. Бреннан сосредотачивается на вопросах компетентности власти, этики голосования и поведения электората. Обращаясь к мировым теориям демократии, Д. Бреннан излагает причины для скептицизма, например, в отношении «мудрости толпы» и выступает за эпистократию – политическую систему с правом голоса только наиболее осведомлённых избирателей [25].

Гражданское общество является одним из краеугольных камней демократии – этот вопрос является изученным [26; 27, с. 3] и уже не вызывает споров. Ф. Шмиттер, поддерживая тезис, что гражданское общество способствует консолидации демократии, утверждает, что оно не может явиться причиной демократизации; оно, как правило, проявляет себя уже после, а не до начала процесса транзита, «в демократическом процессе гражданское общество действует наряду с другими институтами, процессами и мотивациями» [28, с. 2–4]. К институтам гражданского общества относятся общественные, гражданские и политические объединения, включая политические партии [18, с. 62]. Н. М. Великая пишет о том, что гражданское общество может считаться зрелым и дееспособным, только если в нём есть «возможность для артикуляции и защиты своих социальных и политических прав», такое общество может обеспечить равный диалог с властью [18, с. 59–60]. Концепт гражданского общества предполагает обеспечение обратной связи между народом и элитами, которая впоследствии реализуется в эффективной социальной политике государства. А. Чандлер утверждает, что «социальное обеспечение по своей сути имеет демократическую логику», а также, что «если социальные политики не будут консультироваться с гражданами в рамках какого-либо инклюзивного процесса, социальная политика не будет отражать мнения граждан, не будет отражать обсуждения и компромиссы и не будет адекватно реагировать на социальные изменения» [29, с. 169]. В этом мы усматриваем также реализацию в демократической системе прав на свободу слова и собраний.

Ряд авторитетных политологов констатирует в последние годы размывание действующих демократических систем из-за множества факторов [30; 31]. Во многих странах начавшиеся были процессы демократизации развернулись в сторону авторитарности, а количество стран с авторитарными политическими режимами значительно превысило количество с демократизацией¹ [1]. Однако это не означает потерю интереса к демократии: в ряде государств продолжают процессы демократизации [1, с. 27–28], а государства с высоким «индексом демократии» борются за её устойчивость. В связи с этим стоит отметить, что поддержку становлению демократии оказывают отдельные организации, как: Human Rights Watch, NED со штаб-квартирами в США, а также межправительственная International IDEA со штаб-квартирой в Швеции. Демократическая партия США в марте 2023 года заявила о выделении \$9,5 млрд на поддержку демократии по всему миру² для посредством поддержки свободных и независимых СМИ, борьбы с коррупцией, защиты прав человека и демократических реформ, свободных и справедливых выборов.

Однако подход США и других западных стран к глобальной поддержке демократии подвергается критике в отношении его беспристрастности, избирательности и эффективности. С. А. Караганов использует выражение «глобальный либеральный империализм». Д. В. Тренин также пишет о росте политических противоречий между демократическими и автократическими государствами [32, с. 32]. Аналогичные утверждения встречаем в исследовании ИСПИ ФНИСЦ РАН 2021 года: «Попытки навязывания так называемых современных западных систем демократических ценностей встречают принципиальное отторжение со стороны традиционных мировых религий, светских идеологий и народов с выраженной национальной идентичностью. В условиях падения авторитета и привлекательности моделей либерального образа жизни западные идеологи, стремясь сохранить идеологическую интеллектуальную инициативу, стали навязывать ложную дилемму выбора между демократией и авторитаризмом» [33, с. 7-8].

Современную Россию западные политологи не относят к числу демократических государств – например, в книгах У. ван Бик [34, с. 102, 459], А. Чандлер [29, с. 170]. Об этом же свидетельствуют данные последних отчётов шведского института V-Dem³ [1, с. 13-14] и британской компании Economist Intelligence Unit, поставившей Россию на 146-е место в мировом рейтинге индекса демократии⁴. С самим наличием критериев демократии и с фактами дифференциации государств по уровню демократизации никто не спорит, однако методики и, главное, непредвзятость подобных рейтинговых оценок дискуссионны.

Результаты. С начала XX века зарубежные и отечественные учёные, исследуя процессы демократии, в первую очередь обращали внимание на её социально-политические сущностные характеристики. Предметом последующих исследований становились демократические транзиты с их региональными особенностями, а также влияние экономических реформ и политической культуры

¹ Herre B., Ortiz-Ospina E., Roser M. Democracy // Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/democracy> (accessed: 28.03.2023).

² Fact sheet: The Biden- Harris Administration's Abiding Commitment to Democratic Renewal at Home and Abroad // The White House. 29.03.2023. URL: <https://u.to/BeQmIA> (accessed: 31.03.2023).

³ Autocratization Changing Nature? :Democracy Report 2022 // V-Dem Institute. URL: <https://u.to/6eImIA> (accessed: 26.03.2023).

⁴ The world's most, and least, democratic countries in 2022 // The Economist. 01.02.2023. URL: https://u.to/H_MmIA (accessed: 03.04.2023).

граждан для успешной реализации процесса демократизации. Исследовалась нелинейность, стадийность и комплексность демократических транзитов. До настоящего времени ведутся научные дискуссии о преимуществах демократии как таковой, её будущем и альтернативных гибридных национальных моделях. Проведённый анализ научных публикаций показал, что политическая наука в процессе своего развития к настоящему времени по большому счёту достигла единого понимания сущности демократизации в многообразии функционирования её социокультурных форм и социально-политических критериев.

Политологами XX-XXI веков выявлено, что модели демократизации в разные времена и в разных государствах различаются своей национальной и культурной природой, однако имеют одни и те же цели и предусматривают внедрение и развитие политических институтов тождественных в своей функциональной сущности. Преимущества демократизации как таковой по большому счёту никем не оспариваются. По мнению исследователей, процессы глобальной популяризации либеральных моделей демократии, как инструмента геополитики, приводит к ценностным конфликтам с традиционалистскими демократиями – гражданскими обществами и государствами, отдающими приоритет ценностям коллективизма, общественным интересам, единству прав и обязанностей, подчинению меньшинства большинству.

Современные исследователи выделяют множество национальных моделей демократизации, которые отличаются в зависимости от цивилизационных особенностей, национальных традиций, исторических условий и обстоятельств. Так можно выделить западные (США, Великобритания, Германия) и восточные (Япония, Индия, Китай, Россия) традиции демократии, в которых институты власти основываются на различных соотношениях индивидуалистических и коллективистских ценностей. В этом отношении мы можем условно выделить как минимум две концептуальных подхода понимания и интерпретации демократии: западную модель элитарной либеральной демократии, построенную на принципах конкуренции и индивидуалистических ценностях, и восточную – коллективистскую и социально ориентированную, корнями уходящую в общинные патерналистские социокультурные, социально-политические и религиозные этические традиции. В русле западной либеральной традиции работали такие учёные, как: Д. Боуз, Д. Дёринг, Ф. фон Хайек, И. Валлерстайн, Л. фон Мизес, М. Н. Ротбард и другие. В свою очередь, по сути, о реализации традиций социально-ориентированной демократии сегодня пишут С. А. Караганов, В. Ш. Фельдблюм, И. Туран, Ф. Сакка и другие исследователи.

При изучении демократизации учёные концентрируют внимание не только на процессах институциональных преобразований политической системы, но и на их качестве, обеспечивающем консолидацию и устойчивость демократии. Поскольку человеческая жизнь всегда находится в ценностном контексте, изменение политической системы подразумевает принятие гражданами и обществом в целом новых демократических правовых и политических ценностей. Поддержание и развитие новой политической системы также предъявляет требования к целенаправленной внутренней политике государства.

Обсуждение. Замедление темпов демократизации в мире не свидетельствует о девальвации демократии для граждан. В ряде стран в настоящее время продолжают процессы демократизации политической системы, этому способствуют одновременно внутренние и внешние факторы, а также в некоторой степени деятельность международных организаций.

Политическая жизнь – процесс постоянных изменений. Демократия – не конечная цель, она нуждается в перманентном улучшении. История политической эволюции продолжается. Политологи продолжают исследовать неопределённость и множественность путей достижения демократических идеалов, возникающие проблемы соотношения структурных и процедурных факторов в ходе демократизации, разрабатываются новые концепты, продолжаются научные дискуссии о мерах укрепления и развития демократических институтов.

Заключение. Современная демократия в действительности представляет собой функционирующую систему политических, правовых и общественных институтов, через которые реализуются принципы, нормы и ценностные ориентации демократической культуры. Демократический транзит как динамический концепт и политический процесс всегда развёрнут во времени, поэтому всегда будет объектом исследований, так как многообразные промежуточные формы и результаты данного процесса могут быть непредсказуемы. Модели демократического транзита, являясь по своей сути, теоретическими конструктами, различаются процессами демократизации. Ввиду обширности темы демократизации политологи исследуют отдельные аспекты этого комплексного процесса и предпринимают попытки интеграции выводов с целью моделирования и прогнозирования политических процессов. Ход процесса демократизации характеризуется нелинейностью, обусловлен и зависит от множества внутренних и внешних факторов, в условиях которых живёт государство.

Суть особенностей интерпретации процессов демократизации состоит в акцентировании внимания и раскрытии отдельных характеристик процессов демократизации, отдельных факторов, наиболее характерных социокультурных, социально-политических и социально-экономических традиций демократии, которые могут быть использованы для поиска оптимальных путей реформирования и устойчивого развития политической системы государства с учётом текущего социально-экономического контекста.

Модели западных демократий, демонстрирующих высокие социальные и экономические достижения, зачастую воспринимаются, как единственный императивно возможный вариант демократизации других государств. Политологи исследуют вопросы универсальности либо напротив – принципиальной невозможности заимствования традиций демократии для всех стран, а также вопросы своевременности внедрения тех или иных институтов демократии в политическую систему государства в существующих условиях. При этом не отрицается целесообразность модернизации системы государственного управления в целях её социальной эффективности. Демократическая диффузия ведёт к трансформации и демократизации западных и традиционных обществ в результате диалектического взаимообогащения и взаимопроникновения демократических традиций, институтов и практик. Важно иметь в виду, что если демократические институты насаждаются сверху, не опираясь на органическое единство и взаимодействие социальных и политических интересов и потребностей, то велика вероятность того, что в кризисной ситуации эти институты могут оказаться малоэффективными. Мы приходим к выводу, что демократизация невозможна без опоры на традиции и традиционные институты, которые неотъемлемы для конкретного общества. Адаптация и укоренение демократии через постепенное всеобщее принятие демократических ценностей требует методичной работы, времени и условий, учёта опыта других государств. С этой целью вопросами для более глубокого изучения в будущем могут быть проведение компаративи-

стского анализа на основе критериев демократизации – таких, как особенности развития партийной политики, избирательной системы и электорального процесса, гражданского общества, независимой судебной системы, свободы СМИ и т.п. с использованием соответствующих количественных индикаторов, а также сопоставление механизмов принятия политических решений на одном и том же уровне в различных государствах.

Библиографический список

1. Defiance in the Face of Autocratization : Democracy Report 2023 // V-Dem Institute. Available at: <https://u.to/6uUmIA> (accessed: 26.03.2023).
2. Селезнев П. С., Соловьёв П. В. К вопросу о видах демократии // Власть. 2018. Т. 26, № 8. С. 183–190. DOI [10.31171/vlast.v26i8.6064](https://doi.org/10.31171/vlast.v26i8.6064). EDN YOYLSF.
3. Жданов А. И. Моделирование демократического транзита: агентно-ориентированный подход к изучению траекторий режимных трансформаций // PolitBook. 2022. № 1. С. 90–116. EDN WVNOPU.
4. Растимешина Т. В., Антонов Ф. С. Институционализация демократии в контексте демократического транзита: критический анализ научных подходов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 3(23). С. 116–121. DOI [10.24151/2409-1073-2019-3-116-121](https://doi.org/10.24151/2409-1073-2019-3-116-121). EDN VXGSHH.
5. Хантингтон С. Третья волна : Демократизация в конце XX века / Пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2003. 368 с. ISBN 5-8243-391-6.
6. Гришин А. В. Об основных направлениях трансформации недемократических политических режимов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 1(66). С. 101–106. DOI [10.21672/1818-510X-2021-66-1-101-106](https://doi.org/10.21672/1818-510X-2021-66-1-101-106). EDN VILANY.
7. Варфоломеев М. А. Специфика функционирования политических систем в моделях демократического транзита // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2012. № 1(120). С. 220–230. EDN PVFLOX.
8. Дьякова Л. В. Эволюция демократии и формирование современной модели общественно-политического развития: опыт Чили : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / Дьякова Людмила Владимировна. Москва, 2018. 575 с. EDN IMWTQS.
9. Бродовская Е. В., Королев П. А. Демократический транзит на прокоммунистическом пространстве: подходы к определению, модели, этапы // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 10–16. EDN RBFRRW.
10. Квартальнов А. А. Институциональная основа демократизации в условиях территориальной фрагментации Кыргызстана // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2018. Т. 45, № 3. С. 564–572. EDN YOMCDZ.
11. Крауч К. Постдемократия / Пер. с англ. Н. Эдельмана. М. : ИД ГУ ВШЭ, 2010. 192 с. ISBN 978-5-7598-0740-7. EDN QOKZBX.
12. Changing Democracies in an Unequal World / F. Saccà, M. Negri, L. Massidda [et al.]. Milano : FrancoAngeli, 2020. 206 p. ISBN 978-88-351-2237-1. EDN KZYIYK.
13. Макаренко Б. И., Мельвиль А. Ю. Как и почему «зависают» демократические транзиты? Посткоммунистические уроки // Политическая наука. 2014. № 3. С. 9–39. EDN SQJVVT.
14. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке : пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2000. 320 с. ISBN 5-8243-0054-2.
15. Фельдблюм В. Ш. К общеэкономической теории через взаимодействие наук. Ярославль : Ярославский гос. техн. ун-т, 1995. 237 с. ISBN 5-230-15293-1.
16. Фельдблюм В. Ш. Россия, устремлённая в будущее. Ярославль : ИПК «Индиго», 2020. 352 с. ISBN 978-5-91722-404-6.
17. Przeworski A. A conceptual history of political regimes: democracy, dictatorship, and authoritarianism // Studia socjologiczno-polityczne. Seria nowa. 2017. No. 2(07). P. 10–29. DOI [10.26343/0585556X20701](https://doi.org/10.26343/0585556X20701).
18. Великая Н. М. Общественная легитимация политической власти в контексте трансформации гражданского общества в современной России // Вестник

- РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. № 2. С. 59–71. DOI [10.28995/2073-6401-2022-3-59-71](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-3-59-71). EDN [B1PLOL](https://www.edn.ru/entry/B1PLOL).
19. *Velikaya N. M.* Opposition as a mirage of political field in Russia // New authoritarianism : challenges to democracy in the 21st century. Opladen ; Berlin ; Toronto : Barbara Budrich Publ., 2019. P. 77–99. EDN [AHUEYL](https://www.edn.ru/entry/AHUEYL).
  20. *Velikaya N.* Party system of modern Russia: institutional frames and public legitimization // Changing Democracies in an Unequal World. Milano : FrancoAngeli, 2020. P. 147–158. EDN [LTOLDK](https://www.edn.ru/entry/LTOLDK).
  21. *Robinson J.* Valuing politics: Explaining of citizen's normative conceptions of citizenship // Political behavior. 2022. Vol. 45(4). P. 1447–1466. DOI [10.1007/s11109-022-09773-7](https://doi.org/10.1007/s11109-022-09773-7).
  22. *Myerson R. B.* Outlook for democracy and democratic institutions // Business Economics. 2021. № 56(1). P. 8–13. DOI [10.1057/s11369-020-00199-9](https://doi.org/10.1057/s11369-020-00199-9).
  23. *Личак Н. А., Афонин М. В., Кудрявцев С. А.* Современные тенденции демократизации политической культуры россиян // Политконсультант. 2022. Т. 2, № 2. URL: <https://politicjournal.ru/PDF/05PK222.pdf> (дата обращения: 28.03.2023).
  24. *Koenig P. D.* Truth versus ignorance in democratic politics: An existentialist perspective on the democratic promise of political freedom // Contemporary Political Theory. 2020. Vol. 20, № 3. P. 614–635. DOI [10.1057/s41296-020-00436-y](https://doi.org/10.1057/s41296-020-00436-y).
  25. *Brennan J.* Against democracy. Princeton : Princeton University Press, 2017. 304 p. ISBN 9780691162607.
  26. *Лескова И. В., Зеленов А. В., Гузей И. А.* Гражданское общество как форма человеческого общежития // Будущие социологи об актуальных проблемах современного общества : Сб. студ. ст. Вып. 3. М. : РГСУ, 2016. С. 70–74. EDN [XAWOHN](https://www.edn.ru/entry/XAWOHN).
  27. *Натурин И. В.* Парламентская деятельность политических партий в оценках гражданского общества // Политконсультант. 2021. Т. 1, № 4. URL: <https://politicjournal.ru/PDF/06PK421.pdf> (дата обращения: 28.03.2023).
  28. *Шмиттер Ф.* Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. Политические исследования. 1996. № 5. С. 16–27. EDN [ESCNIR](https://www.edn.ru/entry/ESCNIR).
  29. *Chandler A.* Democracy, gender, and social policy in Russia : a wayward society. New York : Palgrave Macmillan, 2013. 254 p. DOI [10.1057/9781137343215](https://doi.org/10.1057/9781137343215).
  30. *Бронников И. А.* Кризис представительной демократии и новые практики гражданского активизма // PolitBook. 2018. № 1. С. 64–78. EDN [YVWZOE](https://www.edn.ru/entry/YVWZOE).
  31. *Туран И.* Либеральная демократия и ветер перемен // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21, № 2(120). С. 36–53. DOI [10.31278/1810-6439-2023-21-2-36-53](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-2-36-53). EDN [ZJPWAE](https://www.edn.ru/entry/ZJPWAE).
  32. *Тренин Д. В.* Новый баланс сил : Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М. : Альпина Паблицер, 2021. 471 с. ISBN 978-5-9614-5970-8.
  33. Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства : Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году / М. А. Ананьин, В. Н. Архангельский, В. А. Безвербный [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 558 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021). EDN [GJTТTK](https://www.edn.ru/entry/GJTТTK).
  34. *van Beek U.* Democracy under Pressure. Resilience or Retreat? Palgrave Macmillan Cham, 2022. 501 p. DOI [10.1007/978-3-031-09123-0](https://doi.org/10.1007/978-3-031-09123-0).

Поступила: 24.04.2023. Доработана: 03.11.2023. Принята: 10.11.2023.

Сведения об авторе:

Кудрявцев Сергей Алексеевич, аспирант кафедры политологии и прикладной политической работы, Российский государственный социальный университет. Москва,

Россия. ks-yar@inbox.ru

Author ID РИНЦ: [1170303](https://elibrary.ru/author_index.aspx?id=1170303); ORCID: [0009-0004-7849-2225](https://orcid.org/0009-0004-7849-2225)

S. A. Kudryavtsev¹

¹ Russian State Social University
Moscow, Russia

THE MAIN INTERPRETATIONS OF THE PROCESS OF DEMOCRATIZATION IN MODERN POLITICAL SCIENCE

Abstract. The article examines the interpretations of the political processes of democratization by authoritative Russian and foreign researchers, primarily by political scientists, as well as modern characteristics and trends of democratization based on both recognized established theories of the XX century and the most modern research and scientific publications. The article has a review-analytical character. The method of secondary analysis of scientific sources is applied. The author highlights structural and procedural/actor approaches to the study of democratic transits. Attention is paid to the global pace of democratization of political systems of states in the XX century and modern trends in democratization based on data from monitoring centers specializing in socio-political research. It is shown that the pace of democratization at the global level is currently declining, which may indicate a naturally expected decline in the “third wave” of democratization in S. Huntington’s terminology. Based on the conducted analytical research, the main criteria that ensure the reproduction of the democratic system are identified: the formation and functioning of the party and electoral systems, the consolidation of the electorate based on the adoption of democratic values, the formation and development of civil society, on the basis of which in the future it is possible to conduct a comparative analysis after identifying the relevant indicators. The factors hindering democratization are considered. Attention is paid to the proposals of researchers aimed at improving the quality and sustainability of democracy. A remark is also made that for a number of states the expediency of fully adopting liberal democracy is currently a debatable topic due to the presence of at least two conceptually different paradigms of understanding and interpreting democracy: Western and eastern models of democracy with different roots. The relevance of the studied topic is explained by the fact that the variety and state of the political system of the state somehow affect every citizen; studies of the processes of development of political systems can contribute to the search for optimal ways of reform.

Keywords: democracy, democratization, waves of democratization, variability of democratization, democratic values

For citation: Kudryavtsev S. A. The main interpretations of the process of democratization in modern political science. *Science. Culture. Society.* 2023;29(4):40–53. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.4>

References

1. Defiance in the Face of Autocratization : Democracy Report 2023. In: V-Dem Institute. Available at: <https://u.to/6uUmIA> (accessed: 26.03.2023).
2. Seleznev P. S., Solov'ev P. V. On the Question of Types of Democracy. *Vlast' (The Authority)*. 2018;26(8):183–190. (In Russ.). DOI [10.31171/vlast.v26i8.6064](https://doi.org/10.31171/vlast.v26i8.6064).
3. Zhdanov A. I. Modeling democratic transit: an agent-based approach to studying the trajectories of regime transformations. *PolitBook*. 2022;(1):90–116. (In Russ.).
4. Rastimeshina T. V., Antonov F. S. The Institutionalization of Democracy in the Context of Democratic Transit: a Critical Analysis of Scientific Approaches. *Economic and Social Research*. 2019;(3):116–121. (In Russ.). DOI [10.24151/2409-1073-2019-3-116-121](https://doi.org/10.24151/2409-1073-2019-3-116-121).
5. Huntington S. The third wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Moscow: ROSSPEN; 2003. 368 p. (In Russ.). ISBN 5-8243-391-6.
6. Grishin A. V. Non-democratic political regimes – main vectors of transformation. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2021;(1):101–106. (In Russ.). DOI [10.21672/1818-510X-2021-66-1-101-106](https://doi.org/10.21672/1818-510X-2021-66-1-101-106).
7. Varfolomeev M. A. Specifics of functioning of political systems in models of democratic transit. *Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: History. Political science*. 2012;(1):220–230. (In Russ.).

8. Diyakova L. V. The evolution of democracy and the formation of a modern model of socio-political development: the experience of Chile. Doctor Degree Thesis. Moscow; 2018. 575 p. (In Russ.).
9. Brodovskaya E. V., Korolev P. A. Democratic transit on postcommunist space: definition, models, stages. *Bulletin of Tula State University. Humanities*. 2013;(2):10–16. (In Russ.).
10. Kvartalnov A. A. The institutional framework for democratization under territorial fragmentation of Kyrgyzstan. *Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: History. Political science*. 2018;45(3):564–572. (In Russ.).
11. Crouch C. Postdemocrazia. Moscow: Izd. dom GU VShE; 2010. 192 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-0740-7.
12. Saccà F., Negri M., Massidda L. [et al.]. *Changing Democracies in an Unequal World*. Milano: FrancoAngeli; 2020. 206 p. ISBN 978-88-351-2237-1.
13. Makarenko B. I., Melville A. Yu. How do transitions to democracy get stuck and where? Lessons from post-communism. *Political science (RU)*. 2014;(3):9–39. (In Russ.).
14. Przeworski A. Democracy and Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America.. Moscow : ROSSPEN; 2000. 320 p. (In Russ.). ISBN 5-8243-0054-2.
15. Feldblum V. Sh. To the general economic theory through the interaction of sciences. Yaroslavl: Yaroslavl State Technical Uni; 1995. 237 p. (In Russ.). ISBN 5-230-15293-1.
16. Feldblum V. Sh. Russia, looking to the future. Yaroslavl: IPK "Indigo"; 2020. 352 p. (In Russ.). ISBN 978-5-91722-404-6.
17. Przeworski A. A conceptual history of political regimes: democracy, dictatorship, and authoritarianism. *Studia socjologiczno-polityczne. Seria nowa*. 2017;(2):10–29. DOI [10.26343/0585556X20701](https://doi.org/10.26343/0585556X20701).
18. Velikaya N. M. Public legitimation of political power in the context of civil society transforming in modern Russia. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*. 2022;(2):59–71. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-6401-2022-3-59-71](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-3-59-71).
19. Velikaya N. M. Opposition as a mirage of political field in Russia. In: Wiatr J. J. (ed.) *Challenges to democracy in the 21st century*. Opladen; Berlin; Toronto: Barbara Budrich Publ.; 2019. P. 77–99.
20. Velikaya N. Party system of modern Russia: institutional frames and public legitimization. In: Saccà F., Negri M., Massidda L. [et al.]. *Changing Democracies in an Unequal World*. Milano: FrancoAngeli; 2020. P. 147–158.
21. Robinson J. Valuing politics: Explaining of citizen's normative conceptions of citizenship. *Political behavior*. 2022;45(4):1447–1466. DOI [10.1007/s11109-022-09773-7](https://doi.org/10.1007/s11109-022-09773-7).
22. Myerson R. B. Outlook for democracy and democratic institutions. *Business Economics*. 2021;56(1):8–13. DOI [10.1057/s11369-020-00199-9](https://doi.org/10.1057/s11369-020-00199-9).
23. Lichak N. A., Afonin M. V., Kudryavtsev S. A. Modern trends of democratization of political culture of Russians. *Political Science and Technology*. 2022;2(2). (In Russ.). Available at: <https://politicjournal.ru/PDF/05PK222.pdf> (accessed: 28.03.2023).
24. Koenig P. D. Truth versus ignorance in democratic politics: An existentialist perspective on the democratic promise of political freedom. *Contemporary Political Theory*. 2020;20(3):614–635. DOI [10.1057/s41296-020-00436-y](https://doi.org/10.1057/s41296-020-00436-y).
25. Brennan J. *Against democracy*. Princeton : Princeton University Press, 2017. 304 p. ISBN 9780691162607.
26. Leskova I. V., Zelenov A. V., Guzey I. A. Civil society as a form of human community. In: *Future sociologists on current problems of modern society : Coll. of stud. art. Issue 3*. Moscow: RSSU; 2016. P. 70-74. (In Russ.).
27. Naturin I. V. Parliamentary activity of political parties in civil society assessments. *Political Science and Technology*. 2021;1(4). (In Russ.). Available at: <https://politicjournal.ru/PDF/06PK421.pdf> (accessed: 28.03.2023).
28. Schmitter F. Reflections on civil society and consolidation of democracy. *Polis. Political Studies*. 1996;(5):16–27. (In Russ.).
29. Chandler A. *Democracy, gender, and social policy in Russia : a wayward society*. New York: Palgrave Macmillan; 2013. 254 p. DOI [10.1057/9781137343215](https://doi.org/10.1057/9781137343215).
30. Bronnikov I. A. Crisis of representative democracy and new practices of civil activism. *PolitBook*. 2018;(1):64–78. (In Russ.).
31. Turan I. Liberal democracy and the wind of change. *Russia in Global Affairs*. 2023;21(2):36–53. (In Russ.). DOI [10.31278/1810-6439-2023-21-2-36-53](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-2-36-53).
32. Trenin D. V. *New balance of forces: Russia in Search of Foreign Policy Balance*. Moscow: Alpina Publisher; 2021. 471 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9614-5970-8.

33. Ananyin M. A., Arkhangelsky V. N., Bezverbny V. A. [et al]. Pandemic challenges and strategic agenda for society and the state: socio-political situation and demographic situation in 2021. Moscow: FNISTC RAS; 2021. 558 p. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021).
34. van Beek U. Democracy under Pressure. Resilience or Retreat? Palgrave Macmillan Cham; 2022. 501 p. DOI [10.1007/978-3-031-09123-0](https://doi.org/10.1007/978-3-031-09123-0).

Received: 24.04.2023. Corrected: 03.11.2023. Accepted: 10.11.2023.

Information about the author:

Sergey A. Kudryavtsev, Postgraduate Student of the Department of Political Science and Applied Political Work, Russian State Social University, Moscow, Russia. ks-yar@inbox.ru
ORCID: [0009-0004-7849-2225](https://orcid.org/0009-0004-7849-2225)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.5)
EDN [PVJTOR](https://edn.vjtor.ru)
УДК 325

Г. И. Гаджимурадова^{1,2}, Н. Вукчевич^{3,4}

¹ МГИМО МИД России. Москва, Россия

² Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

³ Институт политических исследований. Белград, Сербия

⁴ БелГУ. Белгород, Россия

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЕС: ПОЛИТИКА ГУМАНИЗМА VS УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Неконтролируемая миграция, охватившая Европу, является следствием колониальной политики большинства стран ЕС, таких как Франция, Нидерланды, Италия и, впоследствии, политики вмешательства во внутренние дела стран-бывших колоний, в которой принимали участие не только страны Евросоюза, но и США. Свою роль сыграл и демографический кризис, охвативший страны Запада. Надежда на иммиграцию молодых мусульман из стран Африки и Ближнего Востока, которая, по мнению европейских политиков, поможет исправить демографическую ситуацию и пополнит ряды будущих граждан, не оправдала своих ожиданий. Какова миграционная политика и политика интеграции в отношении иммигрантов в странах ЕС? Как трансформируется иммиграционная политика европейских стран? Подробный анализ современного положения дел в Европе опирается на официальные данные национальных статистических служб некоторых стран ЕС, министерства европейской интеграции республики Сербия, Департамента гражданской свободы и иммиграции Итальянской республики, а также международных организаций – Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), Международной организации по миграции (МОМ), Евростата (Eurostat), Всемирного банка (World Bank). В статье рассматривается проблема безопасности в связи с проникновением вместе с беженцами представителей радикального ислама. Авторы раскрывают последствия миграционного кризиса в Европе и делают попытку ответить на вопрос: приём и интеграция беженцев – это акт человеколюбия или проблема национальной безопасности для стран ЕС?

Ключевые слова: миграционный кризис, беженцы, Балканский маршрут, Евросоюз, интеграция, мусульмане, радикализм, безопасность

Для цитирования: Гаджимурадова Г. И., Вукчевич Н. Миграционная политика ЕС: политика гуманизма vs угроза национальной безопасности // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 4. С. 54–64. DOI [10.19181/nko.2023.29.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.5). EDN [PVJTOR](https://edn.vjtor.ru)

Предпосылки миграционного кризиса. Крупнейший по своим масштабам и последствиям миграционный кризис 2015-2016 гг. заставил европейские правительства задуматься о трансформации миграционной политики своих стран. Международный миграционный кризис по большей части представляет собой начавшееся в середине 2010 года массовое прибытие мигрантов – чаще всего нелегальных – из Африки и Ближнего Востока после падения режима Каддафи в Ливии и войны в Сирии, что обусловило эскалацию ситуации в 2015 году, когда стремившиеся ранее к итальянскому побережью беженцы открыли для себя так называемый «Балканский маршрут».

© Гаджимурадова Г. И., Вукчевич Н., 2023

Большинство беженцев, которые направились в Европу, происходили из охваченной войной Сирии. Но, пользуясь ситуацией, к ним примкнули и те, кто не был беженцами в полном смысле этого слова, но стремились получить в богатых странах Европы статус беженца и полагающиеся этой категории граждан социальные выплаты. Эти люди ехали в надежде улучшить свою жизнь и материальное положение, их можно отнести к категории экономических мигрантов. Нельзя не согласиться с польским учёным Богданом Гренда, что «с исторической точки зрения периоды такого рода, известные как переходные периоды, всегда характеризовались широким спектром вызовов безопасности обществ, наций и стабильности международных отношений» [1].

Европейские страны, имеющие богатый опыт по приёму беженцев, в основном из бывших колоний, как, скажем, Франция из стран Магриба или в современной истории Германия из стран, охваченных боевыми действиями или гражданской войной, таких, как Сирия, Афганистан, Ирак, в своей миграционной политике руководствовались политикой последовательной интеграции, используя методы социальной поддержки, внедряя различные образовательные и культурные программы для скорейшей их интеграции в принимающую среду и приобщения к ценностям и культурным традициям местного населения. Однако политика мультикультурализма на фоне быстро растущей численности иммигрантов привела к краху привычных интеграционных моделей и породила многочисленные социально-политические «разломы» в большинстве европейских стран. Само существование Европейского союза (ЕС), который создавался как политический и социально-экономический союз, оказалось под угрозой распада. На этом фоне некоторые европейские политики предлагали закрыть границы и восстановить контроль над ними, в том числе касательно передвижений в рамках стран Шенгенского соглашения¹. Набирающие популярность правые политические партии европейских стран выступили с требованием немедленной депортации иммигрантов, которым было отказано в убежище. На фоне роста антимиграционных настроений были озвучены предложения прекратить или резко сократить приём беженцев.

Неконтролируемая иммиграция и отсутствие единой политики Евросоюза по приёму беженцев привела к формированию так называемых социально-политических «разломов» между государствами, между гражданами стран ЕС и политиками, между автохтонным населением и «новыми» иммигрантами. Таким образом, годами выработанная европейская система предоставления убежища, столкнулась с новыми угрозами и вызовами в подходах к интеграции «новых» граждан и сохранения их идентичности. Это существенно подорвало основы её существования, которые базировались на соблюдении прав человека и идее мультикультурализма.

Хотя после пандемии COVID-19 тема миграционного кризиса более не находится в центре внимания общественности и научного сообщества, рано говорить о завершении «большого переселения». Катализатором второго «кризиса беженцев» вполне может стать беспрецедентный по своей жестокости израильско-палестинский конфликт, который сделал беженцами большую часть населения Палестины и внушил опасения и страх жителям других стран Ближнего Востока.

Последствия неконтролируемой миграции для стран Евросоюза. Активная миграция из стран Африки и Ближнего Востока не могла не отразиться на этно-демографической структуре населения стран Европы и на этнокультурном «ланд-

---

¹ В частности, такой контроль ввели Швеция, Австрия, Дания и др.

шафте» европейских городов. Это, с большой долей вероятности, будет иметь долгосрочные последствия в социально-экономической и политической жизни стран ЕС. По данным Комиссии по демографии Совета Европы, если в 1960 году люди европейского происхождения составляли 25% мирового населения, в 2000 году – 17%, то через 40 лет они будут составлять не более 10%. В 2000 году население Европы насчитывало 728 млн, а к 2050 году, при сохранении текущего уровня рождаемости и без учёта иммиграции, оно будет насчитывать 600 млн².

Иммиграционная повестка создала определённую напряжённость как внутри стран Европейского союза, так и между ними. Разберём наиболее значимые последствия иммиграции из стран Африки и Ближнего Востока для стран и граждан Евросоюза, которые нельзя рассматривать обособленно друг от друга, так как они являются взаимосвязанными.

- *Этнические последствия* являются результатом быстрого изменения этнического состава населения европейских стран, в основном это касается крупных городов и населённых пунктов. Стремительно растущая численность «новых граждан», представляющих собой новые этнические группы со своей ментальностью, традициями и нормами поведения, стала тревожной реальностью больших городов и населённых пунктов современной Европы, а нерегулируемое властями появление этнических районов обозначило ряд трудно решаемых проблем, в том числе и проблем безопасности, как для самих иммигрантов, так и для местного населения. Компактное проживание мусульман, предпочитающих жить по нормам шариата и собственным традициям, связано по большей части с их «этнокультурной и религиозной идентификацией» [2]. Всё это приводит к формированию закрытых изолированных обществ, которые существуют параллельно обществу принимающей стороны. Сегодня такую картину можно наблюдать во многих городах Германии, Франции, в центральных районах Бельгии, Великобритании, Швеции, Дании и других стран ЕС, принимающих иммигрантов.

Как было отмечено выше, поведение мусульман-иммигрантов основано на законах шариата и национальных традициях, что отличает их от поведения других проживающих рядом меньшинств, к примеру, китайских, индийских, выходцев из стран Восточной Европы. Они сохранили свои культурные традиции и своеобразие, религиозную обрядность и в то же время сумели адаптироваться и интегрироваться в принимающее общество. В европейской культуре, основанной на либеральных ценностях, считаются недопустимыми дискриминационные меры в отношении иммигрантов, независимо от страны их происхождения. Вместе с тем, в таких странах, например, как Финляндия, которая имеет собственное представление об интеграции иностранцев в стране, работа системы приёма беженцев продолжает характеризоваться настойчивой политикой адаптации [3].

В процесс приёма беженцев включены не только страны ЕС, но и европейские страны, не входящие в этот союз. В частности, стремление Республики Сербия стать членом Европейского Союза обусловило обязательства страны по применению общих правовых норм в области международной защиты иммигрантов. Это было одним из условий, прописанных в «Дорожной карте визовой либерализации»³, в рамках реализации которого в 2008 году был принят Закон об убежище и были открыты первые центры для беженцев из стран Африки и Ближнего Востока. Сербия обязалась обеспечивать соблюдение прав человека, гарантированных Конституцией, что стало ключевым моментом в процессе формирования атмосферы толерантности по отношению к беженцам из исламских стран, большинство

² Demographic outlook for the European Union. URL: <https://u.to/LYQkIA> (last request: 08.10.2023).

³ Visa liberalisation with Serbia: roadmap. URL: <https://u.to/SYQkIA> (last request: 08.10.2023).

из которых проходили через страну в 2015 году. Таким образом, вся миграционная система Сербии ориентирована именно на транзит беженцев в другие страны Европы. Поэтому запросы об убежище не удовлетворяются, а автоматически отклоняются не потому, что подавшие такой запрос лица являются мусульманами, а по причине того, что они попадают в Сербию из третьих, т.н. «безопасных» стран. Таким образом, официальная политика Республики Сербия не претерпела изменений после миграционного кризиса, за что страна получила одобрение Европейского Союза. В итоге, с одной стороны, оправдано утверждение, что во внешнеполитическом поле национальная миграционная политика успешна. Но, с другой стороны, во внутренних делах государства назрели общественные коллизии, обусловленные различными культурологическими факторами, особенно религиозными [4]. Вместе с тем жители стран, оказавшиеся на пути миграции беженцев в Европу и сами их активно принимающие, с течением времени изменили своё отношение к ним. Как пишет К. Власова, «по данным опросов общественного мнения, к концу 2015 г. уже 53% опрошенных греков в возрасте от 25 до 65 лет считали нелегальных мигрантов одной из главных угроз своей национальной безопасности (в свою очередь, так не думали лишь 38%)» [5].

• *Социокультурные последствия.* Компактное проживание иммигрантов и, как следствие, изменение этнического состава населения в европейских городах, сформировало так называемую «этническую экономику», которая проецируется, например, через сферу услуг: магазины, парикмахерские, рынки, услуги по доставке, рестораны, что меняет внешний облик европейских городов на своего рода «чайна-тауны» (англ. Chinatown). И, как итог, районы компактного проживания общин приобретают этнические черты, которые воспроизводят облик родных городов, откуда прибывают иммигранты, и становятся «городом в городе», что не способствует их интеграции. Причиной этого является не только тоска по родине, но и идентификация себя как «другого». Другим следствием наплыва иммигрантов является необходимость строительства мечетей и молельных домов, что также влияет на внешний вид европейских городов. Отсюда алармистские высказывания об «исламизации» Европы и конфликте цивилизаций. В связи с вышесказанным вполне закономерно, что ряд районов европейских городов, где увеличилась численность иммигрантов, стал утрачивать европейское население, которое предпочло покинуть эти районы, ставшие некомфортными для их проживания.

• *К религиозным последствиям* можно отнести рост численности мусульман и, как следствие, распространение ислама. Большинство иммигрантов-мусульман являются сторонниками традиционного ислама. Вместе с тем в среде верующих мусульман распространяются радикальные, агрессивные по своей сути, течения ислама, что не может не вызывать определённое беспокойство как среди верующих мусульман, так и среди европейцев, для большинства которых ислам как религия непонятны, а потому вызывают страх и опасения. Примером радикального течения ислама является **салафизм** и приверженцы организации «Братья-мусульмане».

Другая часть радикальных мусульман относят себя к **ваххабитам**. В некоторых европейских странах, таких как Франция, Италия, Испания, Ирландия, Босния на их долю приходится до 5% численности мусульманских общин⁴. Ваххабиты, как правило, имеют афганское, пакистанское, арабийское и катарское происхождение. Зачастую ваххабиты призывают к войне с «неверными» и непосредственно связаны с экстремистскими и террористическими группировками.

⁴ Катар спонсирует ваххабизм в Европе // Newsland. URL: <https://u.to/bLck1A> (дата обращения: 01.09.2023).

В качестве одной из причин торможения интеграционных процессов можно рассматривать культурологическое различие, которое в наибольшей степени обусловлено иным по отношению к преобладающему среди местного населения вероисповеданием. Вместе с тем отождествление носителей традиционного ислама с радикальным исламом и с терроризмом [6] не способствует решению этой проблемы, а наоборот, приводит к ужесточению миграционной политики. По мнению исследователей, «ислам сам по себе не несёт угрозы миру и обществу. Угроза возникает лишь тогда, когда ислам перестаёт быть религией и начинает использоваться в качестве политической идеологии, которая предназначена для захвата власти в отдельных странах, регионах или в планетарном масштабе во имя создания будущего Всемирного халифата» [7, с. 8].

Становится очевидным, что увеличение численности неинтегрированных мусульманских общин в странах Европы повышает конфликтность в обществе и провоцирует противоправную деятельность радикальных исламистских группировок.

• *Криминальные последствия.* Проникновение в европейские страны радикального ислама повышает риски дестабилизации социально-политической обстановки и изменения культурного кода стран. Это связано прежде всего с неприятием «европейских ценностей», дискриминацией на фоне приёма украинских беженцев и лицемерной политикой Евросоюза в отношении израильско-палестинского конфликта.

Организация масштабных терактов показывает, что европейские страны столкнулись не с разовыми акциями, а системной проблемой терроризма, организованного исламскими радикалами. «Молодые мусульмане-иммигранты активно вовлекаются в террористическую деятельность, поскольку с одной стороны, имеют низкий уровень образования, не имеют квалификации, не могут найти работу, а с другой стороны, плохо знакомы с основами своей религии, не знают языка принимающих стран, не понимают и не принимают европейских ценностей» [8]. Таким образом, мы приходим к такому фактору радикализации, как социальная исключённость. Во многих странах Европы мусульмане являются гражданами «второго» сорта: не имеют доступа к хорошему образованию и к социальным лифтам, им сложно устроиться на работу, зачастую они находятся за пределами социума. Этим и пользуются различного рода радикальные «проповедники», вербуя молодёжь в радикальные, порой террористические группировки. Основным направлением по сокращению каналов вербовки мусульманской молодёжи может стать непримиримая борьба с любого типа дискриминацией и внятная политика интеграции, которая должна приобрести характер взаимной, а именно, взаимоуважение к образу жизни, религии и ценностям друг друга, вовлечённость молодых иммигрантов в социальную жизнь принимающего общества, доступ к образованию и социальным лифтам.

Хотя сам по себе ислам, как и любая авраамическая религия, не несёт опасности, его трактовка и использование в целях определённых групп может негативно сказаться на восприятии мусульман и их веры. Поэтому нужно понимать, что «именно идеологическая доктрина ислама делает исламский экстремизм и такое его проявление, как терроризм, чрезвычайно опасным для общества» [9, с. 18].

Фактором дестабилизации является и проблема возвращения т.н. «иностранных боевиков-террористов», что может иметь политические и социальные последствия для всех категорий мигрантов, поскольку мигранты теперь считаются потенциальным источником террористической угрозы [10].

В настоящее время Европа, в связи с санкциями против России и помощью Украине за счёт интересов собственных граждан, переживает экономический

спад. По мнению политологов, в этих условиях «население ждёт от государства дополнительной поддержки, субсидий, расширения социальных программ. В результате формируется целая категория аутсайдеров – тех, кто не сумел найти своё место на рынке труда, обеспечить себя работой и достойным заработком. Эти люди попадают в зависимость от государственной поддержки, у них формируются соответствующие ожидания. Поэтому многие иммигранты не могут адаптироваться на рынке труда, приспособиться к действующей модели экономики и интегрироваться в общество»⁵.

• Вместе с тем проявились и косвенные *экономические издержки* миграционного кризиса в виде оттока капитала из европейских стран. В исследовании консалтинговой компании New World Wealth в 2015 г. был зафиксирован отток долларовых миллионеров из ряда европейских стран и городов по причине роста религиозной и этнической напряжённости, вызванных в свою очередь миграционным кризисом. При составлении доклада⁶ использовалась статистика запросов на инвесторские визы и продажу недвижимости, социологические опросы миллионеров и экспертов и данные средств массовой информации. Ранжирование проходило согласно абсолютным численным показателям эмиграционного оттока миллионеров. В докладе отмечается, что первое место по оттоку миллионеров заняла Франция. Из страны в 2015 г. уехали 10 тыс. человек с состоянием более \$1 млн, в результате чего число миллионеров в стране снизилось на 3% – до 323 тыс. человек. Лидером в списке городов по оттоку миллионеров стал Париж. Столицу Франции в 2015 г. покинули 7 тыс. миллионеров (6%). Большинство уехали из Парижа в Великобританию, США, Канаду, Австралию, Россию⁷ и Израиль. Авторы доклада объясняют отъезд миллионеров из Франции ростом религиозной напряжённости и предупреждают, что в ближайшие десять лет эмиграционный отток из страны усилится. Третье место в списке стран заняла Италия, потерявшая 6 тыс. (2%) миллионеров. С негативным влиянием религиозных и этнических конфликтов в ближайшем будущем также могут столкнуться с Бельгия, Германия, Швеция и Великобритания.

• *Демографические последствия.* Долгое время миграция в Европу во второй половине XX века на фоне экономического подъёма рассматривалась как положительное явление. Тем более урбанизация, рост производства требовали увеличения человеческого потенциала. Поэтому в условиях демографического старения населения в странах Европы приток молодого населения оценивался позитивно. Но политика мультикультурализма, а вместе с ней плохая интегрируемость иммигрантов, их самосегрегация, образование этнических анклавов, нагрузка на социальную сферу стран-реципиентов привели к непредвиденным последствиям.

Европейское статистическое бюро прогнозирует, что к 2050 г. население ЕС сократится по сравнению с 2025 г. на 20 млн человек и составит 449,8 миллиона. Кроме того, доля экономически активного населения ЕС (в возрасте 15–64 лет) к 2050 году сократится до 56,7% с 67,2% в 2004 году или на 52 миллиона человек. Ожидается также сокращение доли населения в возрасте до 14 лет – до 13,4% в 2050 году с 16,4% в 2004 году⁸.

Сложившаяся демографическая ситуация позволяет политикам и исследователям делать прогнозы о скорой «исламизации» Европы. Сегодня мы видим на

⁵ Эриксон Ф. Для решения проблемы мигрантов Европе не хватает политической воли // Известия. 2 марта 2016. С. 6. URL: <https://iz.ru/news/605380> (дата обращения: 08.10.2023).

⁶ Доклад New World Wealth. URL: <https://u.to/NJkIA> (дата обращения: 08.10.2023).

⁷ Например, самый известный француз с российским гражданством Жерар Депардьё.

⁸ Shifting Demographics. URL: <https://u.to/lpQkIA> (last request: 01.10.2023).

примере Франции, которая имеет самую крупную в Европе мусульманскую общину, пробелы в области миграционной политики этой страны, влияние мусульманской уммы на все стороны жизни европейского государства на фоне плохой интегрируемости и проблем с безопасностью граждан. И это цивилизационный вызов для современной Европы. Сегодня по-новому звучат слова алжирского политика и главы государства Хуари Бумедьена, произнесённые в 1974 году с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН: «Недалёк тот день, когда миллионы людей покинут южное полушарие и переберутся в северное. Они придут не как друзья, а как завоеватели. Их оружием будут дети, лоно наших женщин – оружие нашей победы»⁹ [11].

• *Геополитические последствия* заключаются в том, что, по мнению профессора Университета Амстердама Л. Мараца, «...из-за проблемы мигрантов Европа оказалась в глубочайшем кризисе. Страны не смогут действовать сообща. По сути, Европа из-за миграционного кризиса потеряла равновесие. Я считаю, что высказанное ведущими европейскими политиками предложение было крайне безответственным. Если вы, как ведущий европейский политик, говорите беженцам: “добро пожаловать”, то вы должны взять на себя ответственность, когда миллионы людей бесконтрольно хлынут в Европу»¹⁰.

Сегодня главы государств Евросоюза не могут прийти к единому мнению по основным вопросам миграционной политики Евросоюза. Часть стран, – в основном это страны Восточной Европы, – высказались против солидарной ответственности за приём и расселение беженцев. Чехия, Венгрия, Румыния и Словакия выступили против квот по приёму беженцев. Против выступили и страны, которые имели в прошлом опыт приёма и интеграции беженцев, ссылаясь на невозможность принимать беженцев в ущерб собственному населению. Среди них Швеция и Дания. Ряд стран ЕС, ранее принимавших мигрантов, заявили об исчерпании лимита: в частности, шведские власти сообщили, что страна не сможет разместить ещё больше беженцев, и посоветовали им оставаться в Германии, которая приняла больше всего мигрантов¹¹.

Противодействие отмечается и со стороны жителей: целые социальные пласты населения европейских стран не согласны обеспечивать за счёт своих налогов безбедную жизнь мигрантов и в то же время не чувствовать себя хозяевами своей страны. На этом фоне растёт популярность правых, антииммигрантских и радикальных партий, а также политиков-популистов, что может отразиться на будущем курсе страны в пользу отказа от либеральной миграционной политики.

Журнал Spiegel в выпуске от 22 сентября 2023 г.¹² провёл опрос, из которого видно, что 82% немцев потеряли веру в то, что правительство сможет справиться с миграционным кризисом. Только за 2023 год власти ФРГ получили 204 тысячи новых прошений об убежище, что на 77% больше, чем в прошлом году. Половина просителей – выходцы из Сирии и Афганистана, среди остальных большинство из Ирана, Ирака и Турции. Также большая доля беженцев с Украины.

⁹ В ориг.: «One day, millions of men will leave the Southern Hemisphere to go to the Northern Hemisphere. And they will not go there as friends. Because they will go there to conquer it. And they will conquer it with their sons. The wombs of our women will give us victory».

¹⁰ Беженцев-мусульман призвали завоевывать Европу // Forbes. 23.09.2015. URL: <https://u.to/fpgkIA> (дата обращения: 08.10.2023)..

¹¹ Министр юстиции и миграции Швеции заявил об исчерпании лимита на беженцев // Lenta.ru. 06.11.2015. URL: <https://u.to/hZwkIA> (дата обращения: 11.09.2023)

¹² Schaffen wir das noch mal? // Der Spiegel. 39/2023. URL: <https://u.to/ZZ0kIA> (дата обращения: 21.09.2023).

Заключение. В условиях непрекращающейся неконтролируемой миграции визовая политика стран Евросоюза подвергается серьёзному испытанию и секьюритизации в отношении граждан третьих стран, из которых и направляются миграционные потоки. В результате между странами ЕС нарастает напряжённость по вопросу беспрепятственного пересечения границ. По мнению зарубежных авторов, «нетерпимость к мигрантам стала серьёзной проблемой безопасности в сфере миграции. Рост расизма, ксенофобии и нетерпимости создаёт серьёзную угрозу созданию мультикультурного общества. Таким образом, это приводит к криминализации [иммиграции]. В последние годы все большее число крайне правых политических лидеров открыто поддерживают расистские или ксенофобские политические платформы в миграционной политике, чтобы криминализировать и исключить мигрантов. Это, конечно, усугубляет проблемы безопасности» [12].

Миграционный кризис не закончился, о чем свидетельствуют постоянные новости о прибытии на итальянскую Лампедузу новых партий беженцев. Он выявил несовершенство миграционной политики стран ЕС и необходимость политических изменений в европейских структурах. Стремление каждой из стран ЕС обезопасить именно свою страну от структурных потрясений, усложняет выработку общей стратегии. Это связано с ростом числа нелегальных беженцев, мечтающих попасть в богатые страны Европы. С начала 2023 года в Италию проникли около 72 тысяч нелегалов. Премьер Мелони обещала установить морскую блокаду побережья, но так ничего и не сделала. В стране они оставаться не собираются и планируют уехать во Францию, Бельгию и Германию.

Нужно понимать, что в европейских обществах будет нарастать демографические проблемы в создающемся «разрыве» между стареющим населением и потребностью рабочих рук на рынке труда. На этом фоне в развитых странах ЕС наблюдается т.н. «ренессанс» европейской эмиграции. Высококвалифицированные специалисты из Германии, Франции, Бельгии уезжают США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию. Молодые европейцы эмигрируют из Испании и Португалии в Латинскую Америку, прежде всего, в Бразилию. Только из Германии ежегодно уезжают 150000 человек, причём большинство из них едут в англо-саксонские страны. Эти тенденции наблюдаются в последние годы достаточно чётко. Европейцы снова покидают Европу в поисках лучших условий жизни, возможностей для ведения бизнеса, безопасности и комфорта. И представляется вполне реальным, что в будущем, лет через 30–50, население Европы будет представлять из себя общество белых стариков и молодых «цветных».

Иммиграционные проблемы Европы сегодня можно рассматривать с двух точек зрения: с одной стороны, наблюдается отток высококвалифицированных кадров, что при низкой рождаемости в Европе, отразится на экономике, с другой стороны, иммигранты в большинстве своём не имеют хорошего образования или квалификации и не могут заменить уехавших на рынке труда Европы. Вместе с тем их численность довольно быстро растёт благодаря высокой рождаемости.

Таким образом, приходим к выводу, что на фоне ужесточения миграционной политики европейских стран основной посыл о гуманистическом аспекте приёма иммигрантов идёт вразрез с проблемой национальной безопасности. Таким образом, авторы солидарны с позицией колумниста «Русской народной линии» Ростислава Баталова¹³, что будущее Европы всецело будет зависеть от того, сумеют ли европейские государства выработать адекватную политику по отношению к растущим и все менее интегрированным в общество мусульманским

¹³ Баталов Р. Слепая вера имеет злой глаз, или Последствия исламизации Европы // Русская народная линия. URL <https://u.to/OaEkIA> (дата обращения: 21.09.2023).

общинам. Решение этого вопроса, в свою очередь, позволит гарантировать права и культурное своеобразие европейских мусульман, а также гармонизировать их отношения с обществом и обеспечить интеграцию мусульман в современную европейскую цивилизацию.

Библиографический список

1. *Grenda B.* The Impact of Migration-Related Threats on the Security of European Countries // *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Bankowej w Poznaniu*. 2017. Т. 72, № 1. С. 199–212.
2. *Рязанцев С. В.* Эмигранты из России: русская диаспора или русскоговорящие сообщества? // *Социологические исследования*. 2016. № 12(392). С. 84–94. EDN [XGVSIN](#).
3. *Гаджимурадова Г. И.* Опыт миграционной политики некоторых стран северной Европы и возможность его применения в России (по результатам качественного исследования в лагере беженцев в Финляндии) // *Власть*. 2018. Т. 26, № 4. С. 139–142. DOI [10.31171/vlast.v26i4.5776](#). EDN [YWZDSF](#).
4. *Вукчевич Н.* Медиа-картины процессов миграции на интернет-порталах в Сербии 2017-2018 гг.: контент-анализ // *Миграция как ресурс социально-экономического и демографического развития* : Сб. ст. / Под ред. С. В. Рязанцева, М. Н. Храмовой, А. С. Максимовой. М. : Экон-Информ, 2019. Т. 5, № 3. С. 127–133. EDN [NQPBVK](#).
5. *Власова К. В.* Противодействие нелегальной миграции в Греции // *Современная Европа*. 2019. № 6(92). С. 161–171. DOI [10.15211/soveurope62019161171](#). EDN [HFHATF](#).
6. *Гридин А. А., Пашкевич А. В.* Тенденции трансформации международного терроризма // *Социально-гуманитарные знания*. 2015. № 8. С. 30–38. EDN [UMGNRB](#).
7. *Гаджимурадова Г. И.* Активизация радикального ислама в свете миграционного кризиса в Европе: новые вызовы и противодействие террористическим угрозам // *Информационные войны*. 2017. № 2(42). С. 7–11. EDN [YMWVKP](#).
8. *Гаджимурадова Г. И.* Трудовая миграция как фактор религиозной нестабильности в регионах России: угрозы и риски // *Научный результат. Социология и управление*. 2017. Т. 3, № 3. С. 17–22. DOI [10.18413/2408-9338-2017-3-3-17-22](#). EDN [YWRIFV](#).
9. *Heinsohn G.* Söhne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen. Zurich : Orell Fussli Verlag AG, 2003. 189 p. ISBN 9783280060087.
10. *Baker-Beall Ch.* The threat of the "returning foreign fighter": The securitization of EU migration and border control policy // *Security Dialogue*. 2019. Vol. 50(5). P. 437–453. DOI [10.1177/0967010619857048](#).
11. *Connolly M.* Fatal Misconception: The Struggle to Control World Population. Harvard University Press, 2008. 521 p. ISBN 9780674024236.
12. *Ullah A. A., Hasan N. H., Mohamad S. M., Chatteraj D.* Migration and Security: Implications for Minority Migrant Groups // *India Quarterly*. 2020. Vol. 76, Issue 1. P. 136–153. DOI [10.1177/0974928419901199](#).

Поступила: 08.10.2023. Принята: 16.11.2023.

Сведения об авторах:

Гаджимурадова Гольнара Ильясбековна, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО МИД России; ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН.

Москва, Россия. gadzhimuradova7@gmail.com

Author ID РИНЦ: [293234](#); ORCID: [0000-0003-3080-1813](#)

Вукчевич Неманя, кандидат социологических наук, научный сотрудник Института политических исследований (Белград, Сербия); доцент кафедры международных отношений и политологии БелГУ (Белгород, Россия). nemanja.vukcevic2021@gmail.com

Author ID РИНЦ: [1046915](#); ORCID: [000-0003-3682-3888](#)

G. I. Gadzhimuradova^{1,2}, N. Vukcevic^{3,4}

¹ MGIMO University. Moscow, Russia

² Institute for Demographic Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia

³ Institute of Political Studies. Belgrade, Serbia

⁴ Belgorod State University. Belgorod, Russia

EU MIGRATION POLICY: POLICY OF HUMANISM VS THREAT TO NATIONAL SECURITY

Abstract. Uncontrolled migration sweeping Europe is a priority of the political leadership led by a number of European states such as France, Italy, as well as their allies in the United States. The climate crisis in Europe also plays an important role here, which can be resolved, according to Germany, with the help of future “new citizens” who arrived from countries in Africa and the Middle East, exclusively with a Muslim population. What are the migration and immigrant policies in EU countries? How is the immigration policy of European countries being transformed? A detailed analysis of the current state of affairs in Europe is based on official data from the national statistical services of Germany, France, Great Britain, the Ministry of European Integration of the Republic of Serbia, the Department of Civil Liberty and Immigration of the Italian Republic, as well as international organizations - the Office of the United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR), the International Organization for Migration (IOM), Eurostat, World Bank. The article examines the security problem in connection with the penetration of radical Islam along with refugees. The authors reveal the consequences of the migration crisis in Europe and make an attempt to answer the question: is the reception and integration of refugees an act of humanity or a problem of national security for EU countries.

Keywords: migration crisis, refugees, European Union, integration, Muslims, radicalism, security

For citation: Gadzhimuradova G. I., Vukcevic N. EU migration policy: policy of humanism vs threat to national security. *Science. Culture. Society*. 2023;29(4):54–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.5>

References

1. Grenda B. The Impact of Migration-Related Threats on the Security of European Countries. *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Bankowej w Poznaniu*. 2017;72(1):199–212. (In Polish).
2. Ryazantsev S. V. Russian Diaspora abroad or Russian speaking communities? *Sociological Studies*. 2016;12:84–94. (In Russ.).
3. Gadzhimuradova G. I. Experience of the Migration Policy of Some Nordic Countries and the Possibility of Its Application in Russia. *Vlast' (The Authority)*. 2018;26(4):139–142. (In Russ.). DOI [10.31171/vlast.v26i4.5776](https://doi.org/10.31171/vlast.v26i4.5776).
4. Vukchevich N. Media picture of migration processes on the internet portals in Serbia in 2017–2018: content analysis. In: S. V. Ryazantsev, M. N. Khramova, A. S. Maksimova (eds) Migration as a resource of socio-economic and demographic development: coll. of art. 2019;5(3):127–134. (In Russ.).
5. Vlasova K. V. Measures against Illegal Migration in Greece. *Contemporary Europe*. 2019;(6):161–171. (In Russ.). DOI [10.15211/soveurope62019161171](https://doi.org/10.15211/soveurope62019161171).
6. Gridchin A. A., Pashkevich A. V. Tendency to transformation of international terrorism. *Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2015;(8):30–38. (In Russ.).
7. Gadzhimuradova G. I. Activation of radical Islam in the light of the migration crisis in Europe: new challenges and resistance to terrorist threats. *Informacionnye voyny*. 2017;(2):7–11. (In Russ.).
8. Gadzhimuradova G. I. Labor migration as a factor of religious instability in Russian regions: threats and risks. *Research result. Sociology and Management*. 2017;3(3):17–22. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2017-3-3-17-22](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2017-3-3-17-22).
9. Heinsohn G. *Söhne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen*. Zurich: Orell Fussli Verlag AG: 2003. 189 p. ISBN 9783280060087. (In German).

10. Baker-Beall Ch. The threat of the "returning foreign fighter": The securitization of EU migration and border control policy. *Security Dialogue*. 2019;50(5):437–453. DOI [10.1177/0967010619857048](https://doi.org/10.1177/0967010619857048).
11. Connelly M. *Fatal Misconception: The Struggle to Control World Population*. Harvard University Press: 2008. 521 p. ISBN 9780674024236.
12. Ullah A. A., Hasan N. H., Mohamad S. M. & Chattoraj D. Migration and Security: Implications for Minority Migrant Groups. *India Quarterly*. 2020;76(1):136–153. DOI [10.1177/0974928419901199](https://doi.org/10.1177/0974928419901199).

Received: 08.10.2023. Accepted: 16.11.2023.

Information about the authors:

Gyulnara I. Gadzhimuradova, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Demographic and Migration Policy at MGIMO University; Leading researcher, Institute of Demographic Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia. gadzhimuradova7@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3080-1813

Nemanja Vukcevic, Candidate of Sociology, Researcher at the Institute of Political Studies (Belgrade, Serbia), Associate Professor of the Department of International Relations and Political Science of BelsU (Belgorod, Russia). nemanja.vukcevic2021@gmail.com
ORCID: 000-0003-3682-3888

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.4.6](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.6)
EDN [KUCUJE](https://www.edn.ru/KUCUJE)
УДК 314.7

Н. Ю. Микрюков¹

¹ Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Россия

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИИ КАК ФАКТОРЫ ГЕНДЕРНЫХ ДИСПРОПОРЦИЙ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Аннотация. Предметом исследования стали диспропорции в численности мужчин и женщин молодых возрастов в российских регионах. Целью исследования является оценка влияния межрегиональной и международной миграции на формирование гендерных дисбалансов в регионах. В качестве гипотезы предполагалось, что результаты анализа миграционной статистики совпадут с результатами, представленными в переписи населения 2020 г. Для исследования использованы статистические ряды межпереписного периода 2017–2019 гг., разработан и применён показатель накопленного миграционного гендерного дисбаланса к возрасту 29 лет и соотнесён с численностью населения в возрасте 25–29 лет, построена визуализация на карте. Замечено, что в большинстве регионов России имеет место эмиграция женщин начиная с самого раннего детства. Молодые женщины активно выезжают из бедных регионов, регионов с низким уровнем развития социальной сферы в столичные агломерации Санкт-Петербурга и Москвы. Переезд в агломерации с дорогим жильём влечёт за собой откладывание вступления в брак, падение рождаемости, регионы теряют репродуктивный потенциал. Одновременно происходит трудовая иммиграция молодых мужчин в основном из республик Таджикистан и Киргизии, что в сочетании с оттоком девушек создаёт численный мужской перевес в молодых возрастах, особенно в ресурсно-сырьевых регионах Дальнего Востока и Сибири, в пристоличной Калужской области, в Республике Мордовия, что подтверждается данными переписи 2020 г. В возрастах 25–29 лет имеют место выезды мужчин из южных регионов в более северные для вынужденной работы с отрывом от семей, что негативно сказывается на семейной жизни и демографическом развитии. Для ликвидации гендерных дисбалансов, выправления негативных демографических трендов, повышения рождаемости, укрепления семейных связей необходимо выравнивание доходов. Финансовые средства, в том числе ресурсно-сырьевую ренту, банковские капиталы следует направить на повышение заработных плат, на воссоздание традиционных отраслей в южных регионах и странах; и на создание высокого уровня социальной инфраструктуры, комфортной для проживания семей с детьми, в регионах Севера. Результаты исследования могут быть применены в региональной и международной политике для выработки государственных решений с привлечением крупного бизнеса для инвестиций в страны и регионы. Проведение будущих гендерных исследований по странам и регионам будет тесно связано с качеством и доступностью статистического материала по данной тематике.

Ключевые слова: гендерное неравенство, регионы России, миграция, гендер, демография, женщины в России

Для цитирования: Микрюков Н. Ю. Межрегиональная и международная миграции как факторы гендерных диспропорций в регионах России // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 4. С. 65–84. DOI [10.19181/nko.2023.29.4.6](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.6). EDN [KUCUJE](https://www.edn.ru/KUCUJE)

Введение. Гендерные диспропорции, то есть неравномерное соотношение мужчин и женщин в стране или в регионе, не так критично в пожилых возрастах, как в молодых, поскольку молодой возраст является главным периодом для

создания семей, рождения детей. Дисбаланс в численности мужчин и женщин в молодом возрасте приводит к невозможности найти себе пару для части молодых людей или девушек, сужению выбора будущих супругов, обострению конкуренции среди лиц многочисленного пола, возможному развязному поведению лиц меньшего по численности пола, результатом может стать также снижение рождаемости. Возможны психологические проблемы, стрессовые ситуации, измены уже находящихся в браке, маргинальное поведение. Поэтому серьёзные, а тем более нарастающие гендерные диспропорции в молодом возрасте нежелательны.

Диспропорции в численности молодых мужчин и женщин могут быть обусловлены двумя типами факторов: естественным и миграционным. Под группой естественных факторов понимается сверхсмертность одного из полов, в том числе селективные аборты, когда abortируется ребёнок определённого пола, что приводит к гендерному дисбалансу, как например в Китайской Народной Республике. Под группой миграционных факторов понимается преобладание лиц одного пола в потоках миграции, что приводит к гендерному дисбалансу в регионе выхода мигрантов и, как правило, к противоположному дисбалансу – в регионе приёма мигрантов.

Из общестрановых данных, приведённых в Таблице 1, видно, что мужская смертность выше женской, значит причина значительного численного преимущества молодых мужчин в некоторых регионах находится в миграции.

Таблица 1

Возрастные коэффициенты смертности мужчин и женщин в России за 2017–2019 гг., ‰

Поколения, лет	Мужчины				Женщины				Разница между мужской и женской смертностью			
	2017	2018	2019	2020	2017	2018	2019	2020	2017	2018	2019	2020
10–14	0,3	0,3	0,3	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1
15–19	0,9	0,8	0,8	0,8	0,4	0,4	0,4	0,4	-0,5	-0,4	-0,4	-0,4
20–24	1,5	1,4	1,4	1,4	0,5	0,5	0,5	0,5	-1,0	-1,0	-0,9	-0,9
25–29	2,4	2,2	2,0	2,1	0,8	0,8	0,7	0,7	-1,6	-1,4	-1,3	-1,4
30–34	4,0	3,7	3,5	3,7	1,4	1,3	1,2	1,3	-2,6	-2,4	-2,3	-2,4
35–39	6,1	5,9	5,6	5,9	2,1	2,1	2,0	2,1	-4,0	-3,8	-3,6	-3,8

Источник: Демографической ежегодник России 2021: стат. сб. М.: Росстат, 2021, 167 с.

Представляется целесообразным рассмотреть оба вида миграции – межрегиональную и международную – как факторы гендерных дисбалансов, проследить пространственное распределение дисбалансов, оценить степень влияния каждого вида миграции на формирование диспропорций в численности полов в молодом возрасте, а также предложить решения, направленные на сглаживание гендерных дисбалансов в регионах.

Обзор научной литературы. Научной литературы, посвящённой гендерным исследованиям, не так много в социологии, а посвящённой вопросам пространственного распределения гендерных аспектов и вовсе малое число. Тема гендер-

ных исследований сравнительно сложна, поскольку обязательно включает в себя аспект психологии, специфику поведенческих особенностей мужчины и женщин, которые необходимо сопоставлять, сравнивать и объяснять, даже формально получив результаты исследования. Большая часть научной литературы гендерных исследований посвящена женской эмансипации, проблемам женщин в обществе. Не так много исследований, освещающих то или иное явление с гендерных позиций, пытающихся объяснить разницу в поведении мужчин и женщин.

Большой вклад в исследование проблем гендерного характера миграций внесли учёные Института демографических исследований ФНИСЦ РАН. В статье члена-корреспондента РАН, проф. С. В. Рязанцева, проф. Т. К. Ростовской, С. Н. Перемышлина [1] указывается на тренд феминизации миграции, приводятся данные, утверждающие, что доля женщин в мировых потоках миграции, в т.ч. в трудовой миграции, в среднем превышает уровень 40%. В миграционных потоках в Россию из стран Средней Азии женская миграция особенно характерна для Киргизии. Благодаря тому, что русский язык в Киргизии носит статус государственного, её мигранты лучше говорят по-русски и легче трудоустраиваются в сфере обслуживания, в том числе женщины. В статье С. В. Рязанцева, С. Ю. Сивоплясовой, Т. К. Ростовской, Л. А. Бушковой [2] подробно анализируется феномен т.н. «русских жён», а именно брачной миграции из российских регионов. Называются причины покидания женщинами своей страны (бедность, снижение уровня жизни, маргинализация мужского населения), одновременно подчёркивается, что страна и её регионы теряют одну из лучших составляющих своего демографического, репродуктивного потенциала. В статье М. Н. Храмовой, С. В. Рязанцева [3] указывается на преобладание женщин и брачной эмиграции в общем потоке эмиграции из российских регионов. В статье О. Л. Рыбаковского, С. В. Мартыненко [4] говорится о лучшей приживаемости женщин в местах прибытия, тогда как среди мужчин больше «возвращенцев».

Региональные аспекты гендерных проблем рассматривает в своих научных исследованиях профессор Н. В. Зубаревич. В её статье указывается, что во многих российских регионах в 1990-е годы гендерное равенство в занятости женщин было обусловлено деградацией социально-экономической сферы, явилось вынужденным ответом на маргинализацию, алкоголизм мужчин [5, с. 36–39]. Особенно остро такая проблема стояла в регионах Центральной России, Северо-Запада, Южной Сибири и Дальнего Востока. На Дальнем Востоке доля внебрачных рождений в то время составляла более 50%. Исследователь миграции Е. В. Тюрюканова [6] писала о большей уязвимости, незащищённости женщин в миграции с точки зрения криминала, рисков попадания их в преступные схемы, в эксплуатацию.

В исследовании учёных Института этнологии и антропологии РАН, посвящённом следствиям дисбаланса мужского и женского населения России, делается вывод о том, что при численном преобладании мужчин, они более склонны к осознанному сохранению брака и отцовству [7]. Вместе с тем в докладе Института национальной стратегии [8] указано, что значительное численное преобладание мужчин в молодых возрастах среди мигрантов приводило к росту изнасилований и проституции со значительным вовлечением в неё местных женщин репродуктивного возраста, а впоследствии чревато вспышками насилия при изменении социальных условий.

Интересен доклад продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН по вопросам гендерных проблем в сельской местности стран российско-го Ближнего Зарубежья [9]. В нем указывается на серьёзные, кризисные явле-

ния в экономиках большинства стран бывшего российского присутствия (кроме Туркмении), начавшиеся после распада союзного государства и начала реформ в 1991-1992 годах. Среди основных гендерных проблем в докладе называются: вынужденная работа мужчин за границей, что приводит к безотцовщине, кризису семей; утрата в 1990-е годы традиционных для сельской местности отраслей, в которых ранее были заняты женщины (шелководство в Азербайджане); закрытие многих учреждений социальной сферы в 2000-е годы в российской сельской местности, что привело к повышенному оттоку из неё женщин; появление на Украине и, возможно, в России особой когорты внутренних переселенцев, женщин с детьми, ранее живших в городах, но вынужденных переехать в сельскую местность, не имея опыта жизни в ней. Для многих стран отмечается необходимость поддержки семей с детьми как наиболее уязвимой с точки зрения бедности группы населения.

Таким образом, пространственное распределение гендерных особенностей является сравнительно редким, но тем более значимым объектом научного исследования. Гендерные исследования тесно связаны с анализом поведенческих особенностей полов, необходимостью уловить различия, иногда заметные в статистических материалах.

Материалы и методы. Основным материалом по половозрастному составу населения в регионах являются данные переписей населения, проводимых в Российской Федерации в 2002, 2010, 2020 годах. Миграцию как фактор формирования дисбаланса в численности полов можно оценить, используя опубликованную с 2017 г. статистику Росстата по регионам, по полу и возрасту, по межрегиональной и международной миграции. Поскольку последние данные по половозрастной структуре по регионам содержатся в переписи 2020 г., то статистику миграции мы будем брать за межпереписной период 2017–2019 гг., тогда перепись 2020 г. покажет результат, сформированный миграциями. Нужно признать, что возможные реальные перемещения кратно больше, чем те, которые фиксируются статистикой. Статистика позволяет оценить общее направление, векторы миграции, выявить тенденцию, реальная же миграция скорее всего больше статистически фиксируемых величин. Из статистического анализа миграций исключена Республика Ингушетия по причине особенностей статистического учёта и несопоставимости показателей.

В статье использовались методы: описательный, сравнительный, картографический, районирование, анализа статистики, математический (формульный), индуктивный при выявлении закономерностей, синтеза и генерализации при формировании выводов, анализа геодемографического положения.

Межрегиональная миграция как фактор гендерных дисбалансов в регионах России. Большинство регионов России характеризуется миграционной убылью населения в другие субъекты [10]. Для анализа гендерных дисбалансов в регионах, сформированных в результате межрегиональной миграции, был рассчитан специальный показатель. Для каждого из поколений до 29 лет вычислялись гендерные дисбалансы сальдо миграции:

$$МПм(2017-2019) - МПж(2017-2019) = dМПм-ж, \quad (1)$$

где

МПм(2017-2019) – сальдо миграции мужчин за 2017-2019 годы,

МПж(2017-2019) – сальдо миграции женщин за 2017-2019 годы,

dМПм-ж – гендерный дисбаланс сальдо миграции для одного поколения

Приведём порядок расчёта гендерного дисбаланса на примере Ивановской области (см. табл. 2).

Таблица 2

Порядок расчёта показателей гендерного дисбаланса в результате межрегиональной миграции на примере Ивановской области

Возраст поколения	Сальдо миграции, женщины, чел.			Сальдо миграции, мужчины, чел.			Сумма сальдо миграции женщин, МПм(2017-2019), чел.	Сумма сальдо миграции мужчин, МПж(2017-2019), чел.	Гендерный дисбаланс сальдо миграции, dМПм-ж, чел
	2017	2018	2019	2017	2018	2019			
0 лет	0	-9	-22	11	-15	-8	-31	-12	19
1 год	-16	-37	-5	-30	-18	-8	-58	-56	2
2 года	-41	-35	-21	-49	-38	-23	-97	-110	-13
3 года	-23	-37	-51	-19	-28	-16	-111	-63	48
4 года	-50	-34	2	-18	-49	-4	-82	-71	11
5 лет	-25	-47	-34	-9	-43	-24	-106	-76	30
6 лет	-20	-37	-10	-24	-33	-7	-67	-64	3
7 лет	-25	-19	-8	-13	-56	-27	-52	-96	-44
8 лет	-11	-7	-13	-20	-26	-7	-31	-53	-22
9 лет	-24	-40	-23	-32	-40	-35	-87	-107	-20
10 лет	-17	-26	-22	-5	-17	5	-65	-17	48
11 лет	-16	-15	-12	-17	-12	-9	-43	-38	5
12 лет	-26	-34	-26	-13	-17	-21	-86	-51	35
13 лет	-24	-35	-1	-23	-28	-14	-60	-65	-5
14 лет	-33	-24	-22	-3	-22	-13	-79	-38	41
15 лет	-11	-52	-17	-13	-38	-37	-80	-88	-8
16 лет	-15	-15	-36	-37	-44	-52	-66	-133	-67
17 лет	-35	-30	-38	7	-9	-20	-103	-22	81
18 лет	-3	-20	-19	116	53	88	-42	257	299
19 лет	-47	-72	-61	19	-91	-4	-180	-76	104
20 лет	85	83	71	75	50	38	239	163	-76
21 год	20	-2	46	49	-41	0	64	8	-56
22 года	-47	-68	-42	28	10	34	-157	72	229
23 года	-79	-62	-76	3	-35	12	-217	-20	197
24 года	-28	-28	-14	-18	-26	2	-70	-42	28
25 лет	-62	-59	-39	-58	-17	-36	-160	-111	49
26 лет	-54	-54	-25	-64	-39	7	-133	-96	37
27 лет	-60	-97	-53	-62	-23	-51	-210	-136	74
28 лет	-70	-94	-20	-24	-77	-10	-184	-111	73
29 лет	-69	-62	-40	-46	-75	-23	-171	-144	27

Примечание: Тёмным цветом в последнем столбце выделены региональные гендерные дисбалансы с преобладанием мужчин, белым цветом – с преобладанием женщин.

Источник: Росстат. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278004/> (дата обращения: 05.09.2023).

Как видно из Таблицы 2, гендерные дисбалансы в молодых возрастах в Ивановской области характеризовались ярко выраженным преобладанием мужчин. В Ивановской области, как и во многих регионах России, отток девочек и девушек начинает превышать отток юношей ещё в дошкольном возрасте, со временем становясь все более устойчивым, ежегодным, несмотря на то что в молодых возрастах мужской пол численно преобладает над женским. В Таблице 3 представлены в качестве примеров регионы различных типов эмиграции женщин. Так, в Ивановской области устойчивый отток женщин начинается с самого раннего детства, в Архангельской области – примерно с 8 лет, в Республике Коми – с 17 лет, а в Астраханской области – с 21 года.

Таблица 3

Гендерные дисбалансы в регионах России, возникшие результате межрегиональной миграции в период 2017–2019 гг., чел., дМП(м-ж)

Возраст, лет	Ивановская область (опережающий отток женщин с раннего детства)	Архангельская область (опережающий отток женщин с 8 лет)	Республика Коми (опережающий отток женщин с 17 лет)	Астраханская область (опережающий отток женщин с 21 года)
0	19	-43	-4	26
1 год	2	-32	-7	1
2 года	-13	-3	13	-10
3 года	48	-15	-24	-11
4 года	11	-16	51	33
5 лет	30	33	-66	0
6 лет	3	-15	-74	18
7 лет	-44	-30	-25	-5
8 лет	-22	8	-19	-34
9 лет	-20	45	39	-14
10 лет	48	-27	-58	-4
11 лет	5	1	-21	-2
12 лет	35	41	-4	-12
13 лет	-5	-24	4	11
14 лет	41	11	-53	-27
15 лет	-8	19	43	-46
16 лет	-67	111	-30	-144
17 лет	81	86	72	-25
18 лет	299	-9	129	-3
19 лет	104	-85	103	-26
20 лет	-76	-231	-12	-26
21 год	-56	-250	20	5
22 года	229	60	86	126
23 года	197	177	47	101

Окончание таблицы 3

Возраст, лет	Ивановская область (опережающий отток женщин с раннего детства)	Архангельская область (опережающий отток женщин с 8 лет)	Республика Коми (опережающий отток женщин с 17 лет)	Астраханская область (опережающий отток женщин с 21 года)
24 года	28	36	203	14
25 лет	49	212	100	68
26 лет	37	-25	70	66
27 лет	74	85	62	67
28 лет	73	131	66	55
29 лет	27	115	113	56

Примечание: Тёмный фон ячейки, положительные значения = превышение эмиграции женщин, над эмиграцией мужчин; белый фон ячейки, отрицательные значения = превышение эмиграции мужчин над эмиграцией женщин.

Источник: Росстат. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278004/> (дата обращения: 05.09.2023).

В молодых возрастах численность мужчин превышает численность женщин вследствие того, что мальчиков рождается несколько больше, чем девочек. (см. табл. 4).

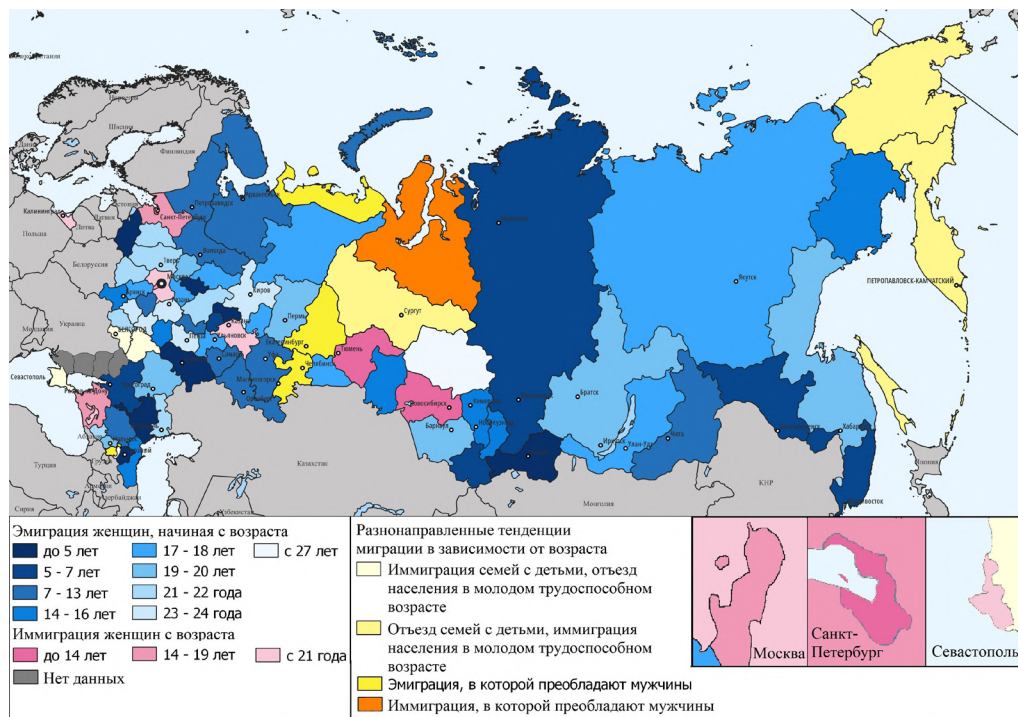
Таблица 4

Превышение численности мужчин над численностью женщин в возрастных группах в Российской Федерации, %

Возраст, лет	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2020 г.	2021 г.
до 1 года	4,18	4,87	5,39	5,92	5,80
1 год	4,10	4,91	5,25	6,47	5,90
2 года	3,73	4,96	4,80	5,73	6,46
3 года	3,53	5,01	5,23	5,62	5,71
4 года	3,66	4,87	5,01	5,76	5,61
5-9 лет	3,15	4,59	4,89	5,63	5,69
10-14 лет	2,91	4,30	4,98	4,91	5,11

Источник: Демографической ежегодник России 2021: стат. сб. М.: Росстат, 2021, 167 с. Данные за 2020, 2021 годы взяты по состоянию на 1 января, остальные данные – по результатам переписей населения.

Если бы межрегиональная миграция носила сбалансированный характер, в ней преобладали бы мужчины примерно в той же пропорции, как они преобладают в численности населения. Преобладание же с молодого возраста в миграционных потоках женщин говорит о ярко выраженном «женском» характере межрегиональной миграции. На Рис. 1 представлена карта регионов, с указанием возраста, с которого превышение миграционной убыли девочек и женщин над миграционной убылью мальчиков и мужчин приобретает устойчивый, ежегодный характер.

Рисунок 1. Карта «Преобладание женщин молодых возрастов в потоках межрегиональной миграции в Российской Федерации 2017–2019 гг.»

Источник: Составлено автором по данным Росстата.

Как видно из Рис. 1, в подавляющем большинстве регионов РФ эмиграция женщин начала превышать эмиграцию мужчин ещё до 25 лет, несмотря на численное преобладание мужчин в населении. В некоторых регионах эмиграция девочек превышала эмиграцию мальчиков с самого раннего детства: это Ивановская, Псковская, Саратовская области, республики Марий-Эл, Тыва, Калмыкия, Чеченская Республика. С детства эмиграция девочек начала превышать эмиграцию мальчиков также в регионах Севера Европейской России, некоторых регионах Юга России (Ростовская область, Ставропольский край, Республика Дагестан), Южного Урала (Оренбургская область, Республика Башкортостан), Сибири (Красноярский край, Кемеровская, Омская области, Республики Алтай, Хакасия), в регионах Юга Дальнего Востока. Значит уже в раннем возрасте родители старались вывезти дочерей из этих регионов. Причиной тому может быть суровый климат, неблагоприятная экологическая ситуация, высокий уровень преступности, низкий уровень доходов в регионе, неблагоприятная для женщин социальная среда в национальных республиках. В некоторых южных регионах (Ставропольском, Забайкальском краях, республиках Дагестан, Тыва, Чеченской Республике, Еврейской автономной области) в возрастных группах с 16 до 29 лет преобладающая эмиграция женщин сменяется эмиграцией мужчин.

Миграция женщин устремлена в регионы с высоким уровнем доходов и с лучшим качеством инфраструктуры (Санкт-Петербургская, Московская агломерация, Тюменская, Новосибирская области, Республика Татарстан, приморские Краснодарский край, Калининградская область, г. Севастополь). Миграция жен-

щин закономерно устремлена в те же регионы, куда идёт общий приток межрегиональной иммиграции, причём женская иммиграция более интенсивная, чем мужская. По всей видимости женщины и семьи с дочерьми оказываются более мобильны и активны, острее реагируют на внешнюю среду.

Миграционная убыль молодых женщин означает опережающий отток молодых, потенциальных матерей из большинства регионов России в узко ограниченный круг субъектов, в основном в крупнейшие, столичные городские агломерации с высоким качеством жизни. Однако в крупнейших городских агломерациях из-за высокой стоимости жилья происходит откладывание потенциальными матерями вступления в брак, откладывание рождения детей, планирование малого количества детей, что приводит к спаду рождаемости. Известно, что в агломерациях, особенно в Санкт-Петербургской, куда устремлена самая значительная часть женской межрегиональной миграции, рождаемость в среднем ниже, чем на периферии [10]. Большинство же регионов постоянно теряет в эмиграции потенциальных матерей, год от года снижая свой репродуктивный потенциал. Замечено также, что в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирской области наблюдается отъезд семей с детьми в младенческом возрасте (в Москве – с детьми до 1 года, в Новосибирской области – с детьми до 3-х лет, в Санкт-Петербурге – с детьми до 5 лет), что скорее всего связано с высокой стоимостью жилья, непосильностью его приобретения молодыми семьями москвичей, петербуржцев, новосибирцев. Для преодоления спада рождаемости, сдерживания миграционного оттока женщин из регионов необходимо создание в большинстве регионов России комфортных условий для проживания семей с детьми.

Особая ситуация с межрегиональной миграцией сложилась в ряде ресурсных регионов. Так, в Ханты-Мансийском, Чукотском автономных округах, Сахалинской области, Камчатском крае имеет место отток семей с детьми, но при этом миграционный прирост лиц в возрастах 20–30 лет. Это свидетельствует о привлекательности повышенных зарплат ресурсных регионов для молодых работников, но об отсутствии комфорта для проживания семей с детьми. Отдельно следует выделить Ханты-Мансийский автономный округ, который за время получения сверхдоходов, по всей видимости, так и не стал привлекательным для миграции семей с детьми, возможно из-за недостаточного развития социальной инфраструктуры. Противоположная ситуация наблюдается в некоторых южных регионах: в Республике Крым, в Воронежской, Белгородской областях. В них переезжают семьи с детьми, но в возрасте с 15 до 28 лет начинается отток населения, возможно по причине дефицита хорошо оплачиваемых рабочих мест в регионе. Таким образом, межрегиональная миграция является важным фактором формирования численного дисбаланса мужчин и женщин в регионах.

Рассмотрим миграционные процессы в более поздних возрастах, особенно в возрастной группе 25–29 лет, поскольку данная возрастная когорта выделена отдельно в результатах переписи населения. С 25 лет в численности населения, согласно данным переписи населения за 2020 год, уже преобладают женщины, но миграция продолжает характеризоваться гендерной спецификой. В 15–25 лет происходят активные временные миграции молодёжи на учёбу, часто возвратные. По всей видимости, это возраст максимальной мобильности. В возрасте же после 30 лет преобладание женщин уже значительно сильнее, в том числе по причине сверхсмертности мужчин (см. табл. 1). К возрасту 25–29 лет миграция принимает форму более устойчивую, носит более стабильный характер, а значит анализ данных миграции в этой возрастной когорте позволит сделать более

основательные выводы. В возрасте 25–29 лет миграция становится наиболее интенсивной, как правило, численные её значения максимальны.

Для отражения гендерных дисбалансов в поколении 25–29 лет необходимо учитывать не только миграцию, собственно, в 25–29 лет, но и в предыдущие годы. В возрастах 15–25 лет имеет место образовательная миграция, в основном возвратная. Если взять для анализа только самые близкие предшествующие к 25 годам поколения, то получим лишь возвратную миграцию без её первой части. Необходимо суммировать весь период целиком, но он не имеет чёткой границы. Поскольку поколения с годами переходят в другие возрастные группы, необходим самый широкий охват всех молодых поколений для расчёта итогового показателя миграции в молодых возрастах.

Было принято методологическое решение суммировать накопленным итогом миграционные дисбалансы всех поколений с 0 до 29 лет, поскольку в детстве миграции не так значительны, как в более поздних возрастах, но и они отражают некоторые тенденции, значимые для будущих поколений. Таким образом, накопленный показатель гендерных дисбалансов отражает миграционную ситуацию, сложившуюся в регионе к поколению зрелого возраста. Был рассчитан показатель гендерного дисбаланса (о котором шла речь выше в Таблице 2 и формуле 1) от 0 до 29 лет накопленным итогом.

$$\sum_{i=0}^{29} dM_{ПМ} \text{ ж} = Dn \quad (2)$$

Накопленный гендерный дисбаланс соотносился с численностью населения данного региона в возрасте 25–29 лет согласно данным переписи населения за 2020 год.

Конечно, накопленный показатель включает в себя не только ближайшие поколения к 25 годам, но и дисбалансы поколений самого раннего детства. Но, во-первых, наиболее интенсивные миграции происходят в возрасте старше 18 лет, таким образом влияние детских миграций на итоговый накопленный итог незначительно и часто бывает сnivelировано миграцией в последующих поколениях. Но если в детских возрастах складывается определённая тенденция, например, на отъезд женщин, как в Ивановской области, то расчёт кумулятивного показателя с самого раннего детства позволяет нам учесть этот момент.

На первый взгляд может показаться, что кумулятивный показатель, рассчитанный с 0 до 29 лет, необходимо соотносить со всей численностью населения до 29 лет. Однако такой расчёт приведёт к размыванию наибольших значений самой интенсивной миграции, которая наблюдается в возрастах 25–29 лет. В кумулятивном показателе, рассчитанном с самого раннего возраста, наибольшее значение занимает миграция старших, зрелых возрастов 23–29 лет (Табл. 3, Табл. 5), поэтому показатель Dn , хотя и рассчитывается с 0 до 29 лет, но наибольшее значение имеет для возрастной группе 25–29 лет.

Известное допущение содержится в том, что мы пролонгируем, экстраполируем существующие поколенческие тенденции на длительный период, но в условиях отсутствия на сайте Росстата детализированных, опубликованных данных ранее 2017 года, представляется возможным провести экстраполяцию существующих тенденций. Приведём порядок расчёта накопленного гендерного дисбаланса на примере Амурской области.

Таблица 5

Расчёт показателя накопленного гендерного дисбаланса за 2017–2019 гг.
накопленным итогом для Амурской области

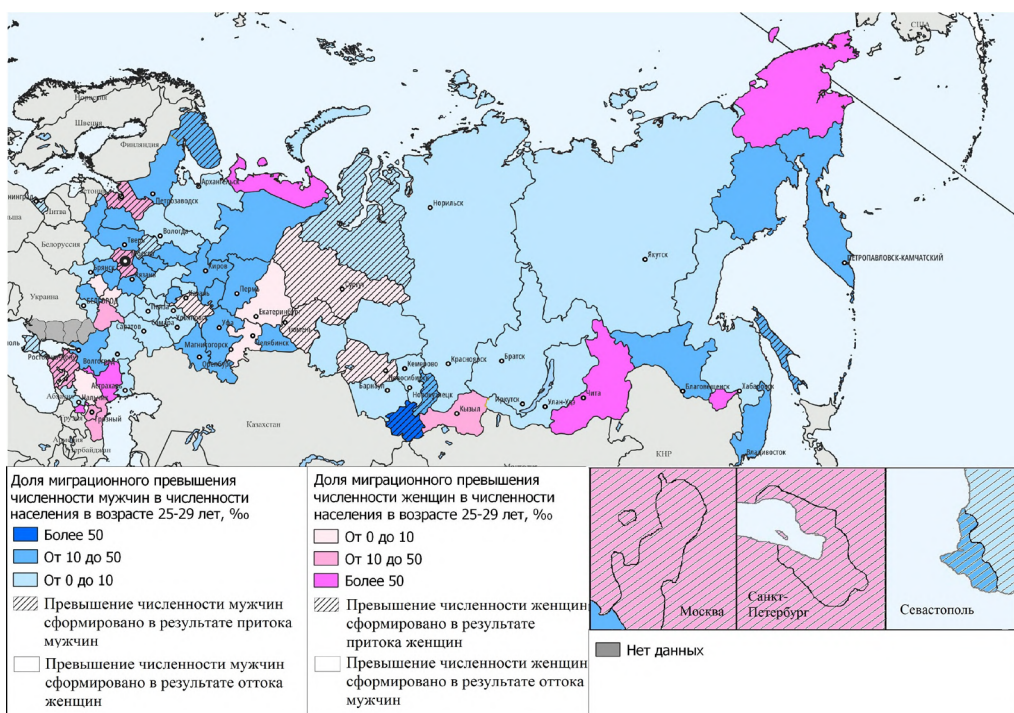
Возраст, лет	Сумма сальдо миграции женщин, МПм(2017-2019), чел.	Сумма сальдо миграции мужчин, МПж(2017-2019), чел.	Гендерный дисбаланс сальдо миграции, dM-Пм-ж, чел	Гендерный дисбаланс накопленным итогом, Dп, чел.
0	6	1	-5	-5
1 год	-51	-53	-2	-7
2 года	-61	-27	34	27
3 года	-8	-44	-36	-9
4 года	-83	-85	-2	-11
5 лет	-90	-31	59	48
6 лет	-42	-84	-42	6
7 лет	-68	-51	17	23
8 лет	-21	-45	-24	-1
9 лет	-62	-34	28	27
10 лет	-44	-39	5	32
11 лет	-45	-37	8	40
12 лет	-42	-52	-10	30
13 лет	-37	-29	8	38
14 лет	-64	-19	45	83
15 лет	-36	-64	-28	55
16 лет	-53	-65	-12	43
17 лет	-149	-187	-38	5
18 лет	-284	-360	-76	-71
19 лет	-76	-45	31	-40
20 лет	92	97	5	-35
21 год	313	230	-83	-118
22 года	-28	169	197	79
23 года	-193	126	319	398
24 года	-152	-77	75	473
25 лет	-154	-76	78	551
26 лет	-188	-59	129	680
27 лет	-126	-77	49	729
28 лет	-146	-108	38	767
29 лет	-103	-139	-36	731

Источник: Росстат. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278004/> (дата обращения: 05.09.2023).

Как видно из Таблицы 5, в Амурской области, как и в других регионах, наибольшие значения показателей гендерного дисбаланса и миграции характерны для возраста 22–29 лет. С детства складываются тенденции оттока женщин,

которые с 17 лет временно сменяются «мужской» образовательной эмиграцией (частично возвратной), но с 22 лет вновь наблюдается интенсивный, устойчивый отток женщин. На формирование показателя накопленного гендерного дисбаланса наибольшее влияние оказали показатели миграции с 22 лет, до этого кумулятивный показатель был снивелирован возвратной образовательной миграцией. В случае с Ивановской областью кумулятивный дисбаланс начинает накапливаться с самого раннего детства, достигая максимума к 29 годам.

Затем накопленный гендерный дисбаланс D_n (миграционное превышение мужчин или женщин) соотносился с численностью населения в возрасте 25–29 лет (43421 чел.), полученный результат (16,83‰) наносился на карту для сравнения с другими регионами. Аналогично производился расчёт по другим регионам, полученные результаты были нанесены на карту гендерных особенностей межрегиональной миграции в возрасте 25–29 лет (Рис. 2).

Рисунок 2. Карта «Гендерные особенности межрегиональной миграции в России в возрасте 25–29 лет в 2017–2019 гг.»

Источник: Росстат. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278004/> (дата обращения: 05.09.2023).

Как видно из карты на Рис. 2, во многих регионах из-за интенсивной женской эмиграции формировалось преобладание мужчин в молодых возрастах. Таковы многие регионы Европейской России, а также Дальнего Востока и Восточной Сибири. Миграционный приток женщин наблюдался, как уже говорилось выше, в Московской, Санкт-Петербургской агломерациях, Краснодарском крае, Тюменской, Новосибирской областях, Республике Татарстан.

К 25–29 годам появляются регионы миграционного оттока мужчин, прежде всего на Юге Европейской России: Воронежская, Липецкая, Орловская обла-

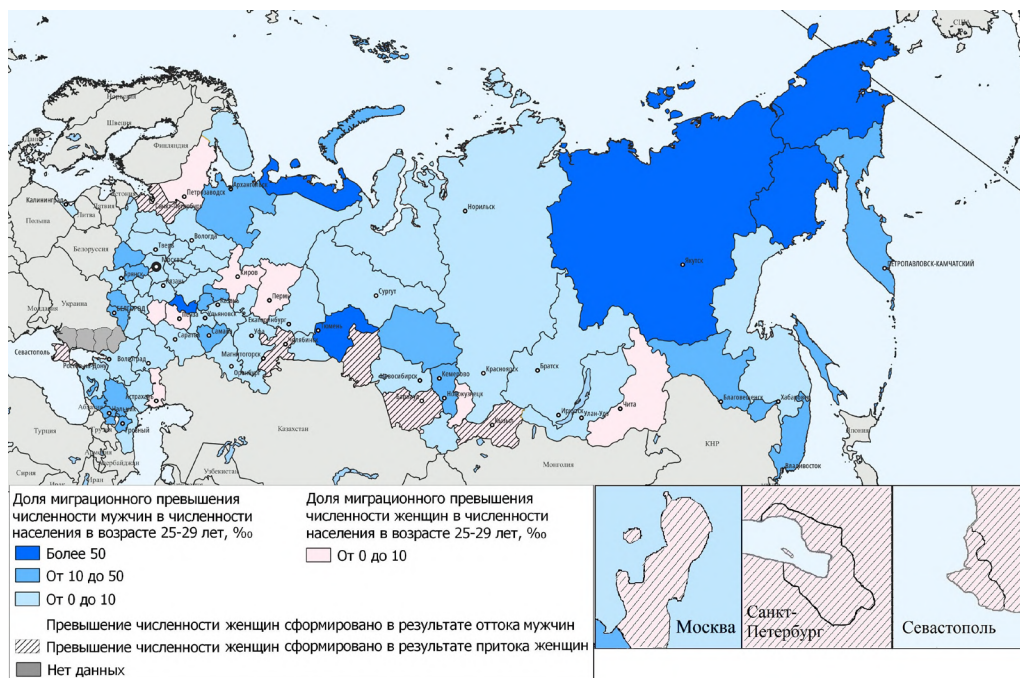
сти, Ставропольский край, Республика Дагестан, Чеченская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Калмыкия; на Юге Сибири и Дальнего Востока: Республика Тыва, Забайкальский край, Еврейская автономная область. Отток из южных регионов, по всей видимости, связан с дефицитом приемлемо оплачиваемых рабочих мест. Женщины из данных регионов в этом возрасте мигрируют не столь интенсивно, уже имея семью в национальных республиках. Может отчасти удерживать и более тёплый, мягкий климат. В более же северных регионах холодный климат может ускорять женскую эмиграцию. Мужская межрегиональная эмиграция характерна также для арктических автономных округов: Ненецкого и Чукотского.

Специфичными регионами повышенного миграционного притока мужчин являются ряд приморских регионов: Калининградская, Мурманская области, Республика Крым, г. Севастополь, возможно отчасти из-за военной, военно-морской специализации. Мурманская область может быть привлекательна для мужской миграции также благодаря горнодобывающим предприятиям. Мужским миграционным приростом отличаются также Ямало-Ненецкий автономный округ и Сахалинская область, скорее всего по причине вахтовой занятости на нефтегазодобыче. Концентрация мужской иммиграции в Ярославской области может объясняться миграцией в неё из регионов Европейского Севера, а прирост мужчин в Республике Хакасия – миграцией из соседней Республики Тыва [11]. Лидером по привлечению мужской иммиграции является Республика Алтай, скорее всего по причине наличия в ней особых рекреационных условий для лечения специфических мужских заболеваний. Таким образом, межрегиональная миграция является важным фактором формирования гендерных дисбалансов в регионах.

Международная миграция как фактор гендерных дисбалансов в регионах России. Рассмотрим международную миграцию как фактор формирования численного дисбаланса мужчин и женщин в регионах. Иммиграция из других стран в Россию имеет ярко выраженную «мужскую» составляющую, то есть мужчин приезжает больше, чем женщин, но от региона к региону степень мужской составляющей в миграционном потоке разнится. Для оценки влияния фактора международной миграции на формирование дисбаланса в численности полов проведём аналогичные расчёты, используя кумулятивный показатель D_n для международной миграции. Во многих регионах наблюдается устойчивый рост международной миграции с преобладанием мужчин с самого раннего детства. На основе рассчитанных данных составим карту (см. рис. 3).

Международная миграция с ярко выраженной мужской составляющей сильнее всего выражена в ресурсных регионах Дальнего Востока, особенно в Республике Саха (Якутия), Магаданской области, Камчатском крае, в Амурской, Сахалинской, Еврейской автономной областях, Приморском крае. В большинстве регионов Дальнего Востока превалирует трудовая миграция из Киргизии [12], в Магаданской области – из Узбекистана. В Сибири высоким уровнем привлечения мужской международной миграции отличаются ресурсные Кемеровская, Томская области, а также Тюменская область, скорее всего благодаря строительству объектов нефтеперерабатывающей промышленности в Тобольске. В Тюменской области преобладает иммиграция из Таджикистана, скорее всего трудовая, в Кемеровской и Томской областях – из Казахстана, скорее всего переезд соотечественников¹.

¹ Миграционный прирост // ЕМИСС: государственная статистика. URL: fedstat.ru/indicator/46162.

Рисунок 3. Карта «Гендерные особенности международной миграции в России в возрасте 25–29 лет в 2017–2019 гг.»

Источник: Росстат. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278004/> (дата обращения: 05.09.2023).

В Европейской России притоком международной иммиграции с преобладанием мужчин выделяются ресурсные Архангельская область с Ненецким автономный округом, а также республики Мордовия, Марий-Эл и Чувашия (иммиграция из Таджикистана). Повышенная мужская миграция наблюдается также в приграничной к Новой Москве Калужской области, близкой к Беларуси Смоленской области, приграничных с Украиной Белгородской, Курской областях, а также на Северном Кавказе и в Самарской области. В приграничной к Москве Калужской области, а также в Самарской области преобладает иммиграция из Республики Таджикистан, в Смоленской области – из Белоруссии, в Курской и Белгородской областях – из Украины. Довольно пёстрая картина международной миграции представлена на Северном Кавказе: для Республики Адыгеи характерна иммиграция из Туркменистана, для Карачаево-Черкесской Республики – из Узбекистана, для Северной Осетии – из Грузии, для Ставропольского края – армянская иммиграция, для Чечни – миграция из Узбекистана, возможно возвращение чеченцев. В Кабардино-Балкарской Республике наблюдается миграция из Сирии и Египта, возможно этнических черкесов. Таковы регионы максимальной концентрации мужской международной иммиграции и страны выхода мигрантов².

Существуют регионы, в которых, в результате процессов международной миграции, формируется дисбаланс с численным перевесом в сторону женщин. Женская иммиграция из Украины была характерна для Москвы, Санкт-Петербургской агломерации, Крымского полуострова. В азиатской России женская

² Миграционный прирост // ЕМИСС: государственная статистика. URL: fedstat.ru/indicator/46162.

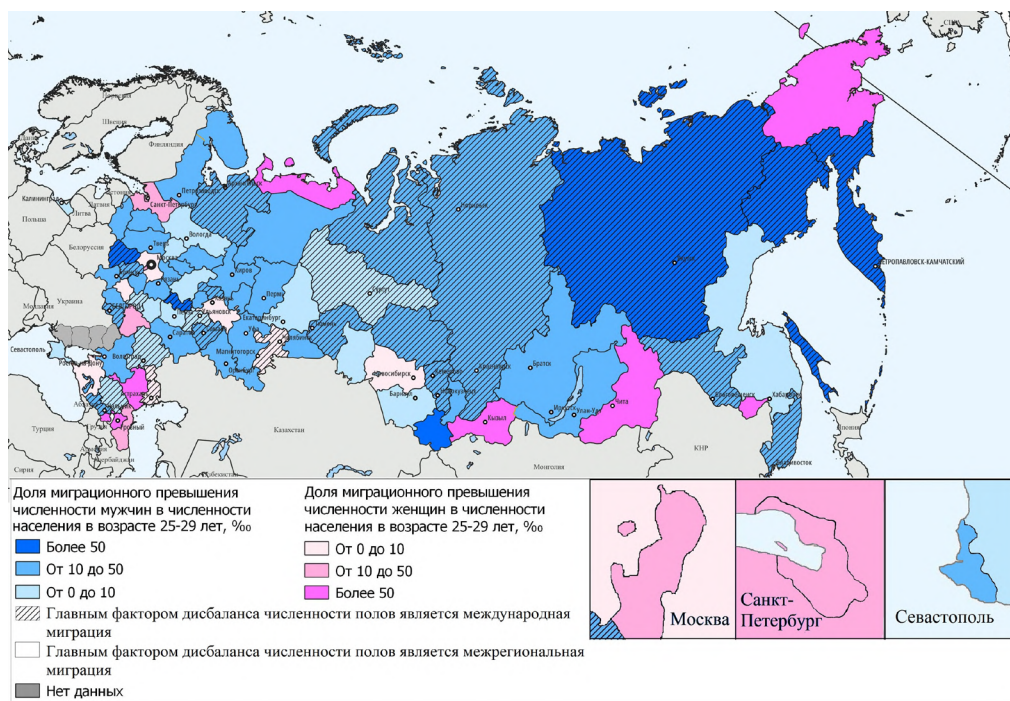

иммиграция из Казахстана имела наибольшее значение для Челябинской, Омской областей, Алтайского края. В Республике Тыве преобладала женская иммиграция из Киргизии, что могло быть связано с миграцией на работу в социальной, бюджетной сфере, учитывая высокую долю бюджетной занятости в регионе³.

Наконец, в некоторых регионах наблюдался перевес в сторону женщин из-за оттока мужчин в другие страны, возможно возврат мигрантов в страны выхода (реиммиграция). Такая ситуация наблюдалась в Астраханской, Пензенской, Тамбовской, Кировской областях, Республике Хакасия. В Забайкальском и Пермском краях имела место эмиграция мужчин на Украину возможно также возвратная. В Карелии была развита эмиграция в соседнюю Финляндию⁴. Таковы были гендерные особенности международной миграции в России в 2017–2019 гг.

Наконец, рассмотрим итоговые гендерные дисбалансы в регионах России, просуммировав и сопоставив между собой дисбалансы D_p , накопленные в результате межрегиональной и международной миграций.

В большинстве регионов к возрасту 25–29 лет формируется перевес в сторону мужчин в результате процессов миграции (Рис. 4). Особенно заметно мужское преобладание в результате фактора международной миграции в регионах

Рисунок 4. Карта «Межрегиональная и международная миграции как факторы формирования гендерных дисбалансов в регионах России в 2017-2019 гг.»

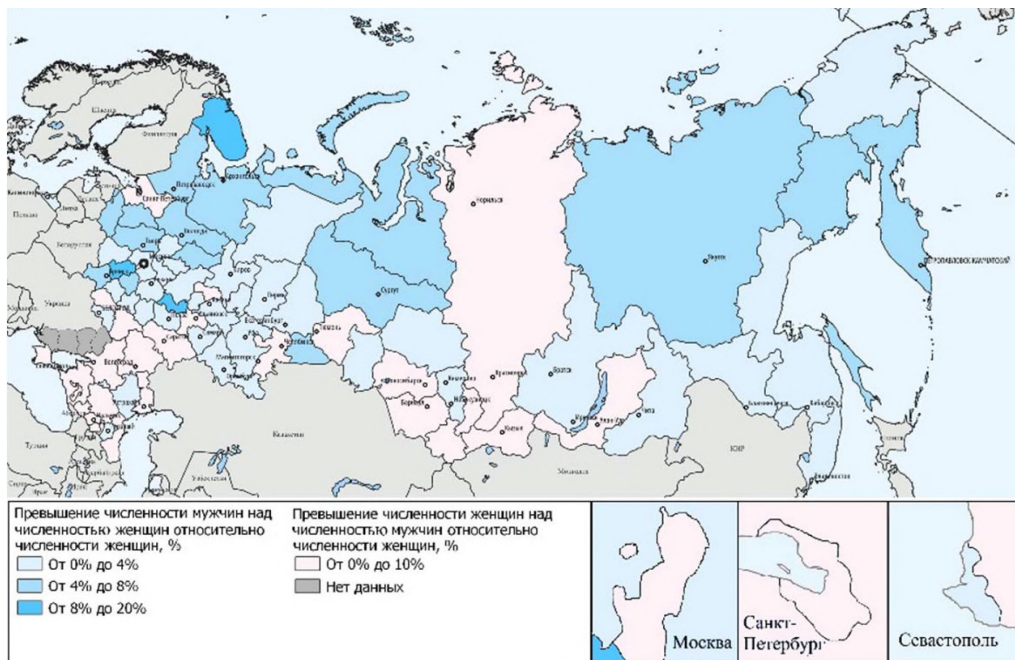
Источник: Росстат. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278004/> (дата обращения: 05.09.2023).

³ Там же.

⁴ Там же.

Дальнего Востока и Сибири. Причём, если для Красноярского края международная миграция сама по себе не была высокозначимой для формирования гендерного дисбаланса, то в сочетании с фактором оттока женщин в другие регионы России, численный перевес мужчин оказался уже значительным. В Европейской же России главным фактором, формирующим дисбаланс, является именно отток женщин, скорее всего в городские агломерации Санкт-Петербурга и Москвы. Полярная ситуация наблюдается в республиках Северного Кавказа: в западных республиках (Адыгее, Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии) статистически наблюдалось преобладание мужчин вследствие международной иммиграции, а в срединных и восточных – перевес женщин вследствие интенсивного оттока мужчин в другие регионы. Существенный отток мужчин в другие регионы наблюдался также в Воронежской области, Забайкальском крае, республиках Калмыкия, Тыва, а также в Ненецком, Чукотском автономных округах, Еврейской автономной области. Межрегиональный отток мужчин чаще всего сопровождается приездом мужчин из других стран. Можно констатировать, что главными процессами, формирующими гендерный дисбаланс для большинства регионов России в молодых возрастах, является процесс миграционного оттока женщин в столичные агломерации и миграционного притока мужчин - трудовых мигрантов из азиатских стран.

Рассмотрим результаты переписи населения 2020 г. в контексте гендерных дисбалансов в регионах (рис. 5).

Рисунок 5. Разница в численности мужчин и женщин в регионах России в возрастной группе 25-29 лет в 2020 году

Источник: Росстат. Данные Всероссийской переписи населения за 2020 год. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom2_tab2_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 05.09.2023).

На рис. 5 выделяются регионы повышенного преобладания мужчин: Калужская область, Республика Мордовия, Мурманская область. Из предыдущего анализа потоков миграции известно, что их дисбаланс (кроме Мурманской области) сформирован преимущественно за счёт иммиграции мужчин из Таджикистана. Аналогично преобладание мужчин на Дальнем Востоке связано главным образом с миграцией из Киргизии, а в Архангельской области и в Сибири – с миграцией из Таджикистана.

На рис. 5 заметно преобладание женщин в более южных регионах и преобладание мужчин в северных, распределение гендерного дисбаланса происходит по закону географической зональности, имеет субширотный характер. В южных регионах часто наблюдается повышенный уровень безработицы, низкий уровень оплаты труда, тогда как северные регионы зачастую ресурсно-сырьевые с повышенной оплатой труда. Холодный климат служит серьёзным фактором, «выталкивающим» женщин в эмиграцию, особенно в сочетании со снижением уровня доходов и деградацией социальной сферы. Если сравнить карты на рисунках 4 и 5 заметно, что на рис. 5 больше регионов с преобладанием женщин в южной полосе расселения. Большее преобладание женщин в южных регионах по результатам переписи населения может быть связано с тем, что в межрегиональной статистике учитывается лишь зарегистрированная миграция, тогда как перепись проводилась по фактическому местонахождению. Таким образом, многие мигранты могли не попасть в статистику миграции, но оказались отражены в переписи. Фактический отток мужчин из южных регионов, равно как и отток женщин из северных, может быть гораздо больше регистрируемых в статистике величин, что возможно и зафиксировала перепись. Дисбаланс север-юг может быть связан с вахтовой занятостью, когда вследствие низкой оплаты труда в регионах, мужчины вынуждены ехать работать на северную вахту, что негативно сказывается на состоянии семей [13]. Гендерный дисбаланс может быть исправлен путём создания высокооплачиваемых рабочих мест в южных регионах, развитием их экономики с одновременным развитием комфортной для женщин и детей социальной сферы в северных регионах. Для этого необходимо финансовые средства, ресурсно-сырьевую ренту, банковские капиталы направлять внутрь страны, вкладывая в экономику и социальную сферу её регионов.

Выводы. На формирование гендерных дисбалансов в регионах России главное влияние оказывает три демографических, миграционных процесса.

Одним из основных процессов, формирующим разницу в численности полов в регионах России в молодых возрастах, является миграционный отток женщин в столичные агломерации с высоким уровнем развития социальной сферы, высоким уровнем заработных плат. Высокая стоимость жилья в столичных агломерациях приводит к откладыванию женщинами вступления в брак, откладыванию рождения детей, снижению репродуктивных планов, что приводит к спаду рождаемости. Регионы же выбытия женщин (большинство регионов России) лишаются значительного числа потенциальных молодых матерей, ушедших в эмиграцию. Факторами, выталкивающими молодых женщин в эмиграцию из регионов своего проживания, являются бедность, низкий уровень заработных плат, низкий уровень развития социальной инфраструктуры, маргинализация, преступность в регионах, а также некомфортная для женщин социальная среда в части национальных республик. Эмиграция женщин происходит с самого раннего возраста, наибольшее значение она имеет для регионов Европейской России, Сибири и Юга Дальнего Востока.

Другим фактором, формирующим гендерный дисбаланс в регионах, является приезд трудовых мигрантов мужчин, в основном из Таджикистана и Киргизии. Особенно в сочетании с женской эмиграцией, мужская трудовая иммиграция

формирует гендерный дисбаланс в регионах Дальнего Востока и Сибири, в пристоличной Калужской области, в Республике Мордовия.

Третьим фактором, оказывающим влияние на соотношение численности полов в регионах, является эмиграция мужчин из южных регионов в более северные, ресурсные. Выталкивающим из южных регионов фактором является низкий уровень заработной платы, слабые возможности для трудоустройства. Северные же и восточные, ресурсные регионы, несмотря на высокий уровень заработных плат, по уровню развития социальной инфраструктуры, транспортной доступности зачастую не компенсируют особенности сурового климата и являются мало привлекательными, некомфортными для проживания семей с детьми (Ханты-Мансийский автономный округ, Сахалинская область). Наоборот, многие южные регионы, в т.ч. Республика Крым, Белгородская, Воронежская области, являясь привлекательными для семей с детьми, характеризовались эмиграцией в зрелых возрастах в связи с низкими заработными платами. Таким образом, низкие заработные платы в южных регионах и низкий уровень развития социальной сферы, инфраструктуры в северных приводят к вынужденной трудовой, вахтовой миграции с Юга на Север, что негативно сказывается на семьях вахтовиков, формируется гендерный дисбаланс как в регионах Юга, так и Севера. Для устранения диспропорций необходимо кратное повышение заработной платы в южных регионах и создание комфортной для проживания семей с детьми инфраструктуры в регионах Севера.

Для стран Ближнего Зарубежья характерны те же тенденции: миграция мужчин из Беларуси в пристоличную Смоленскую область, миграция женщин из Украины в Москву и Санкт-Петербург, трудовая миграция из стран Средней Азии в ресурсные регионы Сибири и Дальнего Востока по всей видимости с формированием противоположных гендерных дисбалансов в странах выхода. Данные миграционные процессы, влекущие гендерные диспропорции как в регионах приёма, так и в странах выхода, происходят по тем же причинам: бедность, низкая заработная плата в регионах проживания выталкивает мужчин на заработки в ресурсные и пристоличные регионы России, а женщин – в столичные агломерации. Необходимо устранение диспропорций через более справедливое распределение финансов в экономике, в том числе корпоративных и банковских. Инвестирование их в региональные отрасли хозяйства, в создание в регионах социальной сферы, комфортной для постоянного проживания семей с детьми.

Библиографический список

1. Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., Перемышлин С. Н. Гендерные аспекты трудовой миграции в России: тренды, последствия, регулирование // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 53–65. DOI [10.21064/WinRS.2019.4.5](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.4.5). EDN [HRVZXP](https://www.edn.ru/HRVZXP).
2. Рязанцев С. В., Сивоплясова С. Ю., Ростовская Т. К., Брушкова Л. А. Брачная эмиграция женщин из России: масштабы, причины // Женщина в российском обществе. 2018. № 4(89). С. 85–99. DOI [10.21064/WinRS.2018.4.8](https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.4.8). EDN [VORDFH](https://www.edn.ru/VORDFH).
3. Храмова М. Н., Рязанцев С. В. Факторы эмиграции из России в постсоветский период: региональные особенности // Экономика региона. 2018. Т. 14, № 4. С. 1298–1311. DOI [10.17059/2018-4-19](https://doi.org/10.17059/2018-4-19). EDN [YRQACD](https://www.edn.ru/YRQACD).
4. Рыбаковский О. Л., Мартыненко С. В. Гендерный аспект глобальной миграции // Социологические исследования. 2012. № 4(336). С. 35–41. EDN [OYSNHN](https://www.edn.ru/OYSNHN).
5. Роцин С. Ю., Зубаревич Н. В. Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в России в контексте целей развития тысячелетия. М. : Информационный центр ООН, 2005. 73 с. EDN [SUGGEE](https://www.edn.ru/SUGGEE).
6. Тюрюканова Е. В. Гендерные аспекты трудовой миграции из стран СНГ в Россию // Диаспоры. 2005. № 1. С. 48–64.
7. Семенова О. В., Бутовская М. Л. Теоретические и практические следствия дисбаланса в количестве мужского и женского населения в современной России. Влияние фактора соотношения полов в регионе на индивидуальный уровень материального

- благополучия // Социодинамика. 2020. № 3. С. 30–45. DOI [10.25136/2409-7144.2020.3.29974](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.3.29974). EDN [SBHYMP](https://www.edn.ru/SBHYMP).
8. Иммиграция как вызов национальной безопасности России / Под ред. М. В. Ремизова. М.: Институт национальной стратегии, 2014. URL: https://u.to/_2cnIA (дата обращения: 05.09.2023).
  9. Гендерное равенство, социальная защита и развитие сельских территорий. Будапешт : Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, 2016. URL: <https://u.to/wGgnIA> (дата обращения: 05.09.2023).
  10. Микрюков Н. Ю., Мирязов Т. Р., Смирнов О. О. Региональная проекция рождаемости в России: дифференциация, динамика, факторы // III Всерос. демогр. форум с междунар. уч.: Матер. форума (Москва, 03–04 декабря 2021 г.). М. : ФНИСЦ РАН, 2021. С. 62–66. DOI [10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.13](https://doi.org/10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.13). EDN [SIETOA](https://www.edn.ru/SIETOA).
  11. Безвербный В. А., Микрюков Н. Ю. Особенности межрегиональной миграции в Российской Федерации в 2017–2019 гг. // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2021. № 6. С. 45–65. DOI [10.26653/2076-4685-2021-6-05](https://doi.org/10.26653/2076-4685-2021-6-05). EDN [JNCGWP](https://www.edn.ru/JNCGWP).
  12. Рязанцев С., Письменная Е., Мирязов Т., Дудина О. Экспорт трудовых ресурсов из Кыргызстана: тенденции и последствия // Центральная Азия и Кавказ. 2019. Т. 22, № 1. С. 109–124. EDN [ANSHLN](https://www.edn.ru/ANSHLN).
  13. Кузнецова Г. Ю. Географическое исследование монопрофильных поселений России : дисс. ... канд. географ. наук : 25.00.24 / Кузнецова Галина Юрьевна. Москва, 2003. 260 с. EDN [NMJUFF](https://www.edn.ru/NMJUFF).

Поступила: 08.09.2023. Принята: 19.10.2023.

Сведения об авторе:

Микрюков Николай Юрьевич, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник отдела георурбанистики и пространственной демографии Института демографических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. ecoro@mail.ru

N. Yu. Mikryukov¹

¹ Institute for Demographic Research of FCTAS RAS
Moscow, Russia

INTERREGIONAL AND INTERNATIONAL MIGRATION AS FACTORS OF GENDER DISPARITIES IN THE REGIONS OF RUSSIA

Abstract. The subject of the study is the disproportion in the number of men and women at young ages in the regions of Russia. The aim of the study is to assess the impact of interregional and international migration on the formation of gender imbalances in the regions of Russia. As a hypothesis, it was assumed that the results of the analysis of migration statistics would coincide with the results presented in the 2020 census. The available statistical series of the inter-census period 2017-2019 were used for the study. The indicator of accumulated migration gender imbalance by the age of 29 was developed and applied and correlated with the population aged 25-29 years, maps were built based on the results obtained. It is noted that in most regions of Russia there is an emigration of women starting in very early childhood. Young women are actively moving out of poor regions, from regions with a low level of social development, mainly to metropolitan agglomerations of St. Petersburg and Moscow, moving to agglomerations with expensive housing entails postponing marriage, a drop in the birth rate, regions lose their reproductive potential. At the same time, there is a labor immigration of young men, mainly from the republics of Tajikistan and Kyrgyzstan, which, combined with the outflow of girls, creates a numerical male preponderance at young ages, especially in the resource-raw regions of the Far East and Siberia, in the coastal Kaluga region, in the Republic of Mordovia, which is confirmed by the 2020 census data. At the age of 25-29, there are departures of men from southern regions to more northern ones for forced work with separation from families, which negatively affects family life and

demographic development. Income equalization is necessary to eliminate gender imbalances, correct negative demographic trends, increase fertility, and strengthen family ties. Financial resources, including resource and raw material rents, and bank capital should be used to raise wages, to recreate traditional industries in the southern regions and countries; and to create a high level of social infrastructure comfortable for families with children in the regions of the North. The results of the study can be applied in regional and international politics to develop government decisions involving large businesses to invest in countries and regions. The conduct of future gender studies by country and region will be closely linked to the quality and availability of statistical material on this topic.

Keywords: gender inequality, regions of Russia, migration, gender, demography, women in Russia

For citation: Mikryukov N. Yu. Interregional and international migration as factors of gender disparities in the regions of Russia. *Science. Culture. Society*. 2023;29(4):65–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.6>

References

1. Ryazantsev S. V., Rostovskaya T. K., Peremyshlin S. N. Gender aspects of labor migration in Russia: trends, implications, regulation. *Woman in Russian Society*. 2019;(4):53–65. (In Russ.). DOI [10.21064/WinRS.2019.4.5](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.4.5).
2. Ryazantsev S. V., Sivoplyasova S. Yu., Rostovskaya T. K., Brushkova L. A. Marriage emigration of women from Russia: scale, reasons, features. *Woman in Russian Society*. 2018;(4):85–99. (In Russ.). DOI [10.21064/WinRS.2018.4.8](https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.4.8).
3. Khramova M. N., Ryazantsev S. V. Factors of Emigration from Russia: Regional Features. *Ekonomika regiona*, 2018;14(4):1298–1311. (In Russ.). DOI [10.17059/2018-4-19](https://doi.org/10.17059/2018-4-19).
4. Rybakovsky O. L., Martynenko S. V. Gender aspect of global migrations. *Sociological Studies*. 2012;(4):35–41. (In Russ.).
5. Roshchin S. Y., Zubarevich N. V. Gender Equality and Women's Empowerment in Russia in the Context of the Millennium Development Goals. Moscow: UN Information Center; 2005. 73 с. (In Russ.).
6. Tyuryukanova E. V. Gender aspects of labor migration from CIS countries to Russia. *Diasporas*. 2005;(1):48–64 (In Russ.).
7. Semenova O. V., Butovskaya M. L. Theoretical and practical consequences of imbalance in the coefficient of male and female population in modern Russia: impact of the factor of ratio of genders in the region upon individual level of financial wellbeing. *Sociodynamics*. 2020;(3):30–45. (In Russ.). DOI [10.25136/2409-7144.2020.3.29974](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.3.29974).
8. Remizov M. V. (ed) Immigration as a challenge to Russia's national security. Moscow: Institute of National Strategy; 2014. (In Russ.). Available at: https://u.to/_2cnIA (accessed: 05.09.2023).
9. Gender Equality, Social Protection and Rural Development. Budapest: Food and Agriculture Organization of the United Nations; 2016. (In Russ.). Available at: <https://u.to/wGgnIA> (accessed: 05.09.2023).
10. Mikryukov N. Yu., Miryazov T. R., Smirnov O. O. Regional projection of birth rate in Russia: differentiation, dynamics, factors. In: III All-Russ. Demogr. forum with intern. part.: mater. of forum. Moscow: FNISC RAS; 2021. P. 62–66. (In Russ.). DOI [10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.13](https://doi.org/10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.13).
11. Bezverbny V. A., Mikryukov N. Yu. Features of inter-regional migration in the Russian Federation in 2017–2019. *Scientific review. Series 2. Human sciences*. 2021;(6):45–65. (In Russ.). DOI [10.26653/2076-4685-2021-6-05](https://doi.org/10.26653/2076-4685-2021-6-05).
12. Ryazantsev S., Pismennaya E., Miryazov T., Dudina O. Export of labor resources from Kyrgyzstan: Tendencies and consequences. *Central Asia and the Caucasus*. 2019;22(1):109–124. (In Russ.).
13. Kuznetsova G. Yu. Geographical study of single-industry settlements in Russia. Candidate Degree Thesis. Moscow; 2003. 260 p. (In Russ.).

Received: 08.09.2023. Accepted: 19.10.2023.

Information about the author:

Nikolay Y. Mikryukov, Leading Researcher of the Department of Geo-Urbanistic and Spatial Demography, Institute of Demographic Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.
ecoro@mail.ru

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.4.7](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.7)
EDN [LLKAGU](https://edn.llkagu.ru)
УДК 328.1; 329.1

Б. П. Гуселетов^{1,2}

¹ Институт Европы РАН

² Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Россия

ИТОГИ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В ФИНЛЯНДИИ И ИХ ВОЗМОЖНОЕ ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКО-ФИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются итоги очередных парламентских выборов в Финляндии, которые прошли 2 апреля 2023 г. Проведена оценка деятельности основных политических партий за прошедший после предыдущих выборов период и рассмотрены ключевые позиции избирательных кампаний партий, которые прошли в парламент в 2023 году. С целью выявления динамики изменений политической ситуации автором проведён сравнительный анализ результатов ведущих политических партий Финляндии на выборах 2019 и 2023 гг., а также дана характеристика партий, которые были представлены в парламенте в период с 2019 по 2023 годы. Автор рассматривает итоги деятельности сформированного в декабре 2019 г. правительства во главе с лидером социал-демократической партии С. Марин, возможные причины сохранения высокого рейтинга главы этого правительства среди населения и его влияние на ход избирательной кампании 2023 года.

Отдельное внимание уделено позиции руководства Финляндии и ведущих политических партий в отношении специальной военной операции России на Украине. Поддержка Финляндией антироссийских мер и вступление в НАТО разрушило многолетние торгово-экономические связи между странами. Прогноз на дальнейшее развитие российско-финских взаимоотношений нельзя назвать оптимистичным: взаимное охлаждение последних лет, скорее всего, будет продолжаться. Шанс на выстраивание новых связей между Россией и Финляндией имеется, но требует приложения определённых усилий, встречных шагов от обеих стран.

Ключевые слова: выборы, Финляндия, парламент Финляндии, Санна Марин, Петтери Оппо, Россия, российско-финские отношения

Для цитирования: Гуселетов Б. П. Итоги парламентских выборов в Финляндии и их возможное влияние на российско-финские отношения // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 4. С. 85–96. DOI [10.19181/nko.2023.29.4.7](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.7). EDN [LLKAGU](https://edn.llkagu.ru)

Введение. 2 апреля 2023 года в Финляндии состоялись очередные парламентские выборы, на которых были избраны 200 членов однопалатного парламента (Эдускунта/Риксдаг) этой страны.

В постсоветский период Финляндия, долгие годы сохранявшая хорошие политические и экономические связи с Советским Союзом, старалась продолжить сотрудничество уже с Россией в торгово-экономической и политической областях. Отношения поменяли вектор в 2014 году, после присоединения Крыма к России, когда Финляндия публично осудила действия России и присоединилась к санкционным мерам против неё. Дальнейшие события – реакция на начало специальной военной операции России на Украине (СВО), и последу-

ющее вступление 4 апреля 2023 года Финляндии в НАТО, – подтвердили разрушение конструктивного сотрудничества стран. Однако, за предшествующие разрыву взаимоотношений годы в Финляндии заметно возросла численность русскоязычной диаспоры [1], которая, по некоторым оценкам, составляет около 1,5% населения Финляндии (более 84 тыс. человек)¹. Это делает значимым для российского научного и экспертного сообщества как разбор итогов деятельности прошлого правительства Финляндии, так и анализ возможного влияния результатов парламентских выборов 2023 года на политическую ситуацию внутри страны и во взаимоотношениях с Россией.

По итогам предыдущих парламентских выборов 14 апреля 2019 года, на которых победу одержала социал-демократическая партия Финляндии (СДПФ), бывший на тот момент её лидером Антти Ринне сформировал правительство, в которое, помимо его партии, вошли Финляндский центр (ФЦ), Зелёный союз (ЗС), Левый союз (ЛС) и Шведская народная партия (ШНП). Однако в конце 2019 года эта коалиция распалась после обнародования факта сокрытия министром по делам местного самоуправления и реформ Сирпой Паатеро (СДПФ) от депутатов сведений о планах почтовой службы изменить статус многих из её агентов, что усилило социально-экономическую нестабильности. В декабре 2019 года ушедшего в отставку Ринне сменила министр транспорта и коммуникаций Санна Марин (СДПФ), которая стала и новым лидером партии. В свои 34 года она стала самым молодым премьер-министром в истории Финляндии.

В Правительстве С. Марин, состоявшем из 19 членов, было 12 женщин. Кроме того, 4 партии, входящие в правящую коалицию – СДПФ, ЗС, ЛС и ШНП, – возглавляли женщины, всем им на тот момент было менее 40 лет [2].

Партийно-политическая система Финляндии. Парламент Финляндии однопалатный, состоит из 200 членов, избираемых на четыре года по пропорциональной избирательной системе. Депутаты Эдускунды избираются каждые 4 года в 12 избирательных округах (плюс Аландские острова²), включающих от 7 до 36 представителей в зависимости от численности населения за полгода до выборов (за исключением Аландских островов, которые избирают только 1 депутата). Право участия в выборах имеют все граждане от 18 лет. Распределение мандатов осуществляется по партийным спискам по методу Д'Ондта [3].

Особенностью избирательной системы Финляндии является отсутствие избирательного порога, преодоление которого необходимо для попадания в парламент. Это связано с тем, что его наличие затруднило бы, например, Шведской народной партии, представляющей шведскоговорящее меньшинство, иметь собственное парламентское представительство.

Кандидаты для участия в выборах выдвигаются политическими партиями или объединениями избирателей. Чтобы принять в них участие, партия должна собрать подписи не менее 5000 граждан. Объединения избирателей, намеренные участвовать в выборах, должны включать как минимум 100 членов.

Отметим, что в предыдущем составе Эдускунты женщины составляли 47% от общего числа депутатов и по этому показателю Финляндия занимает первое место в Европе [4].

¹ Ермолаева Н. Русскоязычные остаются самой большой иностранной группой в Финляндии // Российская газета. URL: <https://u.to/GeQkIA> (дата обращения: 11.06.2023).

² Аландские острова – архипелаг между Финляндией и Швецией с населением 25 000 человек, говорящих на шведском языке. С 12 октября 1951 г. пользуются особым административным статусом свободно ассоциированного государства.

Итак, по итогам предыдущих парламентских выборов, прошедших 14 апреля 2019 г. в Эдускунте были представлены девять ведущих политических партий:

- ✓ **Социал-демократическая партия (СДПФ)** – левоцентристская партия, основана в 1899 г. как Рабочая партия, возглавляется уходящим премьер-министром С. Марин. Является членом «Партии европейских социалистов» [5, с. 37]. Имела 40 депутатов;
- ✓ **Партия финнов (ПФ)** – популистская националистическая и евроскептическая партия, возникла в 1995 г. после отделения от Сельской партии. С августа 2021 г. её возглавляет депутат парламента Рикка Пурра. Член партии «Европейских консерваторов и реформистов» [5, с. 65]. Имела 39 депутатов;
- ✓ **Национальная коалиционная партия (НКП)** – правоцентристская партия, основана в 1918 году. Партию возглавляет П. Орпо. Входит в состав «Европейской народной партии» (ЕНП) [5, с. 28], насчитывала 38 депутатов;
- ✓ **Финляндский центр (ФЦ)** – либеральная партия, преемница Аграрной и либеральной партии, основанной в 1906 г. Возглавляемая уходящей в отставку министром финансов А. Саарикко, партия имела 31 депутата;
- ✓ **Зелёный союз (ЗС)** – первая европейская экологическая партия, получившая министерство (в 1995 г.) создана в 1987 г.. Во главе партии стоит М. Охисало, уходящий в отставку министром внутренних дел. Является членом «Европейской партии зелёных» [5, с. 56], насчитывала в своём составе 20 депутатов;
- ✓ **Левый союз (ЛС)** – леворадикальная социалистическая партия, созданная в 1990 году на основе Народно-демократической лиги (НДЛ), Женской демократической лиги (ЖДЛ) и Компартии (КП). Её возглавляет уходящая в отставку министр образования Л. Андерссон. Является членом «Партии европейских левых» [5, с. 74], имела 16 мест;
- ✓ **Шведская народная партия (ШНП)** – либеральная партия, созданная в 1906 г. и представляющая интересы шведскоязычного меньшинства. Лидером является уходящая в отставку министр юстиции Анна-Майа Хенриксон. Входит в состав европартии «Альянс либералов и демократов за Европу» [5, с. 47], имела 9 депутатов;
- ✓ **Христианско-демократическая партия (ХДП)** – основана в 1958 г., возглавляется депутатом парламента Сари Эссайя. Партия является членом ЕНП, имела 5 депутатов;
- ✓ **Движение сейчас (ДС)** – либеральная партия, основанная в 2018 г. после раскола в НКП. Её лидер, бизнесмен и член парламента Гарри Юхани Хьяллис Харкимо в прошлом был членом НКП. Имела одно депутатское место.

Финляндия является парламентской республикой, но в стране существует пост Президента страны, который избирается раз в 6 лет на всенародных выборах и без права занимать этот пост более чем два срока. Полномочия президента определены в Конституции Финляндии, а также в ряде законов. Согласно Конституции, исполнительная власть разделена между президентом и правительством. Изначально президент был наделён широкими полномочиями в сфере исполнительной власти, особенно во внешней политике [6]. Но согласно конституционным поправкам, принятым в 1999 г., его полномочия были сокращены, теперь президент делит их с премьер-министром. По традиции Президент Финляндии считается источником стабильности и порядка в стране. Обычно на время исполнения своих полномочий Президент приостанавливает членство

в какой-либо партии.

Нынешний Президент Финляндии Саули Нийнистё был избран в 2012 г. До этого он был лидером НКП (1994–2001), министром юстиции (1995–1996) и финансов (1996–2003), вице-премьером правительства (1995–2001) и спикером парламента (2007–2011). С 2003 по 2007 гг. он работал заместителем председателя совета директоров Европейского инвестиционного банка. В 2006 г. проиграл на президентских выборах представительнице СДПФ Т. Халлонен, первой женщине, избранной президентом Финляндии.

Став президентом, С. Нийнистё уже 20–22 июня 2012 г. посетил Россию для участия в XVI Санкт-Петербургском международном экономическом форуме. Там он встретился с президентом РФ В. Путиным для обсуждения перспектив развития двустороннего сотрудничества в Арктике, отношений России с Евро-союзом и ситуации в мировой экономике. Всего в период с 2012 по 2016 годы С. Нийнистё побывал в России семь раз³.

С конца 2021 г. Нийнистё трижды лично встречался с Путиным и заявлял, что готов продолжать это общение, если оно приведёт к каким-либо результатам. В то же время, именно его называли инициатором вступления Финляндии и Швеции в НАТО⁴.

Социально-экономическая ситуация в Финляндии накануне выборов. Финляндия в последние годы столкнулась с рядом социально-экономических проблем, основными из которых являются рост цен на энергоносители, инфляция, рост насилия среди молодёжи, зачастую объединяющейся в банды.

Быстрый рост занятости и потребления привёл к увеличению налоговых поступлений и укреплению государственных финансов в 2021 и 2022 годах. Однако рост инфляции и нехватка энергоносителей привели к замедлению экономического роста в Еврозоне, включая и Финляндию. Рост цен и зарплат привёл к ужесточению денежно-кредитной политики и повышению процентных ставок, что сказалось на сокращении экономического роста в Финляндии и снижению конкурентоспособности её экономики. По мере начавшегося замедления экономического роста дефицит государственного бюджета в целом и коэффициент задолженности снова начали расти. Значительная доля бюджетных средств была выделена правительством на масштабные меры поддержки, связанные со старением населения. Кроме того, постоянно росли расходы на обслуживание государственного долга из-за роста процентных ставок, которые приходилось покрывать за счёт других статей бюджета, что естественно вело к сокращению и без того ограниченных государственных финансовых резервов. В результате структурный дисбаланс между доходами и расходами государственного сектора составил примерно в 3,0% ВВП.

Перспективы отказа от ископаемого топлива, поставляемого до начала 2022 года в основном из России, за счёт увеличения «зелёных» инвестиционных проектов в энергетическом секторе оказались туманными из-за недостатка инвестиций.

Наиболее серьёзные риски дальнейшего ослабления экономики Финляндии были связаны с началом СВО, сопутствующим ей санкционным противостоянием между Россией и Западом, а также последствиями пандемии COVID-19,

³ Визиты президента Финляндии Саули Нийнистё в Россию // ИТАР-ТАСС. 22.03.2016. URL: https://u.to/c_8kIA (дата обращения 15.06.2023).

⁴ Воршилов Д. Президент Финляндии назвал условие для новых разговоров с Путиным // РБК. 10.03.2023. URL: https://u.to/1_8kIA (дата обращения 15.06.2023).

также приведшей к увеличению государственных расходов. При этом, согласно прогнозам Министерства финансов страны, темпы роста экспорта в 2023 году приблизятся к темпам роста на мировых рынках, даже если компании не смогут найти полноценную замену экспорту в Россию. Инвестиционные перспективы финской обрабатывающей промышленности после завершения пандемии COVID-19 были весьма обнадеживающими, но бюджетный дисбаланс может помешать реализации ряда инвестиционных проектов. В этой ситуации важную роль может сыграть финансирование из Фонда восстановления и жизнестойкости ЕС, которое приведёт к увеличению частных инвестиций в отрасль⁵.

В конце 2022 – начале 2023 года в правительственной коалиции возникла напряжённость из-за разногласий между ФЦ и ЗС, первая из которых отказалась поддержать представленный Еврокомиссией Закон о восстановлении природы. Закон требует от государств – членов ЕС активного участия в процессе восстановления лесов, водно-болотных угодий и других деградировавших морских и наземных ландшафтов, повреждённых или уничтоженных в результате человеческого воздействия, так как они обеспечивают биоразнообразие, необходимое для нормального развития природы.

Как уже отмечалось, серьёзное влияние на внутреннюю ситуацию в стране оказала специальная военная операция. Финляндия, которая имеет с Россией границу протяжённостью 1340 км, заняла антироссийскую позицию и стала поставлять оружие украинцам. Руководство страны объявило, что намерено в ближайшее время установить на границе с Россией забор⁶.

Практически все партии, участвовавшие в выборах, в своих программах отмечали необходимость поддержки Украины, осуждения действий России, укрепления национальных сил обороны и вступления в НАТО. Фактически СВО положила конец 50-летнему нейтралитету Финляндии и 30-летнему периоду её участия в движении неприсоединения. 18 мая 2022 г. руководство страны подало заявку на вступление в Североатлантический договор и уже на саммите НАТО, состоявшемся 29-30 июня 2022 года в Мадриде, Финляндия и – ещё одна ранее нейтральная страна – Швеция были приглашены присоединиться к этой организации⁷. 1 марта 2023 года финский парламент одобрил вступление Финляндии в НАТО 184 голосами за и лишь 7 голосами против.

Ход избирательной кампании и позиции ведущих партий. Согласно опросу общественного мнения, проведённому в начале марта институтом Taloustutkimus, партия ПНК во главе с П. Орпо должна занять по итогам выборов первое место, набрав 20,8% голосов. СДПФ во главе с С. Марин могла рассчитывать на 19,9% голосов, а Партия финнов, возглавляемая Р. Пурра, – 19%. Партия ФЦ, в списке которой на первом месте была А. Саарикко, могла бы набрать 9,5%; ЛС во главе с Л. Андерссоном – 9%; ЗС возглавляемая М. Охисало – 8,9%; ШНП А.-М. Хенрикссон – 4,4%, ХДП во главе с С. Эссайя – 3,6% и, наконец, ДС Х. Харкимо – 1,5% голосов⁸.

СДПФ надеялась в ходе избирательной кампании по максимуму воспользоваться статусом С. Марин как наиболее популярного политика среди соотече-

⁵ Moderate outlook for economic growth // Ministry of Finance. 19.09.2022. URL: <https://goo.su/BEACY> (accessed: 15.06.2023).

⁶ В Финляндии объяснили, зачем нужен забор на границе с Россией // РБК. 21.05.2023. URL: <https://u.to/E-4kIA> (дата обращения: 15.06.2023).

⁷ Erlanger S., Shear M. D. NATO formally invites Finland and Sweden to join the alliance // The New York Times. 29.06.2022. URL: <https://u.to/SP0kIA> (accessed: 15.06.2023).

⁸ Opinion polling for the 2023 Finnish parliamentary election // Wikipedia. URL: <https://u.to/yAMIA> (accessed: 15.06.2023).

ственников. Благодаря этому остальные партии предпочли избегать слишком резкой критики в её адрес. Сама Марин постоянно повторяла, что только победа СДПФ позволит избежать формирования коалиционного правительства правого толка. Правых она обвиняла в том, что предлагаемая ими альтернатива сделает несчастной жизнь финнов, в частности, из-за сокращения социальных услуг и поддержки беднейших слоёв населения. А партию ПФ Марин прямо обвинила в расизме, рекомендовав всем отказаться от любого возможного сотрудничества с ней.

Социал-демократы заявили, что в случае победы на выборах не позволят сократить социальные программы и намерены укрепить экономику страны за счёт увеличения занятости до 80% к 2027 г., чтобы по этому показателю Финляндия наконец достигла уровня своих северных соседей.

Основная оппозиционная партия НКП выступила с резкой критикой СДПФ, заявив, что ставка социал-демократов одновременно и на обеспечение экономического роста, и на повышение налогов недостижима, а также отметив, что государство всеобщего благосостояния, за построение которого так ратует СДПФ, при правительстве С. Марин деградировало из-за роста государственного долга. НКП выступила против любого повышения налогов до следующих выборов 2027 года. По мнению Орпо основным приоритетом его партии будет сокращение бюджетного дефицита, стимулирование экономического роста, в том числе за счёт строительства большего количества атомных станций, сокращения расходов на пособия по безработице и жилищные дотации, а также укрепление сотрудничества Финляндии с НАТО. Он пообещал, что к 2030 г. половина молодых людей сможет получить высшее образование, и уровень занятости достигнет 80% от всего активного населения. При этом Орпо отметил, что его партия не планирует формировать правительственную коалицию с ПФ.

Партия финнов позиционировала себе как антиэлитная и евроскептическая, выступала против любого укрепления Евросоюза, назвала своим приоритетом сокращение иммиграции из стран, не входящих в ЕС, и настаивала на развитии национальной финской культуры и укреплении суверенитета страны. Лидеры ПФ объявили своим главным приоритетом дальнейшее расширение сферы государственных услуг и отказались от любых сокращений социальных гарантий. Лидер партии Р. Пурра заявила, что главной целью государства должно быть обеспечение безопасности его граждан, а также предложила отложить переход страны на углеродную нейтральность до 2050 г.

Партия ФЦ назвала своей основной задачей оздоровление финансовой системы страны, сокращение госдолга, который достиг €144 млрд, или €26 000 вперсчёте на душу населения, чтобы сбалансировать бюджет Финляндии. Бывшая министр финансов и лидер ФЦ А. Саарикко постоянно заявляла, что правительству придётся в течение следующих 4 лет занять не менее €10 млрд только для того, чтобы выплатить проценты по текущему долгу. При этом она предположила, что последующие 4 года он может вырасти ещё на €4 млрд. Лидеры ФЦ предложили реформировать систему жилищных пособий, за счёт её деиндексации из-за роста цен, увеличить на 150 000 численность занятых, усилить поддержку регионов и добиться того, чтобы к 2030 г. 50% граждан страны в каждой возрастной группе имели высшее образование.

Избирательная кампания партии ЗС сосредоточилась на необходимости расширения услуг, направленных на поддержку психического здоровья граждан, и введение всеобщего базового дохода.

По мнению большинства экспертов, основными темами избирательной кампании 2023 года стали: экономика, изменения климата, образование и социаль-

ная поддержка, а сами выборы превратились в принципиальное соперничество между НКП, ПФ и СДПФ⁹. При этом необходимо отметить, что в этот раз в финском обществе отсутствовала какая-либо реальная проблема, которая могла бы его радикально расколоть, поэтому многие избиратели в своём выборе руководствовались не столько содержанием предвыборных программ этих партий, сколько качеством их агитации, традиционными идейно-политическими предпочтениями и личной привлекательностью ведущих кандидатов.

Итоги выборов и перспективы формирования нового коалиционного правительства. Итоговые результаты выборов во многом соответствовали представленным выше предвыборным прогнозам (см. табл. 1).

Таблица 1

Результаты парламентских выборов Финляндии за 2019 и 2023 годы¹⁰

Политическая партия	Число полученных голосов, %		Число депутатских мандатов	
	2019	2023	2019	2023
НКП	523,957 (17,00%)	644,555 (20,82%)	38	48
Финны	538,805 (17,48%)	620,981 (20,05%)	39	46
СДПФ	546,471 (17,73%)	617,552 (19,93%)	40	43
ФЦ	423,920 (13,76%)	349,640 (11,30%)	31	23
ЗС	354,194 (11,49%)	217,795 (7,06%)	20	13
ЛС	251,808 (8,17%)	218,430 (7,03%)	16	11
ШНП	139,640 (4,53%)	133,518 (4,31%)	9	9
ХДП	120,144 (3,90%)	130,694 (4,25%)	5	5
ДС	69,427 (2,25%)	74,995 (2,80%)	1	1

Как и ожидалось победу одержала Национальная коалиционная партия, получившая 20,82% голосов (на 3,82% больше, чем на предыдущих выборах) и располагающая в новом парламенте 48 депутатскими мандатами (на 10 больше). Второе место с минимальным отставанием от лидера заняла Партия финнов – 20,05% голосов (+2,57%), у которой будет 46 депутатов (+7), на третьем месте также с небольшим отрывом расположилась Социал-демократическая партия – 19,93% (+2,2%) и 43 депутатских мандата (+3). Впервые с 1954 г. три партии, занявшие первые места по результатам голосования, не потеряли депутатские места в парламенте.

Следующие три партии следуют со значительным отрывом: партия ФЦ получила лишь 11,30% голосов (-2,46%) и получит всего 23 депутатских мандата (-8), ЗС – 7,06% (-4,43%) и 13 депутатов (-7), ЛС – 7,03% (-1,14%) и 11 депутатов (-5).

Три партии, занявшие на этих выборах последние места, смогли лишь сохранить на том же уровне своё скромное представительство в парламенте: ШНП – 4,31% голосов (-0,28%) и 9 депутатских мандатов (0), ХДП – 4,25% голосов (+0,41%) и 5 депутатов (0) и ДС – 2,8% голосов (+0,55%) и 1 депутатское место (0).

⁹ Finland's young leader is popular but faces a tough re-election fight // NBC News. 02.04.2023. URL: <https://u.to/IgUIIA> (accessed: 15.06.2023).

¹⁰ Parliamentary Elections 2023: Results. 15.05.2023. URL: <https://u.to/tAgIIA>; Parliamentary Elections 2019: Results. 23.09.2020. URL: <https://u.to/7AgIIA> (accessed: 25.06.2023).

Явка на этих выборах составила 71,90%, что на 0,3% больше, чем в 2019 г.

После подведения итогов выборов, лидер СДПФ С. Марин заявила, что уходит в отставку со своего поста, но остаётся депутатом парламента. 53-летний лидер НКП П. Орпо заявил о готовности сформировать новое коалиционное правительство. Петтери Орпо родился в 1969 г. в сельской местности на юго-западе Финляндии, окончил политологический факультет Университета Турку. В 2002 году начал работать советником министра внутренних дел В. Итяля (НКП); в 2003 году занял пост зам. секретаря НКП; в 2007 г. избран депутатом парламента; в 2021 году занял пост председателя парламентской группы. В 2014 году П. Орпо стал министром сельского и лесного хозяйства в правительстве А. Стубба (НКП); в 2015 – назначен министром внутренних дел, а в 2016 г. – министром финансов в правительстве Ю. Сипиля. 11 июня 2016 г. на съезде НКП он был избран председателем партии, опередив действующего на тот момент лидера А. Стубба: 441 голоса «за» при 361 «против».

Не исключено, что переговоры о создании коалиционного правительства могут затянуться. Для формирования правительства, пользующегося поддержкой большинства депутатов парламента, НКП необходимо наладить сотрудничество либо с СДПФ, либо с Партией финнов. Обе партии высказали готовность к переговорам с НКП, исключив при этом возможность их одновременного вхождения в новое правительство. Уход С. Марин с поста председателя СДПФ, по мнению ряда политиков и экспертов, облегчит возможность создания такой коалиции, т.к. её отношения с П. Орпо осложнены четырьмя годами конфронтаций [7]. И всё же наиболее вероятными партнёрами по коалиции остаётся ПФ, хотя у НКП есть с ней существенные разногласия по вопросам климата, иммиграция и отношений с ЕС, а также ШНП, которая традиционно участвует почти во всех правительствах, и, возможно, ХДП. Отвечая на вопрос одного из журналистов, не смущает ли его возможное участие в новом правительстве националистов из ПФ, Орпо заявил, что никакой «крайне правой партии на последних выборах не было»¹¹. Эти слова были восприняты в Финляндии как прямой намёк на возможное участие ПФ в новом правительстве.

Лидер ШНП А.-М. Хенриксон заявила, что не исключает возможность присоединения к коалиции, даже если в ней примет участие ПФ, но отметила при этом, что выступает против политики и ценностей последней. Лидер ХДП С. Эссаяя также подтвердила готовность присоединиться к коалиции во главе с НКП при условии, что новое правительство решится на проведение серьёзных реформ рынка труда и системы социального обеспечения. Партии ФЦ, ЗС и ЛС, потерпевшие на этих выборах существенное поражение, скорее всего, предпочтут уйти в оппозицию.

2 мая 2023 года на сайте финского правительства появилась информация о приглашении к переговорам по формированию нового правительства партий ПФ, ШНП и ХДП¹².

Влияние итогов выборов на российско-финские отношения. После распада СССР торгово-экономические отношения между Россией и Финляндией сперва развивались по восходящей линии. 20 января 1992 года был заключён действующий по настоящее время Договор между Российской Федерацией и Финляндией

¹¹ Soave I. Elezioni in Finlandia, Sanna Marin ammette la sconfitta. Vince il centrodestra, boom sovranista // Corriere della Sera. 02.04.2023. URL: <https://u.to/SBEIIA> (accessed: 15.06.2023).

¹² Government formation talks 2023 // Finnish Government. URL: <https://goo.su/L2Dj> (accessed: 25.06.2023).

об основах отношений; 25 февраля 2014 года в Хельсинки глава «Росатома» С. Кириенко и министр экономики Финляндии Я. Вапаавуори подписали межправительственное соглашение в области ядерной энергетики¹³. К 2013 году Россия стала крупнейшим торгово-экономическим партнёром Финляндии, заняв первое место по объёму товарооборота, в первую очередь за счёт поставок в эту страну природного газа и других энергоресурсов. При этом и Финляндия стала одним из ключевых партнёров России, например, в 2012 году товарооборот между двумя странами вырос на 6,5%, а в 2013 году ещё 10% и практически достиг \$19 млрд.

Но уже в 2014 году Финляндия присоединилась к экономическим и политическим санкциям, введённым Евросоюзом в отношении России в связи с событиями в Крыму и на востоке Украины. Позднее Россия ввела ответные санкции, оказавшие весьма негативное влияние на финскую экономику. Результатом этого санкционного противостояния стало резкое сокращение объёмов торговли: в январе 2015 года, по сравнению с январём 2014 года, экспорт Финляндии в Россию упал на 43%, а импорт из России в Финляндию – на 36%. Как подытожил по итогам августовской встречи с президентом Финляндии С. Нийнистё президент РФ В. Путин, в результате санкционной войны «под угрозой оказался весь комплекс российско-финских торгово-инвестиционных связей»¹⁴.

Тем не менее, диалог между представителями двух стран продолжался. 9 декабря 2016 года состоялась встреча премьер-министров России Д. Медведева и Финляндии Ю. Сипиля, обсудивших возможность расширения российско-финляндского экономического сотрудничества. В июле 2017 года, в преддверии 100-летия государственного суверенитета Финляндии, страну посетил В. Путин, обсудив на встрече с С. Нийнистё вопросы экономики и безопасности. К этому моменту объёмы торговли и взаимного турпотока снова возросли: с января по май 2017 года товарооборот вырос на 50%, достигнув отметки \$4,8 млрд, в первую очередь, за счёт увеличения российского экспорта энергоносителей и металлических труб. Взаимный туристический поток в 2016 году достиг 8,8 млн человек. Россия начала строительство в Финляндии АЭС «Ханхикиви», общая стоимость, которой составляет €5 млрд.

Однако после начала специальной военной операции в феврале 2022 года, отношения между Россией и Финляндией вновь резко ухудшились. 18 мая 2022 года Финляндия подала заявку на вступление в НАТО, а также приняла решение радикально сократить энергетическую зависимость от РФ. В результате, если в 2021 году товарооборот между странами вырос на 32,18% и достиг \$13,22 млрд, то в сентябре 2022 года экспорт финских товаров в Россию сократился до €80 млн, то есть на 76% в годовом выражении. С осени 2022 года МИД Финляндии в два раза сократил ежесуточное число заявок на визы, принимаемых от россиян, вскоре Финляндия поддержала приостановку действия соглашения об упрощении визового режима с Россией. Через некоторое время россиянам полностью был запрещён въезд в Финляндию по шенгенским визам и отменён облегчённый порядок получения виз для владельцев недвижимости из России¹⁵.

В настоящий момент основа ещё недавно взаимовыгодного сотрудничества между Россией и Финляндией полностью разрушена усилиями финской сто-

¹³ Россия и Финляндия подписали новое соглашение в области использования атомной энергии // ИТАР-ТАСС. 24.02.2014. URL: <https://u.to/qxglIA> (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁴ Заявления для прессы по итогам встречи с Президентом Финляндии Саули Нийнистё // Официальный сайт президента России. 15.08.2014. URL: <https://u.to/TBklIA> (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁵ Финляндия ограничит въезд россиянам // РИА Новости. 23.09.2022. URL: <https://u.to/uxklIA> (дата обращения: 15.06.2023).

роны, комментируют представители посольства в Хельсинки. Подтверждением этого стали данные Банка Финляндии о том, что месячный объем экспорта и импорта товаров между странами упал до минимумов 1990-х годов ниже €150 млн, хотя в начале 2022 г. российский импорт в Финляндию составлял €1 млрд. В феврале 2023 года фондовая биржа Хельсинки сообщила, что убытки финских компаний, ушедших с российского рынка, превысили €4 млрд. Производитель шин Nokian Tyres потерял в РФ €300 млн; балансовая стоимость российских активов энергетической фирмы Fortum (7 теплоэлектростанций в Западной Сибири и на Урале и ряд ветряных и солнечных электростанций) в конце 2022 года достигла €1,7 млрд, убытки строительного концерна YIT оцениваются в €440 млн и т.д.

Пострадала и финская нефтеперерабатывающая промышленность, которая до начала 2022 года на 84% зависела от импорта российской нефти марки Urals, приобретаемой по цене \$69 за баррель. Сейчас 65% всех поставок нефти в Финляндию приходится на норвежскую нефть марок Oseberg и Troll, средняя цена которых составляет \$103 за баррель, то есть почти на треть дороже российской¹⁶.

Новое правительство Орпо, скорее всего, продолжит курс на конфронтацию с Россией и будет дальше поддерживать Украину. Хотя присутствие в его составе той же Партии финнов, которые предложили ввести в школьную программу изучение русского языка, может несколько смягчить эту позицию. В целом прошедшие выборы показали, что практически все финские партии мало интересуются проблемами русскоязычного населения своей страны и вопросом восстановления торгово-экономических связей с Россией¹⁷. Поэтому ждать от нового правительства прорыва в данном вопросе пока не приходится.

Заключение. Состоявшиеся в Финляндии в апреле 2023 г. парламентские выборы проходили на фоне падения темпов экономического роста, заметного увеличения государственного долга и ухудшения уровня безопасности в стране из-за конфликта на Украине. И хотя всё это пока не привело к серьёзному снижению уровня материального благосостояния населения, значительная часть избирателей испытывает чувство тревоги, что отчасти и привело к смене правительства.

Что касается состава нового правительства, скорее всего, переговоры о его формировании могут затянуться. Очевидно, что определённое влияние на этот процесс окажут общественные ожидания того, каким будет это правительство. В настоящий момент 23% граждан страны предпочитают, чтобы его основу составляли НКП и Партия финнов, 19% хотели бы, чтобы правящую коалицию сформировали НКП и СДПФ и еще 10% выступают за союз СДПФ и ФЦ.

Последние 9 лет российско-финские отношения претерпевают постепенную деградацию. А после начала СВО на Украине эти отношения практически сошли на нет. Смена правительства, скорее всего, не повлияет на эту тенденцию, хотя, в случае присутствия в его составе представителей Партии финнов, есть небольшие перспективы приостановки процесса дальнейшего разрушения российско-финских взаимоотношений. В свою очередь это потребует и от России встречных шагов, направленных на выстраивание даже в этих непростых обстоятельствах связей с различными странами финского общества: политиками, общественными и профсоюзными деятелями, бизнесменами, научной и творческой интеллигенцией и пр.

¹⁶ Байназаров Э. Товароповорот: что происходит с торговлей России и Финляндии // Известия. 01.05.2023. URL: <https://u.to/mBoIIA> (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁷ Паниев Ю. Финские политики не ориентируются на интересы русскоязычного населения // Независимая газета. 30.03.2023. URL <https://u.to/CxslIA> (дата обращения: 15.06.2023).

Библиографический список

1. *Рязанцев С. В., Гаджимурадова Г. И.* Русскоязычная иммиграция в Финляндию: новые формы, тенденции, последствия // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № S2. С. 146–164. DOI [10.5922/2079-8555-2021-2-8](https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-2-8). EDN [UPQVGL](https://www.edn.ru/UPQVGL).
2. *Волков А. М.* К итогам парламентских выборов в Финляндии // ИМЭМО. Актуальные комментарии. 04.04.2023. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/k-itogam-parlamentskih-viborov-v-finlyandii-2023-g> (дата обращения: 15.06.2023).
3. *Medzihorsky J.* Rethinking the D'Hondt method // Political Research Exchange. 2019. Vol. 1, No. 1. P. 1–15. DOI [10.1080/2474736X.2019.1625712](https://doi.org/10.1080/2474736X.2019.1625712). EDN [UBPMGF](https://www.edn.ru/UBPMGF).
4. *Великая Н. М., Берёзкина Е. Ю.* Особенности женского представительства в законодательных органах власти Европы: левые против популистов // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2S. С. 8–23. DOI [10.19181/nko.2022.28.2S.1](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2S.1). EDN [HBDIZD](https://www.edn.ru/HBDIZD).
5. *Гуселетов Б. П.* Общеввропейские партии в XXI веке: становление, развитие, перспективы. М.: Институт Европы РАН, 2022. 196 с. DOI [10.15211/report22022_388](https://doi.org/10.15211/report22022_388). EDN [JMTRKQ](https://www.edn.ru/JMTRKQ).
6. *Thompson W. C.* Nordic, Central and Southeastern Europe. Harpers Ferry, WV : Stryker-Post Publ., 2008. 554 p. ISBN 978-1-887985-95-6.
7. *Плевако Н. С.* Парламентские выборы 2023 года в Финляндии // Аналитические записки Института Европы РАН. 2023. № 2(34). С. 18–24. DOI [10.15211/analytics2920231824](https://doi.org/10.15211/analytics2920231824). EDN [TDCCFB](https://www.edn.ru/TDCCFB).

Поступила: 17.06.2023. Принята: 10.07.2023.

Сведения об авторе:

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН; главный научный сотрудник Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. bguseletov@mail.ru
Author ID РИНЦ: [899947](https://elibrary.ru/author/id/899947); ORCID: [0000-0001-6256-5013](https://orcid.org/0000-0001-6256-5013)

B. P. Guseletov^{1,2}

¹ Institute of Europe RAS

² Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS

Moscow, Russia.

RESULTS OF THE FINNISH PARLIAMENTARY ELECTIONS AND THEIR POSSIBLE IMPACT ON RUSSIAN-FINNISH RELATIONS

Abstract. The article examines the results of the next parliamentary elections in Finland, which took place on April 2, 2023. The author assesses the performance of the main political parties in the period since the previous elections and considers the key positions of the election campaigns of the parties that passed to parliament in 2023. In order to identify the dynamics of changes in the political situation, the author conducts a comparative analysis of the results of the leading political parties in Finland in the elections of 2019 and 2023, and characterizes the parties that were represented in the parliament in the period from 2019 to 2023. The author considers the results of the government formed in December 2019 headed by the leader of the Social Democratic Party S. Marin, the possible reasons for the preservation of the high rating of the head of this government among the population and its impact on the course of the election campaign in 2023.

Special attention is paid to the position of the Finnish leadership and leading political parties regarding Russia's special military operation in Ukraine. Finland's support of anti-Russian measures and NATO membership has destroyed many years of trade and economic ties between the countries. The forecast for the further development of Russian-Finnish relations cannot be called optimistic: the mutual cooling of recent years is likely to continue. There is a chance to build new ties between Russia and Finland, but it requires certain efforts and counter steps from both countries.

Keywords: elections, Finland, Finnish Parliament, Sanna Marin, Petteri Oppo, Russia, Russian-Finnish relations

For citation: Guseletov B. P. Results of the Finnish parliamentary elections and their possible impact on Russian-Finnish relations. *Science. Culture. Society.* 2023;29(4):85–96. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.7>

References

1. Ryazantsev S. V., Gadzhimuradova G. I. Russophone immigration to Finland: new forms, trends, and consequences. *Baltic Region.* 2021;13(S2):146–164. (In Russ.). DOI [10.5922/2079-8555-2021-2-8](https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-2-8).
2. Volkov A. M. On the results of parliamentary elections in Finland. In: IMEMO. Relevant comments. 04.04.2023. (In Russ.). Available at: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/k-itogam-parlamentskih-viborov-v-finlyandii-2023-g> (accessed: 15.06.2023).
3. Medzihorsky J. Rethinking the D'Hondt method. *Political Research Exchange.* 2019;1(1):1–15. DOI [10.1080/2474736X.2019.1625712](https://doi.org/10.1080/2474736X.2019.1625712).
4. Velikaya N. M., Berezkina E. Y. How do women are represented in the European legislative assemblies: comparative analysis of the left and populist political parties' practices. *Science. Culture. Society.* 2022;28(2S):8–23. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2022.28.2S.1](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2S.1).
5. Guseletov B. P. Trans European political parties in XXI century: formation, development and prospects. Moscow: IE RAS; 2022. 196 p. (In Russ.). DOI [10.15211/report2022_388](https://doi.org/10.15211/report2022_388).
6. Thompson W. C. Nordic, Central and Southeastern Europe. Harpers Ferry, WV : Stryker-Post Publ.: 2008. 554 p. ISBN 978-1-887985-95-6.
7. Plevako N. S. Parliamentary elections in Finland 2023. *Analytical papers of the Institute of Europe RAS.* 2023;(2):18–24. (In Russ.). DOI [10.15211/analytics2920231824](https://doi.org/10.15211/analytics2920231824).

Received: 17.06.2023. Accepted: 10.07.2023.

Information about the author:

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Europe RAS; Main Researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.

Moscow, Russia. bguseletov@mail.ru

Author ID РИИЦ: 899947; ORCID: 0000-0001-6256-5013

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.4.8](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.8)
EDN [YNQSXH](https://www.edn.ru/YNQSXH)
УДК 327.5

Т. С. Чернева¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

ЭВОЛЮЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ В АТР: ПРОТИВОСТОЯНИЕ КНР И СТРАН БЛОКА AUKUS

Аннотация. В статье представлена оценка эволюции институциональной среды многостороннего военно-политического сотрудничества западных держав (США и Великобритания) в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Основой исследования были определены многосторонние военные альянсы в АТР со второй половины XX века по настоящее время. Необходимость оценки эволюции многостороннего союзничества западных держав в Азиатско-Тихоокеанском регионе обусловлена современной динамикой изменения подхода в реализации военного сотрудничества, определяющего потребность в создании нового военного союза типа AUKUS, а также анализа влияния нового альянса на формирующуюся систему международной безопасности в условиях стагнирующей конфронтации между США и их союзниками и КНР (включая стратегическое партнёрство с Российской Федерацией).

В результате проведённого исследования выявлено, что возникновение военно-политического союза типа AUKUS обусловлено эволюционно-стратегической потребностью его лидера (США) консолидировать свою гегемонию в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона после потери влияния в регионе и утверждения доминанты Китайской Народной Республики с начала XX века. Также были выявлены общие геополитические тенденции развития системы военно-политического союзничества в условиях коррелирующего роста конфликтности в системе региональной безопасности АТР с усилением потребности Китая в развитии стратегического партнёрства с Россией на фоне военно-политического и экономического кризиса между США (и их союзниками) и КНР. Усиление конфронтации между Вашингтоном и Пекином мотивирует к дальнейшему углублению российско-китайских отношений как в сфере торгово-экономического, так и военного сотрудничества.

Ключевые слова: США, Великобритания, Китай, Россия, военно-политические альянсы, AUKUS, стратегическое партнёрство, международная безопасность, баланс угроз, Азиатско-Тихоокеанский регион

Для цитирования: Чернева Т. С. Эволюция геополитической экспансии западных держав в АТР: противостояние КНР и стран блока AUKUS // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 4. С. 97–109. DOI [10.19181/nko.2023.29.4.8](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.8). EDN [YNQSXH](https://www.edn.ru/YNQSXH)

Введение. Расширенное трёхстороннее партнёрство по безопасности AUKUS, созданное в 2021 году по инициативе США, Австралии и Великобритании, закрепляя военно-технологическое сотрудничество между странами в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона¹, утвердило эволюционный подход западных держав в формировании модели военно-политического союзничества в АТР на

¹ Joint Leaders Statement on AUKUS // The White House. 15.09.2021. Available at: <https://u.to/OxcoIA> (accessed: 13.04.2023).

современном этапе. Со второй половины XX века Азиатско-Тихоокеанский регион стал прочным форпостом для развития системы сдерживания распространения противоборствующей идеологии коммунизма в странах Юго-Восточной Азии. Ведущим инструментом которой стала строгая вертикаль структуры военных союзов между государствами как регионального, так и внерегионального положения [1].

Динамичная перестройка военно-блоковой политики западных держав в АТР с начала XXI века (QUAD – 2007, AUKUS – 2021), на фоне активно формирующейся системы нового баланса сил между США и КНР, способствовала возникновению потребности в проведении системного анализа эволюции институциональной среды многостороннего военно-политического союзничества западных держав в Азиатско-Тихоокеанском регионе (СЕАТО, АНЗЮК, АНЗЮС) для оценки опыта функционирования многосторонних альянсов, который определил необходимость создания нового военно-политического союза западных держав в регионе – AUKUS [2; 3].

Также необходимость проведения анализа эволюции именно многостороннего сотрудничества западных держав в АТР обусловлена нынешней динамикой изменений «традиционной» (Сан-Францисской) системы союзничества. Сан-Францисская модель стала активно перестраиваться с начала 2000-х годов, качественно и количественно расширяя общий охват союзов в регионе [4], а также видоизменяя основополагающие компоненты союзов, реорганизовывая «ролевою» основу системы в соответствии с критериями типологии стратегического партнёрства. Многосторонняя система союзов становится всё более актуальной и вполне эффективной в вопросах нивелирования возникающих угроз для гегемонии США и их союзников, прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе. А модель стратегического партнёрства обеспечивает не только высокоинтегрированную структуру альянсов, способную реорганизовать все военно-политическое пространство АТР, но и качественно изменить подходы стран к вопросам обеспечения государственной и международной безопасности. Именно такого вида союзом и выступает инициатива США, Великобритании и Австралии – AUKUS.

Кроме того, высокие показатели военной конкуренции региональных держав, прежде всего Соединённых Штатов и Китая, сосредоточенных в рамках данного региона, повышают уровень конфликтности и снижают показатели безопасности в рамках конкретного регионального пространства [5]. Как следствие, такая динамика катализирует качественную перестройку структуры военно-политических альянсов [6], способствуя возникновению «новых» моделей военного союзничества стран в регионе (AUKUS) [7].

Стоит выделить значимость данного исследования и для развития интересов Российской Федерации в АТР. Постоянное увеличение военного присутствия Вашингтона в регионе, особенно в контексте американо-японского военного союза², а также интегрирование военного контингента стран-участниц альянса в акваториальных пределах стран Южно-Китайского моря (например, Великобритания)³ повышает заинтересованность РФ в обеспечении принципов собственной безопасности, в контексте создания нового военно-политического союза в регионе. Россия является неотъемлемой частью АТР. И, более того, имеет

² Treaty of Mutual Cooperation and Security between the United States and Japan // Ministry of Foreign Affairs of Japan. Available at: <https://u.to/GxgoIA> (accessed: 03.07.2023).

³ Британский авианосец прошёл мимо искусственных островов КНР в Южно-Китайском море // Интерфакс. 4.08.2021. URL: <https://u.to/ahgoIA> (дата обращения: 03.07.2023).

серьёзный потенциал на полномасштабное региональное интегрирование в рамках именно стратегического партнёрства с Китаем⁴.

Разработка и развитие Азиатско-Тихоокеанской стратегии, определяющей основные интересы и направления взаимодействия в рамках интеграции в АТР, является одной из приоритетных задач для России на современном этапе, отвечая главным требованиям внешнеполитического вектора государства – «поворота России на Восток» [8]. Это касается не только вопросов торгово-экономического и политического секторов, но прежде всего вопросов безопасности. В этой связи рассмотренная тема может иметь стратегическое значение для РФ в контексте «делегирования» ядерных возможностей США, которые определяют не только основу сделки AUKUS, вразрез с нормами Договора о нераспространении ядерного оружия, но также закрепляют базу для развития ядерного сотрудничества⁵ между Вашингтоном и другими региональными участниками (например, Южная Корея)⁶, представляя, таким образом, серьёзные риски в вопросах безопасности для России.

Методология. Структурно-функциональный метод при проведении данного исследования позволил определить основные институциональные причины в эволюции модели союзничества участников альянса, обуславливая, таким образом, создание стратегического партнёрства AUKUS. При анализе предпосылок и условий формирования нового подхода в создании многостороннего военно-политического сотрудничества западных держав в Азиатско-Тихоокеанском регионе со второй половины XX века по настоящее время применялись историко-системный и историко-генетический методы. Системный метод с элементами case studies был использован в выявлении общих геополитических тенденций развития системы военно-политического союзничества, в условиях коррелирующего роста общего уровня состояния системы международной безопасности АТР с конкретными военно-политическими угрозами и вызовами.

Данная проблематика в российской политической науке затронута у Д. В. Моськова, Е. С. Мартыновой, С. М. Ермакова [9–11], также была представлена в трудах Д. А. Борисова и Е. А. Тархиной, С. Г. Киселева и А. Б. Опокина [12; 13]. Отечественные эксперты определяют ведущей в данной теме – проблему безопасности, в частности – концепцию баланса угроз в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона.

Исследования большей части российских авторов, таких как А. С. Харланов, Е. А. Канаев, М. А. Терских, А. А. Гарин, А. В. Заболотский, Е. А. Фомичева [14–18], сосредоточены на оценке стратегических интересов США в Азиатско-Тихоокеанском регионе и соответствующих концепций и инструментов реализации военно-блоковой политики, а также поляризации международного пространства между «новыми» мировыми лидерами, обуславливая вопрос анализа качественного и количественного состава полюсов противостояния и мотивации потенциальных участников в выборе гегемона.

В этой связи возникает необходимость оценки эволюции именно институциональной среды многостороннего военно-политического сотрудничества западных держав в Азиатско-Тихоокеанском регионе для выявления причин и пред-

⁴ О российско-китайских отношениях стратегического партнёрства // МИД РФ. URL: <https://u.to/pXgoIA> (дата обращения: 03.07.2023).

⁵ Портякова Н. Ядерный подряд: о чем договорились лидеры Южной Кореи и США // Известия. 27.04.2023. URL: <https://u.to/AhkoIA> (дата обращения: 03.07.2023).

⁶ Пламенев И. Болтон призвал США разместить тактическое ядерное оружие в Южной Корее // РБК. 25.04.2023. URL: <https://u.to/XBkoIA> (дата обращения: 03.07.2023).

посылок к современной трансформации модели союзничества в АТР к форме многостороннего военного сотрудничества, определяя эволюцию подхода в создании альянса AUKUS.

Особенности многостороннего военного сотрудничества западных держав в Азиатско-Тихоокеанском Регионе. Политика военно-политического союзничества для США стала обретать особое значение во время Второй мировой войны. Для обеспечения безопасности, прежде всего, собственных «рубежей» и укрепления позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Вашингтон стал активно прибегать к созданию военно-политических союзов и военных программ, которые обеспечивали быструю интегративную и оперативную работу вооружённых сил стран-союзниц в противостоянии с региональными противниками (например, Япония) [19]: AUSCANNZUKUS, она же «Пять глаз» (FVEY) – 1943 г.; ABCANZ Armies – 1947 г.

После завершения Второй мировой войны Соединённые Штаты продолжили развитие военно-политического союзничества для нивелирования угроз уже со стороны активно распространяющейся коммунистической идеологии в регионе, консолидируя своё военное присутствие в АТР путём обеспечения гарантий безопасности всё большему количеству стран-союзниц в Азии [20].

Также и Великобритания, несмотря на утрату статуса колониальной империи и мирового лидера во второй половине XX века, продолжала реализовывать активные действия по консолидации оставшихся позиций на международной арене, только уже, главным образом, в сотрудничестве с новым мировым игроком – Соединёнными Штатами Америки.

После ухода к западу от Суэца были предприняты несколько попыток Лондона для сохранения позиций в регионе в рамках программы военной защиты союзников (части бывших колоний) от «возрастающей угрозы» коммунистического влияния [21]. Так были образованы военно-политические инициативы, основанные на консультативном (стратегический диалог) и оперативном (военные соединения) принципах: 1. Оборонное соглашение пяти держав (FPDA) в 1971 г. (Великобритания, Австралия, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур) [22]; 2. Военно-политический союз АНЗЮК в 1971 г. (Великобритания, Австралия, Новая Зеландия) [23].

Наиболее заметной попыткой сформировать военный блок для усиления позиций в регионе стала Организация договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО), созданная в 1954 году на основе Манильского пакта. Данный союз определил «балансирующую доктрину» политического курса внерегиональных игроков для сдерживания распространения идеологии развивающихся политических направлений в Китае и Вьетнаме, а также различных «независимых движений» в странах Юго-Восточной Азии (Малайзия, Сингапур и т.д.), которые создавали серьёзные стратегические угрозы для «отступающего» положения Великобритании на мировой арене во второй половине XX века [24].

На современном этапе западные державы обладают достаточно обширной и многофункциональной системой военно-политических альянсов в АТР. Но практически все эти союзы имеют ограниченный функционал и обусловлены строгой вертикалью связи гегемона и «младших партнёров», что негативно влияет на показатели эффективности такой модели и демонстрирует неспособность существующей системы осуществлять качественный контроль над регионом и обеспечивать абсолютную гегемонию США. Сегодня эти альянсы представляют собой разведывательные объединения или программы, ограниченные совмест-

ными военными учениями и обментами, которые не обладают реальным весом в нивелировании угроз и консолидации сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Эволюция геополитической экспансии западных держав в АТР имеет несколько довольно слабых прецедентов (многостороннего военно-политического сотрудничества), которые к настоящему моменту так и не смогли сформировать качественного фундамента для прочной системы военно-политического интегрирования и контроля над регионом со стороны западных держав.

АНЗЮС. Подписанный в 1951 году между США, Новой Зеландией и Австралией, Тихоокеанский пакт безопасности (АНЗЮС) стал первым крупномасштабным военно-политическим альянсом в пределах Азиатско-Тихоокеанского региона между культурно и исторически близкими англосаксонскими партнёрами. Система договоров: Австралия и Новая Зеландия, США и Австралия, США и Новая Зеландия составили основу системы военного кооперирования стран и определили обязательства сторон в условиях военной агрессии в отношении друг друга.

АНЗЮС обладал многообещающими перспективами и определял для лидера альянса – Вашингтона, – обширный потенциал для создания необходимого форпоста в АТР для консолидации влияния и обеспечения ротации военных сил нивелируя, таким образом, серьёзную географическую проблему, подрывающую позиции США в рамках данного региона на тот период. Исключительное значение пакт приобрёл после определения нового вектора внешнеполитического ориентирования администрации Р. Рейгана на Азиатско-Тихоокеанский регион. Это задавало позитивную динамику развития сотрудничества между странами-участницами вплоть до 1980-х годов [25].

Победившая на выборах 1984 года партия лейбористов, следуя своей антиядерной концепции, декларировала запрет на заход в порты Новой Зеландии кораблей с ядерной силовой установкой или ядерным оружием [26]. А сразу после, в 1985 году, Веллингтон стал одним из инициаторов Договора Раротонга о создании безъядерной зоны в Южной части Тихого океана. И к 1987 Новая Зеландия уже на законодательном уровне утвердила безъядерное положение государства, «саботируя» таким образом интересы и планы Вашингтона в рамках военно-политического альянса стран.

Резко негативная реакция США, с последующими «санкциями» в отношении заокеанского партнёра в виде отказа от обязательства о военных гарантиях, привела к фактическому прекращению существования союза.

Антиядерная доктрина Новой Зеландии не просто определила самостоятельный вектор развития политики государства, но стала прецедентом, подорвавшим авторитет Соединённых Штатов для других региональных акторов, и продемонстрировала фактическое влияние малого государства на интересы и возможности внешнеполитической воли сверхдержавы, поставив под сомнения потенциал модели военного союзничества с США.

СЕАТО. Организация договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО), созданная в 1954 году по инициативе Вашингтона, выступила уже в большей степени для европейских лидеров – Великобритании и Франции, – главной военно-политической платформой, которая должна была стать механизмом в противодействии процессу деколонизации новых независимых государств (бывших колоний) в пределах Юго-Восточной Азии [27]. Для Соединённых Штатов Америки данный альянс стал инструментом реализации политики сдерживания советских

интересов в регионе⁷, а также прецедентом в вопросе обеспечения постоянного военного присутствия и контроля американских сил в регионе ЮВА [28].

В 1977 году СЕАТО прекратила своё существование, выявив сразу несколько ключевых аспектов союзнической политики западных держав в пределах Азиатско-Тихоокеанского региона, которые определили конкретные причины в неэффективной реализации концепции военно-блоковой политики в данном регионе:

1. Игнорирование культурно-исторических особенностей региона, а именно, отсутствие милитаристской традиции⁸. Малые страны Юго-Восточной и Южной Азии, которые составили основной процент участников данного альянса, преследовали интересы о гарантиях собственной безопасности (Пакистан, Филиппины, Таиланд), а не вмешательство и, более того, участие во внутригосударственных конфликтах соседних стран с несением сопутствующего ущерба как для экономических, так и для военно-политических систем государств;
2. Недальновидность и «необъективность» при выборе участников альянса: уверенная победа и приход к власти во многих региональных государственных новообразованиях коммунистических «группировок» и движений ознаменовали полный проигрыш в противостоянии западных демократий и коммунистической идеи в странах Юго-Восточной Азии (Лаос, Вьетнам и т.д.) [29];
3. Игнорирование интересов партнёров, которые, собственно, и являются гарантом американского присутствия в регионе. Активные уступки позиций и последующий вывод американских войск из Вьетнама продемонстрировали неспособность гарантировать безопасность и обеспечить защиту интересов азиатских государств-партнёров. Вследствие чего авторитет и имидж СЕАТО, как и США в целом, были разгромлены, что вызвало постепенный, но довольно скорый выход участников из альянса (Пакистан – 1972, Франция – 1973, Таиланд – 1975).

АНЗЮК. Военно-политический союз АНЗЮК, инициированный Великобританией в 1971 году, стал необходимостью на фоне кризиса в рамках СЕАТО и реализации нового внешнеполитического вектора Лондона. Официальной целью альянса была защита Малайзии и Сингапура, продиктованная потребностью продления Британо-малайского договора об обороне 1957 года [30]. По факту же, АНЗЮК стал ещё одной попыткой объединить уже более «подходящих» союзников западных демократий для консолидации сил в АТР. Новый альянс был в меньшей степени альянсом в традиционном понимании и в большей степени военно-командным объединением, которое декларировало совместное руководство военными силами стран-участниц, отвечая «требованиям» о сохранении гарантий безопасности Лондона для «подопечных» участников Содружества [31].

Довольно скоро, уже в 1974 году, союз приходит к распаду, причиной которого тогда впервые становится жёсткая антиядерная позиция новоизбранного новозеландского правительства, которая определила выход Веллингтона из союза,

⁷ Вьетнамская война – конфликт между Северным и Южным Вьетнамом во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже (1955–1975). Северный Вьетнам поддерживали Советский Союз, Китай и др. коммунистические союзники; Южный Вьетнам поддерживали Соединённые Штаты Америки и др. антикоммунистические союзники.

⁸ Исключение – Япония. Идеология японского милитаризма сформировалась в период между 1920 и 1927 гг. Впоследствии это привело к развязыванию Японо-китайской войны (1937–1945) и вступлению Японии во Вторую мировую войну.

что автоматически девальвировало значение альянса [32]. Отсутствие структуры и слабая интеграция вооружённых сил членов союза не обладали достаточным потенциалом для формирования прочной системы кооперации и не позволяли обеспечить реализацию интересов США (в перспективе присоединения американской компоненты) в вопросе ядерного контроля в пределах АТР.

Таким образом, устаревшая система военно-политического сотрудничества и исторический опыт неэффективного союзничества в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона обусловили неспособность обеспечения контроля и эффективного сдерживания возникающих перед западными державами угроз в регионе, определяя стратегически важную необходимость создания нового военно-политического многостороннего альянса, отвечающего современным требованиям для нивелирования угроз гегемонии США и их союзников, требованиям которых в настоящее время не соответствуют «устаревшие» формы коалиций.

Данный опыт союзничества также определил большую «избирательность» западных демократий в определении более надёжных партнёров [33], для сотрудничества на основе культурно-исторического и военно-стратегического принципов.

Модель AUKUS. С началом XXI века динамика развития азиатских стран определила новый фактор, способный влиять на расстановку сил в регионе и формировать новую архитектуру безопасности – Китай [34], включая его ведущих стратегических партнёров.

Интенсификация доли китайского бизнеса и инвестиций, а также повсеместная интеграция в производственные системы и цепочки поставок в торгово-экономической системе АТР и коррелирующее с этим повышение влияния на политику региональных акторов, ведёт к изменению баланса сил в регионе [2] и способствует трансформации устоявшейся системы военно-политического союзничества. Активная перестройка модели военно-политического сотрудничества западных держав и их союзников в АТР [35] порождает новые типы военных альянсов стран в регионе – AUKUS.

Объявленный в 2011 году администрацией Барака Обамы, «поворот к Азии», обусловленный активной модернизацией военного потенциала Китая, спорами в пределах акваторий Восточного и Южно-Китайского морей; активным экономическим развитием и интегрированием КНР в мировую торгово-экономическую систему (в том числе «традиционные» сферы влияния США)⁹ определил активное смещение полюса американского внимания в мире и задекларировал стремление в создании более эффективной системы сдерживания, которая позволит более качественно ограничить потенциальные риски в отношении американской гегемонии в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона.

С 2015 года Соединённые Штаты начали реализацию стратегии «восстановления равновесия в АТР»¹⁰. Пересмотрев политику в отношении военно-политического союзничества в регионе, администрация Вашингтона определила первостепенными те интересы, которые выступают определяющими именно для союзников американской доктрины. Главным образом, гарантируют наличие американской военной компоненты в Азиатско-Тихоокеанском регионе, которая

⁹ Obama B. Remarks by President Obama to the Australian Parliament // The White House. 17.11.2011. Available at: <https://u.to/YxooIA> (accessed: 07.05.2023).

¹⁰ A Regional Security Architecture Where Everyone Rises // US Department of Defense. 30.05.2015. Available at: <https://u.to/uxooIA> (accessed: 07.05.2023).

в большей степени и обеспечивается партнёрами Вашингтона (военно-морское базирование, материально-техническая поддержка вооружённых сил и т.д.).

Уже с 2016 года США в рамках «ревизии» Сан-Францисской модели развивают систему двустороннего сотрудничества, расширяя возможности альянсов, переходя к формату трёхстороннего военного интегрирования в рамках совместных военных учений и обменов с традиционными союзниками региона: Японией, Южной Кореей, Филиппинами, Сингапуром и Австралией¹¹.

Реструктуризация постоянного базирования вооружённых сил на территории стран-союзниц, а также активные военные учения с использованием ведущих сил ВМФ США близ акватории Южно-Китайского моря закрепляют новый, в большей степени практически ориентированный вектор американской политики в концепции антикитайского балансирования, что в 2017 году уж на официальном уровне декларируется в Стратегии национальной безопасности США. В соответствии с данной стратегией за КНР закрепляется статус международного актора, который способен оказать влияние на геополитические интересы, экономические возможности и военно-стратегические цели Вашингтона, определяя, таким образом, Китай одним из вызовов не только для развития внешнеполитического вектора, но как одну из главных угроз национальной безопасности Соединённых Штатов Америки¹². И в 2021 году Вашингтон, в соответствии с Ежегодным докладом об угрозах американской службы разведки, официально закрепил за КНР главное место среди угроз¹³.

Создание нового стратегического партнёрства AUKUS в 2021 году достраивает политику перебалансировки интересов США на международной арене, удовлетворяя вновь возникшую стратегическую потребность Вашингтона и его традиционных союзников (Великобритания и Австралия) в создании механизма, который будет способен определить реальный вес перебалансировки, направленной на сдерживания военной мощи КНР в пределах Азиатско-Тихоокеанского региона. Подтверждают это и официальные заявления сторон в рамках нового альянса о довольно скорой ротации атомных подводных лодок США и Великобритании (с 2027 года) в акватории южной части Тихого океана для обеспечения безопасности Канберры¹⁴.

Новое стратегическое партнёрство должно не просто оказать «моральное давление» своим присутствием в азиатском регионе на возрастающую «угрозу» со стороны КНР (в соответствии с официальной повесткой США), как это было ранее (приме СЕАТО, АНЗЮК, АНЗЮС). AUKUS определяет реальный механизм для консолидации доминанты в Азиатско-Тихоокеанском регионе за западными державами, а также обеспечивает стратегически важные компоненты, определяющие гегемонию США в АТР, а именно:

1. реконструирование и перемоделирование системы военных союзов в АТР;
2. разрешение проблемы базирования военно-морского флота США в акваториальных пределах периферии Тихого и Индийского океанов (включая ядерный компонент);

¹¹ U.S. Ground Forces in the Indo-Pacific: Background and Issues for Congress // Congressional Research Service. 30.08.2022. Available at: <https://goo.su/EzcXz> (accessed: 07.05.2023).

¹² National Security Strategy of the United States of America. December 2017. Available at: <https://u.to/qhwoIA> (accessed: 08.05.2023).

¹³ Annual threat assessment of the US intelligence community. 9.04.2021. Available at: <https://u.to/Ax0oIA> (accessed: 09.05.2023)..

¹⁴ The AUKUS Nuclear-Powered Submarine Pathway // Prime Minister of Australia. 14.03.2023. Available at: <https://u.to/5x0oIA> (accessed: 10.05.2023).

3. укрепление связей и расширение системы двустороннего партнёрства;
4. высокотехнологичная компонента и ядерный принцип AUKUS, которые призваны обеспечить реальный вес в политике балансирования США и их союзников.

Реструктурируя классическую модель «оси и спиц» (переходя из строгой вертикальной модели союза к более «мягкому» горизонтальному сотрудничеству в виде целой сети связей) США и их союзники адаптировали новый подход в создании «новых», более эффективных элементов балансирования в регионе. Именно на этом принципе было образовано стратегическое партнерство AUKUS.

Заключение. Можно заключить, что создание нового стратегического партнёрства – AUKUS, обусловлено эволюционно-стратегической необходимостью реформирования системы военно-политического сотрудничества в регионе. Она вызвана потребностью западных держав (прежде всего США) выстроить более эффективную систему альянсов, которая обеспечит реальный вес в военно-блоковой политике западных демократий в ответ на современные вызовы в пределах АТР (в частности развитие военной мощи КНР), путём реорганизации и трансформации устаревшей модели коалиций.

Стратегическое партнёрство стало наиболее подходящей и моделируемой формой военного союза для реализации политики, подвинув на задний план менее эффективную вертикаль традиционной модели альянсов и создав более обширную форму взаимодействия между государствами.

Технологическое ядро партнёрства AUKUS, сосредоточенное на кибервозможностях, искусственном интеллекте, квантовых технологиях и дополнительных подводных возможностях, призвано обеспечить реальный вес в рамках нового подхода и изменить баланс сил в регионе к началу 2030-х. А ротация атомных подводных лодок США и Великобритании на периферии Тихого и Индийского океанов с конца 2020-х, согласно ключевым положениям соглашения, добавит дополнительную сдерживающую силу.

В этой связи важно понимать, что именно трансформация структуры военно-блоковой политики западных держав (прежде всего именно США), которая стала проводиться с начала 2000-х годов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также постоянно возрастающее присутствие военного контингента Соединённых Штатов в данном регионе выступили катализаторами для Китая в вопросе развития собственных военных мощностей, что и проиллюстрировала военная реформа в КНР в 2015 году. Также, вследствие наличия довольно обширного круга спорных внешнеполитических конъюнктур в отношениях между КНР и другими региональными игроками, становится более серьёзной для Пекина проблема в обеспечении коллективного ответа на американское давление.

На фоне этих угроз возрастает потребность для Китая в активном развитии стратегического партнёрства с Российской Федерацией. Усиление конфронтации между США и КНР мотивирует к дальнейшему углублению российско-китайских взаимоотношений. Как в сфере торгово-экономического, так и военного сотрудничества. Что, прежде всего, отвечает стратегическим интересам Москвы в политике «поворота России на Восток», который призван обеспечить должное экономическое и политическое место в АТР. Кроме того, в связи с появлением военно-политического союза AUKUS с его очевидной и основополагающей компонентой военно-технологического характера, возникает серьёзный прецедент для расширения и углубления военно-технологического сотрудничества между

Пекином и Москвой, для обеспечения гарантий собственной военной безопасности.

Несмотря на официальные заявления сторон об укреплении безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе как основной цели данного альянса, AUKUS демонстрирует явный наступательный потенциал союза, вследствие чего можно заключить, что подобная инициатива способна не просто дестабилизировать, но и качественно ухудшить общие положения в вопросе международной безопасности в рамках АТР, стимулируя своим военным потенциалом стремления со стороны Китая и других региональных игроков (включая Россию) обеспечить собственную безопасность и стабильность региона, порождая, таким образом, полномасштабную гонку вооружения и открытое противостояние региональных лидеров, не исключая возможность прямого конфликта между ядерными державами.

Библиографический список / References

1. Nakajima H. *International Society in the Early Twentieth Century Asia-Pacific: Imperial Rivalries, International Organizations, and Experts*. London: Routledge; 2021. 182 p. ISBN 9780367895723.
2. Mearsheimer J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W. Norton; 2014. 592 p. ISBN 978-0393349276.
3. Doshi R. *The Long Game: China's Grand Strategy to Displace American Order (Bridging the Gap)*. Oxford University Press; 2021. 432 p. ISBN 9780197527870.
4. Лукин А. Л., Коротич С. А. Между Вашингтоном и Пекином: что ждет азиатско-тихоокеанские альянсы США? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61, № 4. С. 5–15. DOI [10.20542/0131-2227-2017-61-4-5-15](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-4-5-15). EDN YPIHEL.
Lukin A., Korotich S. The Asia-Pacific Alliances of the United States: Between Balancing, Neutralization and Hedging. *World Economy and International Relations*. 2017;61(4.):5–15. (In Russ.). DOI [10.20542/0131-2227-2017-61-4-5-15](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-4-5-15).
5. 陈晓晨, 陈弘. 美英澳三边安全伙伴关系:特点、影响与前景[J]. 国际问题研究. Chen Xiaochen, Chen Hong. The US-UK-Australia Trilateral Security Partnership: Features, Influences and Prospects. *International Issues Research*. 2022;(3):106–121. (In Chin.). DOI [10.3969/j.issn.0452-8832.2022.03.007](https://doi.org/10.3969/j.issn.0452-8832.2022.03.007).
6. Medcalf R. *Indo-Pacific Empire: China, America and the Contest for the World's Pivotal Region*. Manchester University Press; 2020. 320 p. ISBN 978-1526150783.
7. 张翔, 王联合. 美国对其亚太同盟的“逆向搭便车” [J]. 国际展望. Zhang Xiang, Wang Lianhe. America's "Reverse Free Riding" to its Asia-Pacific Alliance. *International Outlook*. 2023;15(2):37–56. (In Chin.) DOI [10.13851/j.cnki.gjzw.202302003](https://doi.org/10.13851/j.cnki.gjzw.202302003).
8. Торкунов А. В., Стрельцов Д. В., Колдунова Е. В. Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 5. С. 8–21. DOI [10.17976/jpps/2020.05.02](https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.02). EDN DBKKFU.
Torkunov A. V., Streltsov D. V., Koldunova E. V. Russia's Pivot to the East: Achievements, Problems, and Prospects. *Polis. Political Studies*. 2020;(5):8–21. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2020.05.02](https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.02).
9. Мосяков Д. В. Новый военный блок – новые угрозы миру и безопасности в Азии // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2021. Т. 3, № 3(52). С. 5–17. DOI [10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-005-017](https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-005-017). EDN GOKBHS.
Mosyakov D. V. New Military Bloc – New Threats to Peace and Security in Asia. *Southeast Asia: Actual Problems of Development*. 2021;3(3):5–17. (In Russ.). DOI [10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-005-017](https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-005-017).
10. Мартынова Е. С. Альянсы QUAD и AUKUS и баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе: перспективы для России, Китая и АСЕАН // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2022. Т. 15, № 3. С. 148–165. DOI [10.31249/kgf/2022.03.09](https://doi.org/10.31249/kgf/2022.03.09). EDN PIXPQS.
Martynova E. S. QUAD and AUKUS and the Balance of Power in the Asia-Pacific Region: Prospects for Russia, China and ASEAN. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2022;15(3):148–165. (In Russ.). DOI [10.31249/kgf/2022.03.09](https://doi.org/10.31249/kgf/2022.03.09).

11. *Ермаков С. М.* Влияние AUKUS на систему международной безопасности // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 1(70). С. 130–152. DOI [10.52311/2079-3359_2022_1_130](https://doi.org/10.52311/2079-3359_2022_1_130). EDN [MOJBXW](https://www.edn.ru/2022/01/130).
Ermakov S. M. AUKUS'S Influence on the System of International Security. *National Strategy Issues*. 2022;(1):130–152. (In Russ.). DOI [10.52311/2079-3359_2022_1_130](https://doi.org/10.52311/2079-3359_2022_1_130).
12. *Борисов Д. А., Тархина Е. А.* Организационные формы «сдерживания Китая» во внешней политике США на современном этапе // Конфликтология / Nota Bene. 2022. № 4. С. 48–54. DOI [10.7256/2454-0617.2022.4.39329](https://doi.org/10.7256/2454-0617.2022.4.39329). EDN [KTGJVX](https://www.edn.ru/2022/04/39329).
Borisov D. A., Tarkhina E. A. Organizational Forms of “Containment of China” in US Foreign Policy at the Present Stage. *Conflict Studies / nota bene*. 2022;(4):48–54. (In Russ.). DOI [10.7256/2454-0617.2022.4.39329](https://doi.org/10.7256/2454-0617.2022.4.39329).
13. *Киселев С. Г., Опокин А. В.* История повторяется? Новая геополитическая блоковая структура создается в Индо-Тихоокеанском регионе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2022. № 2(847). С. 43–47. DOI [10.52070/2500-347X_2022_2_847_43](https://doi.org/10.52070/2500-347X_2022_2_847_43). EDN [VXACGY](https://www.edn.ru/2022/02/847_43).
Kiselev S. G., Opokin A. V. Is history repeating itself? A new geopolitical block structure is being created in the Indo-Pacific Region. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*. 2022;(2):43–47. (In Russ.). DOI [10.52070/2500-347X_2022_2_847_43](https://doi.org/10.52070/2500-347X_2022_2_847_43).
14. *Харланов А. С.* Особенности международной политики в странах Азиатско-тихоокеанского региона в процессе нарастающего блокового противостояния и полицентрического мироустройства // Тенденции развития системы международных отношений и их влияние на управление национальной обороной Российской Федерации : сб. ст. М. : ИД «УМЦ», 2023. С. 449–456. EDN [HTCEPC](https://www.edn.ru/2023/04/449-456).
Kharlanov A. S. Features of international policy in the countries of the Asia-Pacific region in the process of growing block confrontation and polycentric world order. In: Trends in the development of international relations and their impact on the management of national defense of the Russian Federation: Coll. of art. Moscow: UMTS Publ; 2023. P. 449–456. (In Russ.).
15. АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы / А. А. Байков, Д. Д. Бачило, Е. С. Бурова [и др.]. М. : Аспект Пресс, 2023. 608 с. ISBN 978-5-7567-1258-2. EDN [HPEGBV](https://www.edn.ru/2023/05/1258-2).
Baikov A. A., Bachilo D. D., Burova E. S. [et al] ASEAN on the Way of Integration: Achievements, Challenges, Dilemmas. Moscow: Aspect Press; 2023. 608 с. (In Russ.). ISBN 978-5-7567-1258-2.
16. *Гарин А. А.* Значение AUKUS для южной части Тихого океана: последствия для внешней политики и безопасности Австралии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 1, № 1(54). С. 223–233. DOI [10.31696/2072-8271-2022-1-1-54-223-233](https://doi.org/10.31696/2072-8271-2022-1-1-54-223-233). EDN [DZMYNU](https://www.edn.ru/2022/01/223-233).
Garin A. A. AUKUS and The South Pacific: Foreign Policy and Security Implications for Australia. *Southeast Asia: Actual Problems of Development*. 2022;1(1):223–233. (In Russ.). DOI [10.31696/2072-8271-2022-1-1-54-223-233](https://doi.org/10.31696/2072-8271-2022-1-1-54-223-233).
17. *Заболотский А. В.* О геополитических и экономических причинах создания AUKUS // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 9. С. 167–172. DOI [10.31857/S032150750012175-4](https://doi.org/10.31857/S032150750012175-4). EDN [DVHEGR](https://www.edn.ru/2021/09/167-172).
Zabolotskiy A. V. About the Geopolitical and Economic Reasons for the Creation of AUKUS. *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2021;(9):167–172. (In Russ.). DOI [10.31857/S032150750012175-4](https://doi.org/10.31857/S032150750012175-4).
18. *Фомичева Е. А.* Новые вызовы единству и международной роли АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. 3, № 3(52). С. 36–50. DOI [10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-036-050](https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-036-050). EDN [GAJELZ](https://www.edn.ru/2021/03/36-50).
Fomicheva E. A. New Challenges to ASEAN's Unity and International Role. *Southeast Asia: Actual Problems of Development*. 2021;3(3):36–50. (In Russ.). DOI [10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-036-050](https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-036-050).
19. Wright C. Security in the Asia-Pacific Region. *The Brown Journal of World Affairs*. 1994;1(2):331–344.
20. Donnini F. ANZUS in Revision: Changing Defense Features of Australia and New Zealand in the Mid-1980s. Alabama Air University Press; 1991. 219 p.
21. James W. Global Britain's strategic problem East of Suez. *European Journal of International Security*. 2021;6(2):171–189. DOI [10.1017/eis.2020.24](https://doi.org/10.1017/eis.2020.24).

T. S. Cherneva¹

¹St Petersburg University
St. Petersburg, Russia

EVOLUTION OF GEOPOLITICAL EXPANSION OF WESTERN POWERS IN THE ASIA-PACIFIC REGION: CONFRONTATION BETWEEN CHINA AND AUKUS BLOC COUNTRIES

Abstract. The article presents an assessment of the evolution of the institutional environment of multilateral military and political cooperation between Western powers (USA and UK) in the Asia-Pacific region. The basis of the study was determined by military alliances in the Asia-Pacific region from the second half of the twentieth century to the present. The need to assess the evolution of the multilateral alliance of Western powers in the Asia-Pacific region is due to the current dynamics of changes in the approach to the implementation of military cooperation, which determines the need to create a new military alliance of the AUKUS type; as well as an analysis of the influence of the new alliance on the emerging international security system in the context of a stagnating confrontation between the United States and its allies and the People's Republic of China (including the strategic partnership with the Russian Federation).

As a result of the study, it was revealed that the emergence of a military and political alliance of the AUKUS type is due to the evolutionary-strategic need for the leader of the alliance (USA) to consolidate its hegemony within the Asia-Pacific region after the loss of influence in the region and the establishment of the dominance of the People's Republic of China in the early twentieth century. The general geopolitical trends in the development of the system of military and political alliance were also identified in the context of a correlating increase in conflict potential in the regional security system of the Asia-Pacific region with the increasing need of China to develop a strategic partnership with Russia against the backdrop of the military and political and economic crisis between the United States (and its allies) and the PRC. The intensifying confrontation between Washington and Beijing motivates the further deepening of Russian-Chinese relations. Both in the field of trade, economic and military cooperation.

Keywords: USA, UK, China, Russia, military and political alliance, AUKUS, strategic partnership, international security, balance of threats, Asia-Pacific region

For citation: Cherneva T. S. Evolution of geopolitical expansion of Western powers in the Asia-Pacific region: confrontation between China and the AUKUS bloc countries. *Science. Culture. Society.* 2023;29(4):97–109 (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.8>

Received: 11.06.2023. Corrected: 21.08.2023. Accepted: 25.08.2023.

Information about the author:

Tatyana S. Cherneva, postgraduate student of School of International Relations, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. tatyana.cherneva6@yandex.ru
ORCID: [0009-0007-6107-2074](https://orcid.org/0009-0007-6107-2074)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.4.9](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.9)
EDN [WPTVLM](https://edn.wptvlm.ru)
УДК 328.184

С. Н. Большаков¹, Ю. М. Большакова², Е. Н. Минченков²

¹ Российский государственный социальный университет. Москва, Россия

² ЛГУ имени А. С. Пушкина. Санкт-Петербург, Россия

РОЛЬ И ВОЗДЕЙСТВИЕ ЛОББИЗМА НА ОБЩЕСТВО (В ВОСПРИЯТИИ ЖИТЕЛЕЙ ФРГ)

Аннотация. В статье рассмотрено современное восприятие феномена лоббизма, констатируется влияние групп интересов, оказываемое на политические процессы в странах европейского континента. Авторы подчёркивают актуальность исследования лоббизма, которая определяется процессами политических изменений и интеграции национального и международного экономического пространства стран Европейского Союза, в частности, ФРГ. На основе вторичной интерпретации социологических данных исследователями раскрывается проблематика оценки обществом лоббизма, его влияния на политические процессы стран ЕС. Акцентируется внимание на значимости требований общества к прозрачности групп интересов и лоббирования. Важной видится позиция опрошенных в части ведения реестра лоббистов на уровне ФРГ и ЕС как необходимого инструмента общественного контроля. По результатам проведённого исследования сделан вывод о влиянии групп интересов на процесс лоббирования. Основой современных интерпретаций лоббирования является не теория плюрализма или теория корпоративизма, а теория сетевого управления. По мнению респондентов большие выгоды от лоббирования в ФРГ получают промышленные корпорации и ведущие отрасли экономики ФРГ и ЕС, а не действующие политики и политические партии. Данные исследования позволяют говорить о доминировании лоббистов из сферы экономики промышленных отраслей, которые, по мнению респондентов, получают экономическое преимущество при работе на рынках. В тоже время положительный эффект от лоббирования в части экспертного информационного сопровождения политической деятельности получают именно органы власти. Авторы приходят к выводу о необходимости дальнейшего изучения влияния групп интересов и лоббистов на политические процессы и дальнейшего углубления прозрачности процесса лоббирования, более подробного раскрытия административной и налоговой отчётности в целях повышения доверия общества политикам, бизнесу и органам управления.

Ключевые слова: лоббизм, группы влияния, политический процесс, доверие, открытость

Для цитирования: *Большаков С. Н., Большакова Ю. М., Минченков Е. Н.* Роль и воздействие лоббизма на общество (в восприятии жителей ФРГ) // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 4. С. 110–126. DOI [10.19181/nko.2023.29.4.9](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.9). EDN [WPTVLM](https://edn.wptvlm.ru)

Введение. Актуальность исследования лоббизма обусловлена необходимостью раскрытия проблемы выработки государственных решений в контексте влияния различных групп интересов, лоббирующих различной направленности цели и задачи. В ряде стран мира проблематика лоббирования исследуется сквозь призму политического управления, раскрытия потенциала лоббизма как социально-коммуникативной технологии поиска общественного консенсуса.

Ряд отечественных исследователей раскрывают проблематику лоббизма и GR (government relations) как экспертное информационное сопровождение политических решений органов власти [1]. При раскрытии проблематики ин-

ституционализации лоббизма в России, зачастую отмечается низкий уровень готовности власти к развитию этого института. П. Я. Фельдман отмечает, что раскрытие теоретического дискурса лоббизма необходимо рассматривать в контексте сетевого подхода, сетевого взаимодействия публичной власти и негосударственных акторов влияния на политический процесс [2]. Видный исследователь лоббизма, проблем взаимодействия органов государственного управления и бизнеса, Л. Е. Ильичева раскрывает лоббизм в контексте легитимации политических и экономических интересов групп влияния, актуализации лоббизма в парламентских демократиях [3]. Л. Г. Купряшин и др. раскрывают лоббизм как публичный институт, как формат технологии государственного регулирования в условиях рыночного механизма, стимулирования бизнес-процессов, выражения форм представительства интересов бизнеса [4].

В стабильных обществах, особенно в стабильных демократиях, количество групп интересов со временем увеличивается. Однако влияние групп интересов критически рассматривалось не только в экономике, но и в других социальных науках, и в публичном дискурсе [5]. Например, французский публицист и историк Алексис де Токвиль (1805–1859) утверждал в своей книге о демократии в Америке, что при демократии можно ожидать увеличения государственных задач и расходов не в последнюю очередь потому, что различные социальные группы борются за поддержку политики правительства [6]. Об опасности проникновения в политические партии различных групп интересов, пытающихся внести своих представителей в избирательные списки, создавая аполитичный парламент, говорил Макс Вебер [7]. Относительно Федеративной Республики Германия публицист О. Нидермайер выдвинул тезис об угрозе обществу не со стороны традиционных социальных конфликтов и социальных вызовов обществу, а от бесполезного распространения институционализированных организованных частных интересов [8].

Б. Унгер и Ф. Ваарден [9] утверждают, что влияние групп интересов может быть положительным, например, когда они предоставляют государственным деятелям широкий спектр информационной аналитики, которая способствует принятию политических решений. Данный контекст создания информационного альтернативного пространства создаёт конкуренцию между различными лоббистскими группами [10]. Экономический контекст информационного сопровождения лоббирования предполагает, что на политических лиц, принимающих решения, можно повлиять в их предпочтениях с помощью информации (единственной, поскольку количество информационных источников может быть неопределённо) о состоянии политической среды [11]. Информация, таким образом, приобретает экономическую ценность и является товаром, полученным лоббистами с использованием различных ресурсов и капитала, и передаётся лицам, принимающим политические решения, в обмен на благоприятные для них решения [12].

Политолог Вернер определяет «лоббирование» следующим образом: «...лоббирование можно рассматривать как ценностно-нейтральный собирательный термин для оказания влияния на решения органов власти и официальных учреждений, в том числе на субъектов государственной политики (главным образом, государственных служащих). Это влияние осуществляется лицами и заинтересованными группами, которые не являются частью решения» [13, р. 276].

К. Джоос более точен в дефинициях: «термин лоббирование или (синоним) представление интересов может быть определён как: во-первых, получение, отбор и оценка информации, которая может привести к конкурентному преимуществу для представляемой компании или предотвратить её неконкурентное поло-

жение; во-вторых, прямое или косвенное влияние компании на законодательство и/или исполнительных лиц, принимающих решения, посредством информации с целью достижения конкурентных преимуществ или устранения конкурентных недостатков» [14, р. 44].

Действующие политики зачастую зависят от усилий лоббистов, поскольку только от них могут получить репрезентативную информацию о состоянии экономических отраслей или промышленности, социальной группы или окружающей среды, которую политики, как авторитетные политические агенты, не всегда могут получить [15]. Беннедсен М. и Фельдманн С. [16, р. 649] отмечают, что вопрос о том, могут ли политики полностью освободиться от лоббистских групп, нет необходимости ставить ребром. Без информации из лоббистских кругов было бы сложно объективно оценить последствия возможного политического решения.

Остин-Смит и Райт в совместном исследовании пришли к выводу, что эффективное лоббирование не всегда требует специального доступа к лицам, принимающим решения (так называемое инсайдерское лоббирование), ни путём давления на избранных членов парламента, ни путём общественного мнения в СМИ (так называемое внешнее лоббирование). По их мнению, что чисто информационное лоббирование по официальным каналам коммуникации может иметь серьёзное влияние на политические решения [17].

В научной литературе критически задаются вопросы о том, можно ли приравнять доступ групп интересов к лицам, принимающим политические решения, с влиянием и можно ли его соответствующим образом измерить [18]. Лоббизм означает, что определённые политические группы и их объединения хотят влиять на политические решения в части выбора инструментов государственного регулирования или при распределении властных ресурсов в свою пользу [19]. Многие крупные ассоциации бизнеса и предпринимателей испытывают снижение политического веса и влияния, уменьшается число членов ассоциаций, в результате социально-экономической модернизации происходят процессы дезинтеграции, создаются новые фонды и ассоциации, которым труднее объединять и представлять интересы своих членов [5, р. 11], поскольку эти интересы стали более неоднородными, политически специализированными и, в некоторых случаях, противоречивыми по отношению друг к другу. Все чаще немецкие корпорации (такие как компании DAX), консалтинговые агентства, а также аналитические центры и юридические фирмы активно занимаются лоббизмом [5, р. 9]. Ввиду этого граждане всё больше требуют общественного контроля и прозрачности, предпринимают усилия по снижению политического влияния лоббистов и их активного воздействия на политическую систему.

Лоббирование – это попытка групп социальных интересов повлиять на членов парламента или других лиц, принимающих политические решения. Различные каналы этого влияния хорошо известны. Общепринятой практикой среди лоббистов является поддержание личных контактов с лицами, принимающими политические решения, и предоставление им информации. Кроме того, часто делаются пожертвования на выборы или политикам открывается перспектива получить после окончания политической карьеры должность в корпоративном секторе бизнеса.

С одной стороны, изменения в политической системе оказывают влияние на деятельность бизнес-ассоциаций и других социально-политических акторов и стимулирование их действий. С другой стороны, социальные изменения, а также изменения в группах интересов или стратегиях ассоциаций также оказывают

влияние на политическую систему. Таким образом, лоббизм направлен как на законодательный процесс в представительных органах власти, так и на аппарат исполнительных органов публичной власти, органов власти, где осуществляется долгосрочное планирование и влияние на последующую реализацию законодательства [17]. В целом можно отметить тенденцию структурных изменений в представлении политических интересов, которые диверсифицировались в результате социально-экономической модернизации, например, расширение сектора предоставления услуг. Более разнообразные, а иногда и противоречивые экономические интересы могут быть эффективно представлены только частично созданными зонтичными организациями бизнеса и отраслевыми ассоциациями (ассоциация электронной промышленности, ассоциация химической промышленности и т.п.).

Во времена расширения интернет-коммуникаций лоббирование как предоставление информации населению и его давление на публичных политиков и лиц, принимающих решения, становится всё более актуальным, в то время как классическое лоббирование за закрытыми дверями и через личные контакты всё больше вытаскивается на всеобщее обозрение и поэтому теряет своё политическое влияние и вес [16].

Лоббисты фактически передают информацию не только о текущем состоянии мира, но косвенно и о возможном будущем. Формирование информационной картины мира под влиянием информации, полученной от лоббистов, позволяет политикам взвешенно оценить изменения социально-политической среды и проецировать последствия политических решений [19]. С другой стороны, логично, что, действуя в своих интересах, лоббистские группы стремятся к передаче именно той информации, при котором выгодные им решения будет казаться максимально разумными [16]. Это является сильным стимулом для сокрытия некоторых сведений о реальном состоянии дел, что усложняет для политиков задачу оценки качества полученной информации. Следует также отметить недопустимость автоматического вывода о том, что политики всегда принимают наилучшее решение в интересах электората. В противном случае мы упустим из вида социально-политическую проблему, играющую важную роль при принятии общественно-значимых решений [20]: часто случается так, что лица, принимающие решения, не могут в полной мере задействовать политический потенциал лоббистских групп, поскольку существуют альтернативы, о которых действующие лица не знают [21].

Лоббистские группы заинтересованы в высоком уровне доверия от лиц, принимающих решения, способствовать этому может прозрачность лоббизма. Актуальные на сегодняшний день требования прозрачности лоббизма базируются на недоверии общества к их деятельности, – как политической, так и в бизнес-средах. Повысить доверие в такой ситуации способная гарантия достоверности передаваемой органам власти информации.

Исследования, проведённые в Великобритании, показали, что принципиально изменить уже презентованные обществу политические решения/проекты, обычно сложно. Кардинальное изменение точки зрения от политика, ассоциированного с конкретным политическим проектом, может быть воспринято как его слабость и неспособность добиваться поставленных целей. Из этого следует, что группы интересов и лоббисты должны предоставлять информацию действующим политикам как можно раньше в процессе работы над законом/проектом, с целью достижения успеха. Информация, вносимая и отражённая в конструкции законопроекта на ранней стадии, повышает качество законодательного процесса

и позволяет обеспечить положительное восприятие обществом данных инициатив.

На уровне ЕС лоббистские группы оказывают влияние на различные институциональные органы управления, с одной стороны, на законодательную власть, т.е. Европейский парламент и Совет Европейского союза («Совет министров»), при этом Европейская комиссия также играет важную роль в европейском законодательстве, так как она обладает исключительной компетенцией в отношении большинства правовых актов ЕС; с другой стороны, лоббистские группы оказывают влияние на исполнительные органы власти в ЕС, то есть Комиссию и Европейский Совет, в состав которого входят главы государств и правительств всех государств-членов, а также президент Европейского совета и председатель Комиссии. Воздействие на эти органы в основном осуществляется посредством личных встреч и общественных консультаций, организованных Комиссией ЕС в рамках разработки тех или иных политических решений [22].

Методы. Методом исследования явился дискурсивный анализ современных теорий лоббизма, компаративистский анализ лоббизма и групп влияния современного европейского общества. Анализ базируется на методах статистического и социологического анализа, сетевой концепции формирующей особенности социально-политического взаимодействия. Предмет исследования – проблемы общественного восприятия лоббизма в ФРГ и странах ЕС.

Обсуждение результатов анализа. Растущие и всё более сложные требования к европейским лоббистам приводят к профессионализации данной деятельности. В течение 1990-х годов в этом контексте возникла лоббистская индустрия, состоящая из специализированных консалтинговых агентств, юридических фирм, средств массовой информации и учебных центров. С 1 января 2022 года в ФРГ существует реестр лоббистов¹, который ведётся немецким Бундестагом и находится в открытом доступе для всех желающих. За неполные два года реестр получил значимое наполнение (см. рис. 1).

Рисунок 1. Количество зарегистрированных лиц в лобби-реестре представительства интересов в Бундестаге ФРГ в 2023 году

¹ Lobbyregister // Deutscher Bundestag. URL: <https://www.lobbyregister.bundestag.de> (accessed: 28.07.2023).

Закон о введении реестра лоббистов, принятый в ФРГ в конце марта 2021 года, содержит следующие ключевые моменты:

- До начала работы лоббисты обязаны зарегистрироваться и предоставить информацию о своём работодателе или клиенте, а также о количестве сотрудников и финансовых расходах.
- Отсутствие обязательной регистрации, а также предоставление некорректных сведений или несвоевременное их обновление расценивается как административное правонарушение и влечёт за собой штраф в размере до €50 000.
- Лоббисты должны принять кодекс поведения, определяющий принципы добросовестности в представлении интересов.
- Реестр лоббистов ведётся в цифровом формате и находится в открытом доступе.
- Требование о юридической регистрации представителей интересов обязательно для членов парламента, парламентских групп и федерального правительства, вплоть до руководителей министерств.
- Профсоюзы и ассоциации работодателей, церкви и религиозные общины освобождаются от обязанности регистрироваться.

Следует отметить, что не существует реестров так называемого «исполнительного следа», т.е. мониторинга того, как и где лоббисты пытаются повлиять на разработку отдельных законов, что не позволяет говорить о полной открытости законодательного процесса и практики принятия политических решений.

При этом созданный реестр способствует раскрытию ранее недоступной для граждан Германии информации. Например, анализ данных показывает, что Ассоциация химической промышленности (VCI), лоббируя химические корпорации, возглавляет условный рейтинг по расходам на лобби-усилия. Так, по итогам 2021 года представители химических отраслей потратили €8,2 млн и трудоустроили от 80 до 90 человек в сфере лоббизма. Ассоциация муниципальных предприятий ФРГ (VKU) заняла 2-е место с расходами на лобби в размере €7,9 млн, опережая Федерацию немецкой промышленности (BDI), которая находится на третьем месте с €7,4 млн. Среди иностранных компаний, нанимающих лоббистов в ФРГ, лидирует Philip Morris с €1,2 млн.

Значительно раньше ФРГ – в 2011 году – был введён добровольный реестр прозрачности Европейского парламента и Европейской комиссии [23]. Это стало отражением того факта, что, как и европейская политика в целом, лоббирование в странах ЕС институционализировалось из теневых политических и экономических практик вследствие создания единого европейского рынка в 1990-х годах. В основе реестра лежит требование оценки финансовых затрат групп интересов на лоббирование.

Поскольку информация предоставляется добровольно и в значительной степени бесконтрольно, Европейский реестр считается непрозрачным и содержит, по всей видимости, заниженные цифры расходов. Несмотря на это, реестр является основным источником информации о лоббировании в штаб-квартире ЕС – Брюсселе.

Сравним данные роста лоббистов и групп влияния, включённых в реестр прозрачности ЕС.

Анализ данных крупнейших отраслевых лобби в Национальном собрании еще одной страны – члена ЕС – Франции демонстрирует следующее: в числе крупнейших 200 корпораций лоббистов, сотрудничающих с нижней палатой Парламента Франции, представлены ведущие отрасли экономики: энергетика – 15,6%, сельское хозяйство – 13,1%, розничная торговля и транспорт – 8,0%, банки, финансы и страхование – 7,6% и др. компании (см. рис. 2).

Таблица 1

Отрасли, представляющие лоббистов, включённых в Реестр прозрачности ФРГ в 2023 г. [23]

Отрасль	Число зарегистрированных лоббистов
Наука, исследования и технологии	2 033
Устойчивое развитие и ресурсосбережение	1 976
Охрана Окружающей среды	1 865
Законодательство ЕС	1 446
Возобновляемые источники энергии	1 402
Общая энергетическая политика	1 285
Малые и средние предприятия	1 248
Цифровые технологии	1 215
Промышленная политика	1 152
Здравоохранение	1 095

Рисунок 2. Анализ структуры лоббистов в Национальном Собрании Франции, 2022 [24]

Подавляющее большинство французов подозрительно относятся к лоббистам и считают, что политики слишком подвержены их влиянию. К такому выводу приводят данные опроса, проведённого Transparency International France, – организации, защищающей прозрачность и честность в публичной сфере. Согласно результатам социологического опроса, проведённого в 2022 году, 87% респондентов из числа граждан Франции считают естественным, что лица, принимающие политические решения, консультируются с заинтересованными сторонами проекта (заинтересованный бизнес, профсоюзы, ассоциации и т.п.). При этом большинство опрошенных требуют большей прозрачности законов, на которые лоббисты стремятся повлиять. При этом 4 из 5 респондентов-французов считают, что политики

находятся под «излишним давлением» и влиянием лобби. К этому добавляется тот факт, что деятельность этих влиятельных групп считается общественно «вредной», когда речь идёт об экологических проблемах. Национальный закон Франции о регулировании лоббизма (закон «Сапин 2» от декабря 2016 года) требует регистрации представителей групп интересов в реестре, который ведёт национальный орган по прозрачности общественной жизни (НАТVP). Несовершенство данного закона в том, что он, во-первых, не обязует чиновников декларировать свои контакты, а во-вторых, от обязательства по включению в реестр частично или полностью освобождены ассоциации представителей или профсоюзы [25].

Исследование лоббизма, проведённое гражданским комитетом в странах ЕС, демонстрирует достаточно широкую осведомлённость граждан стран Евросоюза о влиянии лоббистов. Так в среднем по странам ЕС 70% респондентов согласны с утверждением «широко известно, что лоббисты имеют сильное влияние в ЕС на формирование политики», по 15% опрошенных не согласны или не знают. По конкретным странам ЕС распределение следующее: Австрия – 83% респондентов согласны и 10% не согласны с данным утверждением; Чехия – 77% и 12%, соответственно; Франция – 68% опрошенных согласны и 17% не согласны; в Великобритании 52% респондентов согласны с тем, что лоббисты имеют сильное влияние на разработку политике ЕС и 16% не согласны с данным утверждением.

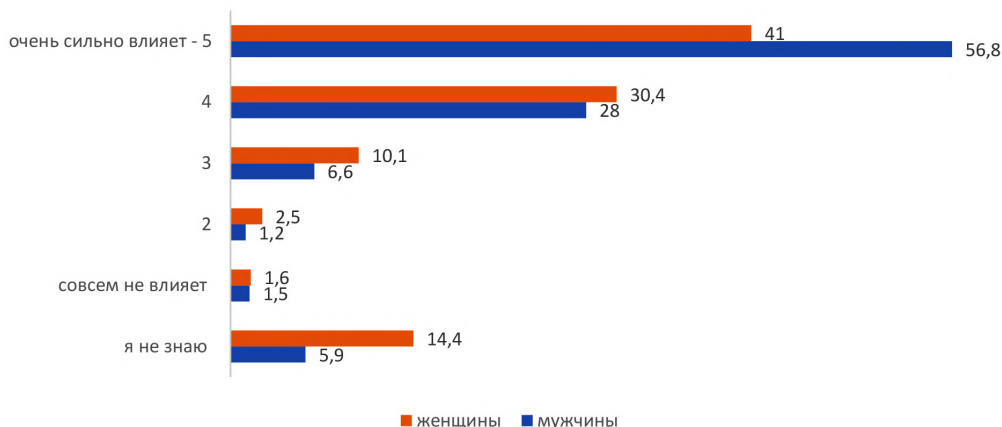
Растущая сложность процессов выработки внутренней политики и переговоров на международном уровне стирает границы между лоббированием и дипломатией. Вместо того, чтобы полагаться на традиционные и формальные дипломатические каналы и процессы, иностранные правительства все чаще полагаются на лоббистов и другие формы влияния для продвижения своих политических целей на национальном и многостороннем уровнях. Практика влияния многих лоббистских фирм, работающих от имени иностранных правительств, аналогичны прочим формам влияния. Что касается вовлечённых субъектов, то правительства иностранных государств, включая посольства и постоянные представительства, могут привлекать лоббистские, юридические фирмы и фирмы по связям с общественностью или бывших государственных чиновников страны для лоббирования от их имени. Они также могут финансировать общественные организации, фонды, академические учреждения и аналитические центры для сбора доказательств, подтверждающих их цели, а также для предоставления определённых льгот (например, спонсируемых поездок) журналистам и лицам, принимающим решения. Одним из способов влияния на политику правительств является финансирование сторонних организаций, таких как аналитические центры, исследовательские институты или исследовательские организации в целом. На протяжении десятилетий эта практика использовалась для влияния на государственную политику, при этом не было никакой прозрачности в отношении того, кто стоит за конкретными аналитическими центрами и академическими исследованиями, что увеличивает риски предоставления предвзятой или ложной информации с целью ввести в заблуждение. В попытках хоть как-то снизить эти риски, в отдельных странах ЕС принимаются определённые уточнения по поддержанию актуальных сведений по лоббистам (см. табл. 2).

Согласно данным исследования, проведённого среди жителей ФРГ, на вопрос, в какой степени лоббирование влияет на политику ЕС, 78% респондентов ответили, что влияние сильное или очень сильное. Причём вариант «очень сильное» выбрали почти 50% опрошенных. Только 1,5% из числа опрошенных считают, что лоббирование вообще не имеет никакого влияния.

Таблица 2

Требования к раскрытию информации о лоббистской деятельности в отдельных странах, по данным ОЭСР, 2022

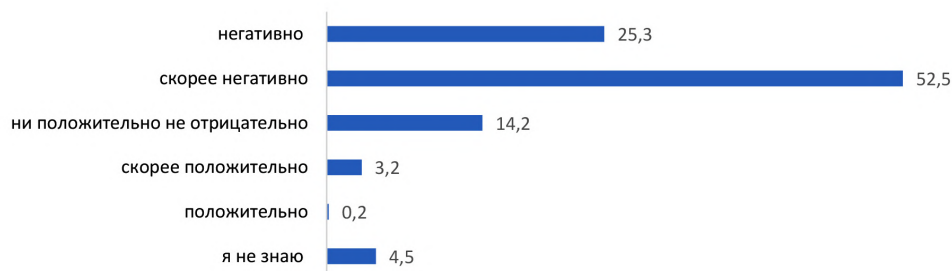
Страна	Требования к регистрации	Обновление информации
Франция	Обязательная регистрация в течение двух месяцев с момента начала лоббистской деятельности	Если лоббистская деятельность осуществляется от имени нового клиента, его личность должна быть зарегистрирована в течение одного месяца. В течение 3-х месяцев после окончания финансового года лоббиста, обязательны к подаче «годовые отчёты о деятельности»
Германия	Регистрация для ведения лоббистской деятельности необходима безотлагательно, как только будет выполнено одно из следующих условий: 1) осуществляется регулярная лоббистская деятельность; 2) постоянное представительство интересов является частью деятельности компании или от имени третьих лиц; 3) представление интересов является частью деятельности компании или от имени третьих лиц; 4) за последние три месяца было установлено более 50 лоббистских контактов. Предварительной регистрации требует участие в публичных слушаниях комитетов немецкого Бундестага и некоторых процедурах федеральных министерств.	Лоббисты должны обновлять информацию не реже одного раза в год. Любые изменения в зарегистрированной информации должны быть раскрыты не позднее конца квартала, следующего за днём возникновения изменения. Изменения личности клиентов должны быть зарегистрированы незамедлительно. Финансовая информация должна быть обновлена не позднее шести месяцев после окончания финансового года.
Италия	Регистрация обязательна для ведения лоббистской деятельности.	До 31 декабря каждого года внесённые в реестр лица должны представить Палате депутатов отчёт о лоббистской деятельности.
Великобритания	Регистрация обязательна для ведения деятельности по лоббированию.	Информация о клиентах должна предоставляться лоббистами-консультантами каждые три месяца.

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов-жителей ФРГ на вопрос о степени влияния лоббирования на политику ЕС с разбивкой по полу [23]

Как можно видеть на рисунке 3, опрос показал, что из женщины-жители ФРГ неохотно констатируют что-либо о политическом влиянии лоббизма, о чём свидетельствует тот факт, что доля выбравших «не знаю» среди женщин более чем в два раза выше, чем среди мужчин. Кроме того, женщины-респонденты склонны считать, что лоббирование оказывает меньшее влияние, чем мужчины. Последние в подавляющем большинстве (56,8%) убеждены, что лоббирование оказывает очень сильное влияние на политику ЕС, среди женщин такого мнения придерживается 41,0%. Аналогичная разница наблюдается между участниками опроса разных возрастных групп. Респонденты 1965 года рождения и моложе видят меньшее влияние лобби на политику ЕС, чем те, кто родился до 1965 года. Так 57,0% родившихся до 1965 г. считают влияние лоббистских групп очень сильным, а для тех, кто родился в 1965 году или позже, этот показатель составляет всего 43,2%. Это может быть связано с более скептическим отношением старшего поколения к лоббированию или лучшей/худшей информированностью о лоббистской деятельности, по сравнению с более молодым поколением.

Наглядно прослеживается отношение респондентов в их оценке влияния лоббирования на политику ЕС (см. рис. 4) – 77,8% тех, кто действительно оценивает влияние лоббизма на политику в предыдущем вопросе, оценивают это влияние как негативное или скорее отрицательное. Только 3,4% констатируют положительное или скорее положительное отношение влияние лоббистов на политику ЕС.

Рисунок 4. Оценка респондентами влияния лоббирования на политику ЕС [23]

И вновь респонденты женского пола менее склонны давать определённый ответ, а те, что отвечают, – менее склонны к позитивным оценкам, чем их коллеги-мужчины (см. рис. 5).

Исследование показывает, что 47,7% участников, которые оценили влияние лоббирования на политику ЕС как отрицательное, не считают, что лоббирование вообще может иметь положительное влияние (рис. 6). И даже среди тех, кто ранее не оценивал влияние как негативное, почти каждый второй (45,8%) считает, что лоббирование может иметь негативные последствия для политики ЕС.

На национальном уровне лоббисты могут в первую очередь влиять на членов федерального правительства, парламентских институтов (Бундестага и Бундесрата). Как и на уровне Евросоюза, влияние лоббистов осуществляется посредством личных встреч, предоставления информации и приглашений для участия в публичных слушаниях, конференциях, экспертных столов, организуемых соответствующими комитетами Бундестага ФРГ [23].

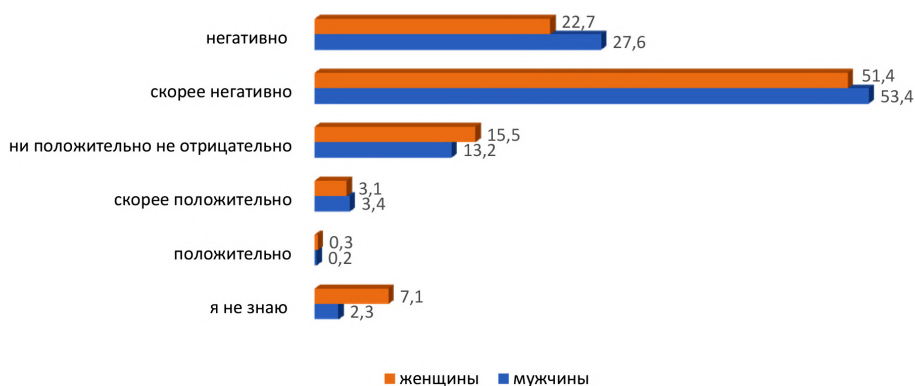
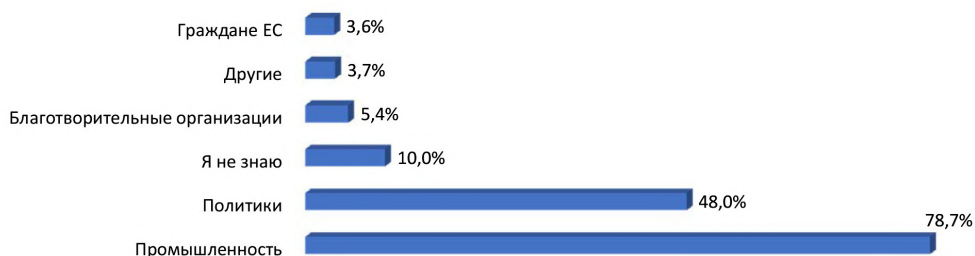

Рисунок 5. Оценка респондентами разных полов влияния лоббирования на политику ЕС [23]

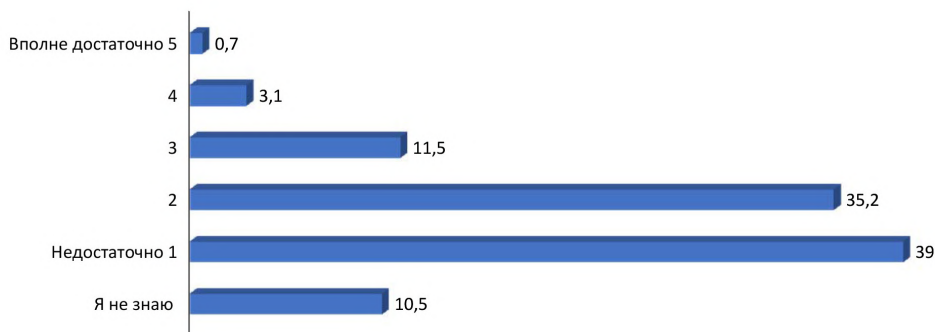

Рисунок 6. Распределение ответов на вопрос о возможности положительного или отрицательного влияния лоббирования [23]

По сравнению с влиянием на политику ЕС, 44,4% опрошенных считают влияние лоббирования на политику ФРГ более значительным. 40,9% респондентов отмечают, что влияние такое же, а 6,6% считают, что влияние меньше. Таким образом, среди респондентов налицо мнение об усиленном влиянии лобби на политику ФРГ. Для этого может быть несколько причин: хотя решения по многим законопроектам в настоящее время принимаются на уровне ЕС, принятые на национальном уровне законы получают больше освещения в национальных СМИ, создавая у граждан впечатление, что лоббирование гораздо более распространено на национальном уровне, чем на уровне ЕС. Другим объяснением может быть то, что многие компании и неправительственные организации действительно лоббируют интересы клиентов только на национальном уровне, и поэтому лоббистская деятельность здесь гораздо более заметна, чем на уровне ЕС (несмотря на европейский реестр прозрачности). Кроме того, лоббистские группы также могут оказывать влияние на политику ЕС посредством национальных каналов коммуникаций, например, влияя на решения Совета министров ФРГ через федеральное правительство.

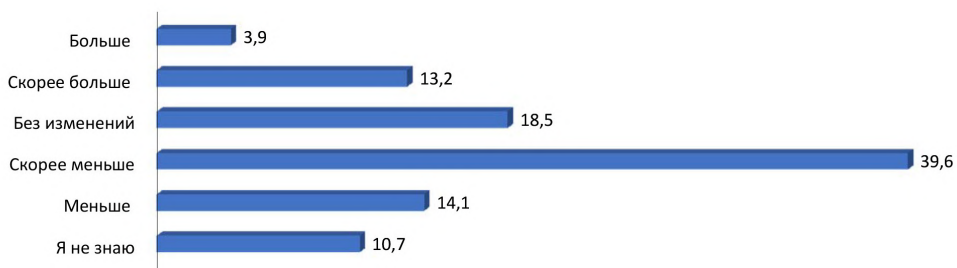
Рисунок 7. Получатели выгоды от лоббирования на уровне ЕС (сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько вариантов ответа) [23]

Рисунок 8. Мнение респондентов-жителей ФРГ о том, достаточно ли у граждан ЕС информации, чтобы понять происходящее в отношении лоббирования на уровне ЕС?»», % [23]

По мнению респондентов, наибольшие выгоды от лоббирования на уровне ЕС получают представители промышленности и политики (рис. 7). В то время как 78,7% опрошенных констатируют выгоду для отраслей промышленности, почти половина респондентов (48,0%) по-прежнему считают, что политики получают выгоду от лоббирования. С другой стороны, лишь очень небольшая часть участников опроса считает, что выгоду от лоббирования на наднациональном уровне ЕС получают граждане ЕС или благотворительные организации (3,6% и 5,4%, соответственно).

Ввиду большого числа лоббистских групп, представляющих интересы промышленных корпораций ФРГ и ЕС, неудивительно, что именно промышленность рассматривается как основной бенефициар усилий лоббистов. Вызывает определённые вопросы размещение респондентами на втором месте группы политиков как основных выгодополучателей, что в условиях развития института парламентской демократии (столь характерной для ФРГ), выглядит удивительно и нуждается в отдельном исследовании. При этом, как было сказано выше, положительный эффект от лоббирования в части экспертного информационного сопровождения политической деятельности получают именно органы власти.

Рисунок 9. В какой степени, по вашему мнению, изменилось бы влияние лоббирования на политику ЕС при наличии у общественности полной информации обо всех лоббистских действиях? Влияние лоббирования на политику Европейского Союза будет... ?, % [23]

Изучение вопроса информированности граждан ЕС о лоббировании показало, что три четверти опрошенных (74,2%, оценки 1 и 2) считают имеющуюся информацию недостаточной (рис. 8). Данный факт противоречит усилиям, предпринимаемым органами управления ЕС для обеспечения прозрачности процессов лоббирования. Реестр прозрачности подробно раскрывает цели и задачи лоббистской деятельности, демонстрирует её финансовые показатели, но отсутствие контроля за достоверностью сведений и санкций за предоставление недостоверной информации (за исключением непредоставления аккредитации Европарламента), вызывает сомнения в соответствии данных реестра действительности. Позиция респондентов может свидетельствовать как о малой информированности о наличии Европейского реестра лоббистов как фактора прозрачности, так и о низком уровне доверия к нему.

Большинство респондентов (53,7%) считают, что влияние лоббирования на политику в ЕС было бы ниже (ответы «меньше», «скорее меньше»), если бы общественность была полностью информирована о лоббистских усилиях и применяемых практиках (см. рис. 9). Респонденты предполагают, что давление со стороны общественности на лоббистские группы усилится в силу требований большей прозрачности и, следовательно, лоббистские группы станут менее вовлечёнными в публичную политику или что политики будут меньше реагировать на требования групп влияния.

Выводы. В заключении необходимо отметить, что развитие лоббизма в современном мире воспринимается как составляющая демократических режимов, т.к. взаимодействие государства, политических органов управления, групп интересов является неотъемлемым фактором парламентских и конституционных демократий. Лоббизм в современном европейском обществе рассматривается как продолжение практик поиска демократического консенсуса в обществе, как латентная форма представительской демократии.

В настоящих условиях обществу и органам публичной власти может потребоваться более комплексная оценка лоббистской деятельности, учитывая сложное разнообразие участвующих в ней лиц и разнообразные способы влияния на процесс принятия политических решений. Факты показывают, что злоупотребление лоббированием и другими средствами влияния на процесс принятия политических решений приводит к неоптимальной или ошибочной политике.

Даже будучи нечастыми, злоупотребления подрывают общественное доверие как к органам государственной власти, так и к бизнесу.

Лоббизм и уровень влияния групп интересов в процессе формирования политики в целом существенно изменились с момента создания реестров лоббистов в ЕС (2011 г.) и в ФРГ (2021 г.). Политические и репутационные риски значительно возросли как для органов власти, так и для бизнеса, учитывая повышенное внимание и ожидания общества. Но всё же нельзя назвать создание реестров панацеей, т.к., например, этнические группы и экономические корпорации, действующие теневыми методами (финансирование политиков, их предвыборных кампаний в обмен на конкретные решения), в реестрах прозрачности не замечены, что подтверждает необходимость доработки инструментов прозрачности.

Предпринимаемые властями меры по повышению прозрачности не успевают за тенденциями развития процессов лоббирования, в результате чего многие страны, в числе которых и Россия, испытывают дефицит прозрачности в политическом процессе и, в частности, в лоббистской деятельности. Авторы считают необходимой разработку в РФ федерального закона, регулирующего лоббистскую деятельность, поскольку опыт стран Европы демонстрирует, что наличие данных национальных и наднациональных законодательных актов повышает уровень доверия граждан к институтам власти, организует профилактическое давление на коррупционное поведение как бизнеса, так и действующих политиков и государственных служащих.

Библиографический список / References

1. Ильичева Л. Е., Латин А. В. Доверие к власти и социально-политическая консолидация общества // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 3. С. 50–67. DOI [10.19181/nko.2022.28.3.4](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.3.4). EDN [UZXUSM](https://www.edn.ru/uzxusm).
Ilicheva L. E., Lapin A. V. Trust in the authorities and social consolidation of society. *Science. Culture. Society*. 2022;28(3):50–67. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2022.28.3.4](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.3.4).
2. Фельдман П. Я. Концептуализация подходов к интерпретации феномена лоббизма // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24, № 4. С. 182–189. DOI [10.24290/1029-3736-2018-24-4-180-187](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-4-180-187). EDN [VROFWNK](https://www.edn.ru/vrofwnk).
Feldman P. J. Conceptualization of approaches to the interpretation of the phenomenon of lobbying. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2018;24(4):180–189. (In Russ.). DOI [10.24290/1029-3736-2018-24-4-180-187](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-4-180-187).
3. Ильичева Л. Е. Специфика лоббизма в трансформируемом российском обществе // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 4(67). С. 15–18. EDN [MWIQYH](https://www.edn.ru/mwiqyh).
Ilicheva L. E. Specifics of lobbyism in the transforming Russian society. *Ucheny'e zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta*. 2009;(4):15–18. (In Russ.).
4. Курьяшин Г. Л., Дробышева Е. С., Стародубцев А. С. Латентное в публичном: изъяны регулирования лоббизма в США // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 96. С. 104–123. DOI [10.24412/2070-1381-2023-96-104-123](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-96-104-123). EDN [GZTGEV](https://www.edn.ru/gztgev).
Kuryashin G. L., Drobysheva E. S., Starodubtsev A. S. Latent in Public Mechanisms: Flaws in Lobbying Regulation in the USA. *Public Administration. E-journal*. 2023;(96):104–123. (In Russ.). DOI [10.24412/2070-1381-2023-96-104-123](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-96-104-123).
5. Speth R. Das Bezugssystem Politik – Lobby – Öffentlichkeit. In: *Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ) Lobbying und Politikberatung*, Heft 19/2010. S. 9–14.
6. *de Tocqueville A. Демократия в Америке: Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. М. : Весь Мир, 2000. 560 с. ISBN 5-7777-0062-4.*
de Tocqueville A. *De la démocratie en Amérique*. Moscow: Ves' Mir; 2000. 560 p. (In Russ.).
7. Weber M. *Politik als Beruf*. München und Leipzig: Duncker & Humblot; 1919. 67 p.
8. Niedermayer O. Die Entwicklung des Parteiensystems seit der Wiedervereinigung. In: *Bundeszentrale für politische Bildung*. 2012. Available at: <http://www.bpb.de/politik/grundfragen/deutsche-verhaeltnisse-eine-sozialkunde/138733/das-parteiensystem-seit-der-wiedervereinigung> (accessed: 19.07.2023).

9. Unger B., van Waarden F. Interest associations and economic growth: a critique of Mancur Olson's Rise and Decline of Nations. *Review of International Political Economy*. 1999;6(4):425–467. DOI [10.1080/096922999347128](https://doi.org/10.1080/096922999347128).
10. Большакова Ю. М., Большаков С. Н. Лоббизм и GR-практики в странах Восточной Европы и Прибалтики: политико-социологический анализ // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. Т. 23, № 3. С. 174–199. EDN [ZIVXRZ](https://elibrary.ru/zivxrz). Bolshakova Yu. M., Bolshakov S. N. Lobbying and GR-practices in Eastern Europe and the Baltic states: the political-sociological analysis. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2017;23(3):174–199. (In Russ.).
11. Акай А. К. Правовое регулирование лоббизма ФРГ в Бундестаге // Инновационное развитие современной науки: проблемы и перспективы : Матер. междунар. науч.-практич. конф. (Астана, Казахстан, 13 мая 2017 года) / Под общ. ред. А. И. Вострецова. Астана, Казахстан : НИЦ «Мир науки», 2017. С. 112–120. EDN [YOHRRP](https://elibrary.ru/yohrrp). Akay A. K. Legal regulation of the German lobbying in the Bundestag. In: Innovative development of modern science: problems and prospects: Proc. of the intern. scient. & pract. conf. Astana, Kazakhstan: NIC "Mir nauki"; 2017. P. 112–120. (In Russ.).
12. von Winter T., Willems U. Zum Wandel der Interessenvermittlung in Politikfeldern. Zentrale Befunde aus der Verbände- und der Policy-Forschung. In: Rehder B., von Winter T., Willems U. (eds) Interessenvermittlung in Politikfeldern. VS Verlag für Sozialwissenschaften. DOI [10.1007/978-3-531-91697-2_1](https://doi.org/10.1007/978-3-531-91697-2_1). P. 9–29.
13. Hnigsberger H., Osterberg S. Die Regulierung des Lobbyismus – das parlamentarische Lehrstück. In: von Winter T., von Blumenthal J. (eds) Interessengruppen und Parlamente. Wiesbaden: Springer VS; 2014. P. 275–310. DOI [10.1007/978-3-531-19161-4_11](https://doi.org/10.1007/978-3-531-19161-4_11).
14. Joos K. Erfolg durch Prozesskompetenz. Paradigmenwechsel in der Interessensvertretung nach dem Vertrag von Lissabon. In: Dialer D., Richter M. (eds) Lobbying in der Europäischen Union. Wiesbaden: Springer VS; 2014. S. 29–45. DOI [10.1007/978-3-658-03221-0_3](https://doi.org/10.1007/978-3-658-03221-0_3).
15. Smidt A., Zschiesche M. Die Klagetätigkeit der Umweltschutzverbände im Zeitraum von 2013 bis 2016. Berlin; 2018. Available at: <https://u.to/ScUmIA> (accessed: 30.07.2023).
16. Bennedsen M., Feldmann S. E. Informational lobbying and political contributions. *Journal of Public Economics*. 2006;90(4-5):631–656. DOI [10.1016/j.jpubeco.2005.08.003](https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2005.08.003).
17. Austen-Smith D., Wright J. R. Counteractive Lobbying. *American Journal of Political Science*. 1994;38(1):25–44. DOI [10.2307/2111334](https://doi.org/10.2307/2111334).
18. Schmidt M. G. Demokratietheorien. Opladen: UTB Leske + Budrich; 2000. 608 p. DOI [10.1007/978-3-531-90008-7](https://doi.org/10.1007/978-3-531-90008-7).
19. Baruth S., Schnapp K.-U. Ministerialbürokratien als Lobbyadressaten. In: Speth R., Zimmer A. (eds) Lobby Work. Bürgergesellschaft und Demokratie. Wiesbaden: Springer VS; 2015. P. 245–260. DOI [10.1007/978-3-658-09433-1_14](https://doi.org/10.1007/978-3-658-09433-1_14).
20. Dür A., Bernhagen P., Marshall D. Interest Group Success in the European Union. When (and Why) Does Business Lose?. *Comparative Political Studies*. 2015;48(8):951–983. DOI [10.1177/0010414014565890](https://doi.org/10.1177/0010414014565890).
21. Loer K., Töller A. Interessenvertretung und politisches System in Deutschland im Wandel. In: Bundeszentrale für politische Bildung. 2019. Available at: <https://u.to/lskmIA> (accessed: 19.07.2023).
22. Plehwe D. Wandel der Lobbyarbeit in der Europäische. In: Bundeszentrale für politische Bildung. 2019. Available at: <https://u.to/s8kmIA> (accessed: 23.07.2023).
23. Epperson R., Habla W., Wagner U. Wie der Einfluss von Lobbyismus auf die Politik in Deutschland und der EU wahrgenommen wird Auswertung einer repräsentativen Umfrage in Deutschland zu Lobbyismus allgemein und Lobbyismus in der EU-Klimapolitik. *ZEW Expert Briefs*. 2019. No. 19-04. Available at: <https://u.to/GMomIA> (accessed: 19.07.2023).
24. Braun E., Hirsch C. Lobbyists in French parliamentary hearings, by the numbers. In *Politico*. 30.03.2021. Available at: <https://u.to/c8omIA> (accessed: 19.07.2023).
25. Rapport d'enquête n°1521: au nom de la commission d'enquête relative aux révélations des Uber files: l'ubérisation, son lobbying et ses conséquences. In: Assemblée nationale. 11.07.2023. Available at: <https://u.to/ucomIA> (accessed: 19.07.2023).

Поступила: 07.08.2023. Доработана: 06.09.2023. Принята: 18.09.2023.

Сведения об авторах:

Большаков Сергей Николаевич, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и прикладной политической работы Российского государственного социального университета. Москва, Россия. snbolshakov@mail.ru
Author ID РИНЦ: 277851; ORCID: 0000-0002-4884-2077

Большакова Юлия Михайловна, кандидат политических наук, доктор философии, профессор, научный сотрудник Института политической психологии и прикладных политических исследований ЛГУ имени А. С. Пушкина. Санкт-Петербург, Россия.
snbolshakov@mail.ru
Author ID РИНЦ: 875873; ORCID: 0000-0001-5951-416X

Минченков Егор Николаевич, аспирант, ЛГУ имени А. С. Пушкина.
Санкт-Петербург, Россия. project.edu.2024@gmail.com
Author ID РИНЦ: 1027180; ORCID: 0000-0002-7828-7254

S. N. Bolshakov¹, Yu. M. Bolshakova², E. N. Minchenkov²
¹ Russian State Social University. Moscow, Russia
² Pushkin Leningrad State University. St. Petersburg, Russia

THE ROLE AND IMPACT OF LOBBYING ON SOCIETY (AS PERCEIVED BY THE PEOPLE OF THE FRG)

Abstract. The article considers the modern perception of the phenomenon of lobbying, states the influence of interest groups on political processes in the countries of the European continent. The authors emphasize the relevance of the study of lobbying, which is determined by the processes of political change and integration of the national and international economic space of the European Union and the Federal Republic of Germany. On the basis of secondary interpretation of sociological data the researchers reveal the problems of public assessment of lobbying, its influence on political processes in the EU countries. Attention is emphasized on the importance of society's requirements to the transparency of interest groups and lobbying. The position of the respondents regarding the maintenance of a register of lobbyists at the level of Germany and the EU as a necessary tool of public control is seen as important. Based on the results of the research, a conclusion was made about the influence of interest groups on the lobbying process. The basis of modern interpretations of lobbying is not the theory of pluralism or corporatism, but the theory of network management. According to the respondents, industrial corporations and the leading sectors of the German and EU economy, rather than politicians and political parties, benefit more from lobbying in the Federal Republic of Germany. These surveys suggest a dominance of lobbyists from the economic sphere of the industrial sectors, which, according to the respondents, gain an economic advantage when working in markets. At the same time, it is the authorities that receive a positive effect from lobbying in terms of expert information support of political activity. The authors conclude that it is necessary to further study the influence of interest groups and lobbyists on political processes and further deepen the transparency of the lobbying process, more detailed disclosure of administrative and tax reporting in order to increase public confidence in politicians, business and government.

Keywords: lobbying, influence groups, political process, trust, openness

For citation: Bolshakov S. N., Bolshakova Yu. M., Minchenkov E. N. The role and impact of lobbying on society (as perceived by the people of the FRG). *Science. Culture. Society.* 2023;29(4):110–126. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.9>

Received: 07.08.2023. Corrected: 06.09.2023. Accepted: 18.09.2023.

Information about the authors:

Sergey N. Bolshakov, Doctor of Political Science, Professor, Professor of the Department of Political Science and Applied Political Work, Russian State Social University. Moscow, Russia. snbolshakov@mail.ru
ORCID: [0000-0002-4884-2077](https://orcid.org/0000-0002-4884-2077)

Yulia M. Bolshakova, Doctor of Philosophy, Candidate of Political Sciences, Professor, Researcher, Research Institute of Political Psychology and Applied Political Studies, Pushkin Leningrad State University. St. Petersburg, Russia. snbolshakov@mail.ru
ORCID: [0000-0001-5951-416X](https://orcid.org/0000-0001-5951-416X)

Egor N. Minchenkov, postgraduate student, Pushkin Leningrad State University. St. Petersburg, Russia. project.edu.2024@gmail.com
ORCID: [0000-0002-7828-7254](https://orcid.org/0000-0002-7828-7254)

EDN YDVNAV

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА «НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО» ЛЕВАШОВА ВИКТОРА КОНСТАНТИНОВИЧА!

Аннотация. Редакция журнала «Наука. Культура. Общество» и сотрудники Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН сердечно поздравляют главного редактора журнала, руководителя ИСПИ ФНИСЦ РАН с Днём рождения. Доктору социологических наук Виктору Константиновичу Левашову – 75 лет!

Ключевые слова: Виктор Константинович Левашов, поздравление, юбилей

22 декабря отмечает юбилейный День рождения главный редактор нашего журнала, директор ИСПИ ФНИСЦ РАН, талантливый учёный, выдающийся социолог, высококвалифицированный и целеустремленный специалист в области политической социологии доктор социологических наук Виктор Константинович Левашов. Редакция журнала, коллектив Института, друзья и коллеги сердечно поздравляют дорогого юбиляра.

Истоком формирования профессиональных интересов Виктора Константиновича, определивших его плодотворный путь в академической науке, послужила работа в партийных органах Крыма и в ЦК КПСС (до 1991) сразу после окончания факультета международных отношений МГИМО (1975). Его научное призвание ярко проявилось в исследовательской деятельности в рамках учёбы в очной аспирантуре Института социологических исследований АН СССР (1981–1984) и последующей успешной защите кандидатской диссертации по философии на острую и актуальную тему: «Воздействие массовой информации на политическую культуру молодёжи» (1984).

В сложные для России 90-е годы XX века Виктор Константинович выступил в числе инициаторов создания социологического мониторинга «Как живёшь, Россия?» для изучения социально-политических процессов в стране. Для более глубокого анализа результатов в дальнейшем был разработан комплексный индекс социально-политической устойчивости (ИСПУ). Первый этап мониторинга «Как живёшь, Россия?» был проведён летом 1992 года; летом текущего – 2023-го – года под руководством В. К. Левашова проведён уже 53-й этап¹.

Тематика исследования устойчивости развития гражданского общества и государства на долгие годы стала основополагающей в его научной деятельности. В 1997 году Виктор Константинович защитил докторскую диссертацию по социологии на тему: «Социально-политические аспекты концепции устойчивого развития (на примере России 90-х годов)». Его авторские методики измерения

¹ Как живёшь, Россия?: Экспресс-информация. 53-й этап социологического мониторинга, июнь 2023 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 91 с. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-418-5.2023. EDN UVGWIE

уровня социально-политической устойчивости и гражданского потенциала российского общества получили широкое признание со стороны коллег как в России, так и за рубежом. Талант и высокий научный потенциал Виктора Константиновича нашли своё отражение в новаторском подходе к методологии и методике исследования российского общества, которому нет аналогов во всем мире. Обобщая актуальные мировые тенденции современной реальности, как опытный исследователь, он успешно фиксирует факты, выстраивая их в единую концепцию: «Мир и гибридные войны ищут и формируют новые гибридные формы сосуществования зависимых друг от друга наций, государств и граждан в условиях ядерного императива, пандемий мутирующего коронавируса и планетарной цифровой революции»² Высоко оценены экспертами результаты исследовательской научной деятельности Виктора Константиновича, под руководством которого были

² Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году / Н. В. Березина, И. Я. Богданов, Н. М. Великая [и др.]. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. С. 8–9. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023). EDN [ORTSAQ](https://orcid.org/0RTSAQ).

реализованы грантовые работы, посвящённые изучению политической культуры и устойчивого развития гражданского общества, образа будущего в массовом сознании, актуальным аспектам формирования социального государства, вызовам, угрозам и резервам российского общества и другие (РГНФ, РФФИ, ЭИСИ).

Трудовой путь Виктора Константиновича тесно связан с работой в Институте социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (ранее ИСПИ РАН). С 1991 года он работает и возглавляет Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН. В настоящее время в институте под руководством Виктора Константиновича реализуется государственное задание на тему: «Социологический мониторинг развития гражданского общества, социальных и политических институтов». С 2020 года Виктор Константинович является директором Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, работе в котором он посвятил всю свою научную жизнь. Его управленческие и организаторские способности, умение сплотить, нацелить и вдохновить трудовой коллектив на научные подвиги, забота о каждом сотруднике находят своё отражение в благоприятном социально-психологическом климате института.

Его научные заслуги по достоинству отмечены рядом значимых в социологии наград и премий: лауреат Национальной Экологической премии за участие в разработке «Научных основ стратегии устойчивого развития Российской Федерации» (2004), лауреат премии имени М. М. Ковалевского Российской академии наук за выдающиеся научные работы в области социологии (2010). Виктор Константинович опубликовал более 300 научных работ и свыше 20 монографий, в том числе коллективных, получивших известность в нашей стране и за рубежом.

Научно-педагогическая и общественная деятельность является неотъемлемой частью научной жизни Виктора Константиновича. Он – член экспертно-консультативного совета Комиссии Государственной Думы по проблемам устойчивого развития, эксперт РАН и РНФ, главный редактор научного журнала «Наука. Культура. Общество», член редакционных коллегий и советов ведущих научных журналов, председатель и член диссертационных советов.

Виктор Константинович активно принимает участие в подготовке научных кадров и развитии научного потенциала молодых учёных. Под его руководством защищены диссертационные работы по актуальным проблемам современного общества.

Поздравляем дорогого и уважаемого Виктора Константиновича с юбилеем и желаем ему крепкого здоровья, личного благополучия, новых успешных проектов, творческого долголетия, научного вдохновения и неиссякаемой жизненной энергии!

Редакционная коллегия журнала «Наука. Культура. Общество»

CONGRATULATIONS ON THE JUBILEE OF THE CHIEF EDITOR OF THE JOURNAL “SCIENCE, CULTURE, SOCIETY” VICTOR K. LEVASHOV!

Abstract. Editorial Board of the journal “Science, Culture, Society” and the staff of the Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS heartily congratulate the Editor-in-Chief of the journal, Head of the ISPR FCTAS RAS on his birthday. Victor Konstantinovich Levashov – 75!

Keywords: Victor Konstantinovich Levashov, congratulations, anniversary

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

сетевой научный журнал

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 81252 от 30 июня 2021 г.

Соучредители:

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Адрес: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Общественная российская академия социальных наук

Адрес: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 24/7, стр. 1

Главный редактор:

Виктор Константинович Левашов

Ответственный секретарь:

Оксана Валерьевна Гребняк

Журнал «Наука. Культура. Общество» включён в базу РИНЦ и перечень ВАК.

ISSN 2713-0681

Материалы журнала размещены в открытом доступе на сайте

<https://www.journal-scs.ru>

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При использовании материалов ссылка на журнал «Наука. Культура. Общество» обязательна.

2023. Том 29. № 4. Дата выхода в свет: 15.12.2023.

Адрес редакции: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1

Тел.: +7 499 530-27-32. E-mail: nauka.kultura.obshestvo@yandex.ru